

стихи РУ...НО 2019

*Студенческий
литературно-художественный
сборник
ЛИТО ЛЭТИ*

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С 808

Редколлегия:

Редакторы-составители – *Никита Мокеев, Владимир Кудряцев,
Максим Швец*

Художественный редактор – *Марина Ясыченко*

Технический редактор – *Максим Швец*

В оформлении обложки использована работа

Сергея Симкина из цикла

«Небо, скалы, поток».

Холст, масло, 70х95 см..

Стихи.РУ...НО 2019 : Литературно-художественный сборник ЛИТО ГЭТУ (ЛЭТИ) – СПб.: Реноме; 2019. – 528 с.: ил. – (Вып. VII).

Сборник произведений членов литературного объединения «ЛИТО ЛЭТИ» включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов СПб ГЭТУ «ЛЭТИ». Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А.И. Михалевич (член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей, Российского отделения ПЕН-клуба, Женщина года 2009).

Вниманию господ авторов:

Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т.д. и т.п. в альманахе «Руно» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@gmail.com

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© Авторы, текст, иллюстрации

СПБГЭТУ «ЛЭТИ»

ОДНА СТОЛИЦА

Работа Варвары ЧИГАРИНОЙ

Георгий АДАМОВИЧ

Что там было? Ширь закатов блёклых,
Золочёных шпилей лёгкий взлёт,
Ледяные розаны на стёклах,
Лёд на улицах и в душах лёд.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдёт, не повторится,
Не вернётся это никогда.
На земле была одна столица,
Всё другое – просто города.
(1927)

Юлия АЛЕКСЕЕВА

Питер

Я хочу показать тебе
Питера край.
Знаешь, просто кивни
И скажи – «Ну, давай».

Ты увидишь, как
В небе плывут поезда.
Отражается солнце
В стеклянных глазах.

Старых зданий
Божественный мраморный свет.
Он расскажет тебе
То, чего в книгах нет.

И Нева засмущается
Тёплым дождём.
Улыбаются лужи
Всю ночь под зонтом.

Я хочу показать тебе
Питера край.
Улыбаешься ты.
Я шепну – «Приезжай!»

Полина АНИСИМОВА

Я сразу влюбляюсь в город, где я живу
(Там волны в каналах прямо, как пульс по венам).
Наша с ним встреча, как вечное randevu,
Но я вижу во сне, – а будто бы наяву –
Как вокруг меня вырастают стальные стены.

Мой милый город, как тот древнеримский бог:
Меняет лицо после каждой сказанной фразы.
Стоит мне повернуться немного вбок –
Стены становятся выше ровно на блок –
И наш роман переходит в другую фазу.

Мой город – мужчина редких приятных качеств,
Таких мужчин на планете максимум треть:
Он хочет детей, даёт обидчикам сдачи
И говорит про любовь, – но вот незадача! –
Я таких, к сожалению, никак не могу терпеть.

Мне с ним бы сидеть, смотреть на водную гладь,
А потом пропадать на несколько дней подряд.
Он никогда не поймёт привычку сбегать.
И следующий факт: заставив меня выбирать,
Он сам оставляет один возможный вариант.

Ксения АНТОНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Мой город

Я не умею писать про свой город.
Должно быть стыдно – Санкт-Петербург всё же!
Не хочу фразами пустыми, избитыми...
Вот пускай пишет тот, кто может.

Не могу описать «величие», «мощь»,
Аскетичность гранита, болотное дно.
Посмотри. Осень, сумерки, дождь,
Вечно-странные сны и сырое окно.

Даже чай здесь – не чай, а серое небо,
Листья жёлтые – и те монохромные.
Взгляду порой не хватает света,
Зато сердца у людей огромные.

Евфросиния АЩЕУЛОВА**Город дождей – Петербург**

Здесь закаты встречают рассветы,
Тишину заменяют ветра,
Берегам волны шепчут советы –
Это город святого Петра.

Здесь в заливе купаются звёзды
В кратких сумерках белых ночей
И уходит тоска, что принёс ты,
С появлением первых лучей.

Здесь дворцы поражают красою,
Над Невой затих Эрмитаж;
Освежают фонтаны росой,
Правда, солнце здесь только мираж.

Здесь соседствует небо с землёю,
Ангел дух пробуждает трубой
И каналы, гранитной кривою,
Откликаются чьей-то судьбой.

С ним ничто не сравнится в величье –
Это город дождей – Петербург;
Он, застывший в гранитном обличье,
И безумен, и старчески мудр.

Елизавета БЕЛЯНИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Город

Иссиня-чёрный цвет: вода и отражение.
И движущийся свет пустых огней.
И тень луны, и ночи приближенье
И город стен, фундаментов, камней.

Потрескавшийся лёд под тяжестью ботинок.
Дыханье воздуха, заставшее врасплох.
И на щите немой, безликий снимок.
И осени последний тихий вдох.

Замёрзший серый снег, уснувший вдоль асфальта
И шум машин, убийца тишины.
Подскок, прыжок, двойное сальто –
И мрак упал с небесной вышины.

Холодный острый взгляд везде и всюду.
И жадный блеск украденных идей.
Гранит, бетон, осколков груды...
Здесь город стен, но только не людей.

Дарья БЕРТОВА

Мой Петербург

Снег в волосах, как седина.
Когда же кончится зима,
И я вернусь в такой родной
Холодный, слякотный, но мой,
Мой Петербург, я так скучала
И знала с самого начала,
Что только Ты меня поймёшь,
Ты успокоишь и вернёшь
Меня себе... Я только здесь
Нужна такая – как я есть.

Ангелина ВАСИЛЬЕВА

Белая ночь

Как вспышка Ирридиума, в миг расчертившая небо,
Как проблески света следами кошачьих лап,
Как зонд, обречённый на гибель, «Земля – Венера» –
Белая ночь пришла.

Кружась белоснежным туманом над серыми водами,
Шептала течением быстрой и грозной Невы
И танцем меня завлекала под самыми сводами
Дивной небес синевы.

Июнем холодным и мутными крупными каплями,
Играла мелодию, что не слышна никому,
И ей средь безжизненных туч я навеки оставлен был,
Не отданный сну.

Я видел, врывалась она в окна грязной бесстыдницей,
Бессонницей сумерек, Солнце под землю загнав,
И позже ушла, и на зов мой теперь не откликнется
С Невы переправ.

Я видел, сияла она прямо в солнцестояние,
Танцуя на облаке бледном, кружила ветра,
Мой сон забрала; я её был опутан влиянием
На звёздных кострах.

Анастасия ГАНДЗЮК

Этот город – дом скитальцев, одиночек и кутил.
Он затопит и разрушит всех, кто прежде не любил.
Каждый тут безмерно счастлив или крайне одинок.
Не пытайся уклониться, ведь никто ещё не смог.

Тут всё время, словно ветер – убежит, не углядишь.
Этот город засыпает, только если сам не спишь.
Бесполезно думать «счастье – то, что каждому дано».
Город сам решит, что лучше – гладь речная или дно.

Важно тут ни на секунду не остаться одному.
Бесполезно с Ним тягаться, Он ведёт свою войну.
Каждый выйдет проигравшим, даже если победил.
Только это всё неважно, даже если не один.

Всё в нём кажется прекрасным. «Этот город – идеал».
Так считают те, кто раньше тут ни разу не бывал.
Он кого-то отравляет, а кого-то лечит вмиг.
Ты о нём не размышляешь, только если ты привык.

Этот город разговоров – душевных, пафосных речей.
Он заманит и обманет красотой своих ночей.
Он душевный, многоликий, только каждому – другой.
Может подарить улыбку, ну а может – непокой.

Тут что слёзы по несчастью, что от счастья – всё вода.
Я вернусь сюда однажды... Может быть и навсегда.
Не оставит равнодушным этот город на Неве.
Только пусть мне лучше снится – он прекраснее во сне.

Екатерина ГУСЕВА

Мой Петербург

Иду по дороге пыльной,
К тебе я тянусь душой.
Скажи, почему так сильно
Ты город не любишь мой?

Мой город совсем не серый,
Смотри в глубину вещей.
От тихой любви и веры
Все краски в сердцах людей.

Весь Невский становится публикой
Для оперы ста голосов.
Метро наполняется музыкой
В период вечерних часов.

Мы смотрим друг другу в спины.
В сплетении судеб и рук...
Единственный верный мужчина
Мой нежный святой Петербург.

Роман с Петербургом

Итак, эта история началась летом 2013 года...

1.

А я шла не спеша по Невскому.
Невский пах и свежо, и приторно,
Разливался улыбок всплесками,
Было сладостью всё пропитано.

А мне было безумно холодно,
Но в жару свитера не модные.
Я хотела уехать, только вот...
Я душой приросла к Обводному.

Я вела диалоги с Марсовым,
И Дворцовым в часы вечерние.
Летний нежный и Зимний ласковый...
Я без них пропаду, наверное.

Я хотела отправить весточку,
Я искала лишь сил и повода.
Твоя замёрзшая девочка
В центре лета и в сердце города.

10.06.2013

2.

Ему было чуть-чуть за триста.
Он был очень хорош собой.
От него слегка пахло виски
И солёной морской водой.

Он меня покориł умело,
Светлый северный ловелас.
С ним за окнами не темнело, —
Не смыкала ночами глаз.

Он дарил мне стихи, легенды,
Песни. Не было им числа.
Жизнь крутилась, как кинолента.
С ним я счастье своё нашла.

Ему было слегка за триста,
И он был без остатка мой.
Куполами, их светом чистым
И мятежной своей Невой.

26.06.2013

3.

Ты улыбаешься мне на фото
Свежестью парков, слезой фонтанов.
Слышу на ушко твой нежный шёпот,
Город романтики и романов.

Я отдала тебе столько силы,
 Я о тебе столько лет мечтала,
 Я ведь и вправду тебя любила.
 Не предала, просто я устала.

Я променяла твой невский запах
 На ароматы его парфюма.
 Я погибаю в незримых страхах,
 В петлях Москвы, суеты и шума.

Сердце растерзано беспощадно:
 Любовь к тебе и любовь к мужчине.
 Выбор. Я воздух глотаю жадно.
 Я между вами посередине.

Где-то внутри кровоточит рана.
 Ты испытанье моё на прочность.
 Шлю тебе тихие телеграммы.
 Дышу тобою. ... Люблю ... заочно.

29.07.2013

4.

Ты думаешь, что я тебя забыла,
 Ведь я уже не плачу по ночам.
 Меня несёт неведомая сила,
 Усталость разливая по плечам.

Но ты мне снишься так же, как и прежде:
 Мосты и Медный всадник, как живой.
 И сердце греет вера и надежда,
 Что скоро мы увидимся с тобой.

Смотрю на небо из дворов-колодцев.
 Во сне, как наяву с тобой, мой друг.
 А там уже совсем не видно солнца –
 Зимой укутан славный Петербург.

Во льду «Аврора» чутко задремала,
 И затерялся Летний сад в снегах.
 А я легко бы годы променяла
 На день на славных невских берегах.

10.12.2013

5.

Возможно, я уеду в Питер
И буду жить сама с собой.
Меня, прошу, вы не ищите,
Мне доктор прописал покой!

До счастья далека дорога.
Прощаюсь, свитер теребя.
Я потеряла слишком много:
Любовь, и дружбу, и себя.

Моя священная обитель
Меня укроет от проблем.
Возможно, я уеду в Питер....
И там останусь насовсем.

17.01.2014

6.

Поёжились львы на гранитных плитах.
Их гривы украсил игривый снег.
На крышах, надёжно морозом сшитых,
Сугробы устроили свой ночлег.

На солнышке иней блестит, искрится,
Мерцает созвездие островов.
И манит, и греет, и часто снится
В зиме потерявшийся Град Петров.

Ну, здравствуй, мой друг, заточённый в льдинах.
Ну, здравствуй, мой город, мой старший брат.
А полог ночи лежит на спинах
Недвижных правителей и солдат.

И купол Исакия величавый
Шапкою закутался снеговой.
Мы сможем, поверь, всё начать сначала.
Теперь я буду навсегда с тобой.

24.01.2014

Матвей ДЯГИЛЕВ

Петербург

Я всё же отправлюсь когда-нибудь в Петербург –
Лучше на поезде, в августе, на рассвете, –
В пасмурный город, где высохшую губу
Вместе со словом срывает ветер.

Лучше один. В этом городе «мёртвых душ»
Слишком многое стало историей: архитектура,
Камни, Нева, классический серый плющ,
Неба мраморная шевелюра.

Обнаружить себя в угловатом пространстве под,
Над и вокруг бесконечных дворцов и храмов –
Имитировать Время среди городских широт,
На площади, врезанной в панораму.

Зов

Зову Тебя, Господь, по имени –
И кажется: стекольный звон...
Ты слышишь; я и душу выменял
На сон, бумагу и перрон.

Найди меня на серой пристани,
В холодный вечер, одного,
Где я смотрю устало-пристально
На мост, замёрзший над Невой.

Где убегал я от проклятых доводов,
Советов, скуки; где забыл
О декабре над новым городом
И вспомнил всех, кого любил.

Дарья ЕВТЮХИНА

Город-сказка

Щёлкнет километров счётчик
На отметке восемьсот.
Серый день под белой ночью
Стелет сновидений свод.

Здесь каналы сладко лижут
Твердь кисельных берегов
Языком шершавым, книжным,
Нежным трепетом слогов,

Прогибаясь под горбами
Вздутых куполом мостов,
Распахнувшихся губами
Ненасытных жадных ртов.

Звёзд не видно. Их заменят
Угли скользких фонарей,
Рек пока молочных змеи
Спят и видят синь морей.

Алексей ЗАБОРСКИЙ

Выпускник Педагогического института им. Герцена

Город

Город камня, стекла и бетона,
Город шума, копоты, пыли.
Город лязга железа и звона,
Город сырости, ветра и гнили.

Всюду – серых домов коробки.
Дым из труб над домами кружит.
Запах – словно от жжёной пробки,
Шум машин, шелест шин по лужам.

Здесь каналы с тёмной водою,
Реки – с мутной зеленью ила.
Здесь мосты изогнулись дугою,
Ощетинив свои перила.

Сизый дым ползёт по проспектам,
 Слякоть, грязь, на асфальте – лужи.
 Слишком жарко и душно летом,
 А зимой – не спастись от стужи.

И когда тебя снова я вижу,
 На одной себя мысли ловлю –
 Как тебя я порой ненавижу –
 Так же сильно, как сильно – люблю...

Екатерина ЗАРХ

В северном городе

Стальными гвоздями воздух прибит к асфальту здесь,
 где архитектура – всего лишь, тоска по небу.
 Туман вдоль гранитной печали промокнутого камня
 солёным предчувствием стелет, попутно ветру.

Солнце коснулось раскатом углов лабиринта,
 прямоугольные тени завидуют этому кругу.
 Как рана, желающая вырваться из под бинта,
 сердце глотнуло заката, с надеждой Юга.

Александр КОРОЛЁВ

Голодай

Скоро осень, холодает.
 Мы живём на Голодае.
 Шаурма, вино в розлив.
 Тихо плещется Залив.
 Хорошо, устав от пьянки,
 Прогуляться вдоль Смоленки.
 Живописная река
 Омывает берега.
 Бой часов и крики нищих.
 Здесь – огромное кладбище,
 Усыпальница армян,

Православных, лютеран.
 Суета в течение суток.
 Шум и гам. Мельканье уток.
 Молчаливы и добры
 Здесь встречаются бобры.
 Если песня не допета,
 Мы бредём вдоль парапета.
 С неизбывною тоской
 Берег грезится морской.

Коломна

Всё здесь – покой, забвение и тлен.
 Осколками старинных сновидений
 Минувших лет, полуденные тени
 Ещё скользят вдоль потускневших стен.

Здесь всё насквозь пронизано тоской.
 Лишь временами ветер вероломный
 Врывается на улицы Коломны,
 Наполнив воздух свежестью морской.

В закатный час, лучом озарены
 Дома. Они за желтизной фасада
 Скрывают, недоступные для взгляда,
 Предания далёкой старины.

Застыло всё у времени в плену.
 И только стая чашек говорливых,
 Внезапно прилетевшая с залива,
 Спугнёт крылами эту тишину.

Как будто, жизнь замедлила свой бег.
 И тот, случайно встреченный прохожий,
 Идёт неторопливо и, похоже
 Устало ищет позапрошлый век.

Незримо тайну вечности храня,
 На склоне лет, одна моя Коломна,
 В пространстве заблудившаяся словно,
 Грустит немного на исходе дня.

Пётр III

Грохочут с утра барабаны,
И он мановеньем руки –
Как прежде солдат деревянных,
Голштинские строит полки.

Взыграет шальная натура.
Ужасен обличем, дик.
Жене за столом крикнет: «Дура!»
Кому-то покажет язык.

От жуткого гнева пунцовый
Кричит, всех вгоняя в испуг:
«На трон возведу Воронцову,
А Катю с сынком – в Шлиссельбург!»

Уже император не ропщет.
Не пьёт он почти и не ест.
Монарх отрекается – в Ропше
Подписан его манифест.

Не в силах исправить ошибку.
Последние строки его:
«Пришлите мне мопса и скрипку,
А лекаря – прежде всего!»

Иного не видя исхода,
Шестой поглощая стакан,
Случайно удавит «урода»
Гвардеец лихой Алехан.

Павел

Беспокоится граф Пален –
Царь сегодня опечален.
Призрак бродит у дворца
В мрачном облике отца.
Гулки каменные своды.
Под мостами стынут воды.
В треуголке набекрень
Вдоль домов крадётся тень.

Стены здесь имеют уши.
Сын отца шарфом задушит.
Зубов бьёт наискосок,
Табакеркою в висок.
Бой часов и лязг засова.
Полночь. Окрик часового.
В темноте не видно лиц.
Спины чёрные убийц.
Зреет заговор у трона.
Закачается корона
На монаршей голове.
Ветры дуют на Неве.

Ксения ЛАВРЕНТЬЕВА

Антигород

Здесь гений Вагнера – полёт Валькирий,
«Тангейзер», «Лоэнгрин», «Война Богов»,
Грифонов позолоченные крылья,
Дыханье полудиких островов.

Вся Петроградская – триумф модерна,
Где Каменноостровский и Большой
Венчает башня дома Розенштерна
И Карповка змеится под Луной.

На площадях, где храмов полусферы
Кудель небес заснеженных прядут,
За ризницами прячутся химеры
И призрак Notre-Dame'а стерегут,

А в летний зной венок из белых лилий
На берегах плетёт царица Ночь,
И мостик Банковский в канал уронит гири,
Её гипноз не в силах превозмочь.

Край неба шпилем пополам расколот.
Как струйки дыма – стаи облаков.
О, Петербург, ты – вечный антигород,
Ты – зазеркалье русских городов.

Илья ЛАПИН

Выпускник Санкт-Петербургского Государственного университета

*...Before we go to Paradise by way of Kensal Green.
G.K.Ch.*

Как славны были, давний друг, те майские недели!
Сирени мокрые вокруг, как воробьи, галдели,
Узоры ткали кирпичи, чесали лбы атланты
И бронзовые ильичи вставляли на пуанты,
Когда спешили мы домой – от бара до пивнушки,
Тряся нетрезвой головой и наполняя кружки.

О чём трепались мы тогда, всю ночь не умолкая?
В каналах морщилась вода, огней сбивалась стая,
Исаакий ухмылялся вслед и каланчи плясали,
Но музыки был мягок свет в белоколонном зале.
И что нам прихоти весны, что гений, что злодейство
От Петербургской стороны и до Адмиралтейства?

Вставляли щёголи-мосты, спала двуглаво птица,
Из суетливой темноты не исчезали лица,
Переполох и тарарам несли автомобили...
Каких вполне прекрасных дам мы трепетно любили?
Столбы решёток и оград переминались томно,
Когда с Дворцовой в Летний сад мы шли через Коломну.

Ну да, все выдуманно мной, всё проще и короче.
И памяти за той весной я оставляю прочерк.
Весельям, барышням, друзьям, моё хмельное чудо,
Весне и добрым новостям я кланяюсь отсюда,
Но возврати мне этот край с его улыбкой детской,
Когда пешком отправлюсь в рай по Университетской.

Наталья МОЛОТКОВА

Мой Петербург

Мне иногда мой Город смыслы открывает,
Не въявь – подспудно, если не прошу,
Когда мучительные нити обрываю
И прошлого поленья ворошу,

Тогда, как в вещей сон, я погружаюсь
В пучину петербургской маеты,
В глубинах тёмных невских растворяюсь,
Выпрастываю суть из суеты.

Тогда я чувствую, ни много и ни мало,
Пульсирующей болью головы,
Как бьются спазмами артерии каналов
В аорту истончённую Невы,

Как в венах набережных горечь разгоняет
И площадям плюётся залпами в лицо
Расстрига-ветер, как скульптуры соблазняя,
Ввергает в искус россыпи дворцов,

Как выворачивается нутром наружу,
В химерах путаясь, надгорбленность мостов,
И хилый белый свет ночной не сдюжит
Моей тоски из тысячи пластов...

Как целит током в скрученные нервы
Дворов-колодцев холод мостовой...
Как Город мой, такой любимый и неверный,
Всерьёз соприкасается с судьбой.

Владимир НАБОКОВ

Годовщина

В те дни, дай Бог, от краю и до краю
гражданская повеет благодать:
всё сбудется, о чём за чашкой чаю
мы на чужбине любим погадать.

И вот последний человек на свете,
кто будет помнить наши времена,
в те дни на оглушительном банкете,
шалея от волненья и вина,

дрожащий, слабый, в дряхлом умиленье
поднимется.... Но нет, он слишком стар:
черта изгнания тает в отдаленье,
и ничего не помнит юбиляр.

Мы будем спать, минутные поэты;
я, в частности, прекрасно буду спать,
в бою случайном ангелом задетый,
в родимый прах вернувшийся опять.

Библиофил какой-нибудь, я чую,
найдёт в былых, не нужных никому
журналах, отпечатанных вслепую
нерусскими наборщиками, тьму

статей, стихов, чувствительных романов
о том, как Русь была нам дорога,
как жил Петров, как странствовал Иванов
и как любил покорный ваш слуга.

Но подписи моей он не отметит:
забыто всё. И, Муза, не беда.
Давай блуждать, давай глазеть, как дети,
на проносящиеся поезда,

на всякий блеск, на всякое движение,
предоставляя выпренным глупцам
бранить наш век, пенять на сновиденье,
единый раз дарованное нам.

Лиана ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ

Гимн Академии художеств

Академия художеств на берегах Невы –
Наше здание из множеств узнаёте вы,
Наши стены пропитали красок времена,
Нашу гордость составляют славы имена.

Припев: Viva Академия! Мэтры и студенты –
Чтим мы вдохновение творческих моментов.
Viva Академия! И через века
Пусть ведёт во времени нас твоя рука.

Академия художеств на берегах Невы –
Это детище с короной царской головы,
Это храм искусств изящных, творчества маневров,
И на подвиг вдохновляет нас сама Минерва.

Припев.

Академия художеств на берегах Невы, –
Нет в истории России красочней главы,
Есть в истории России наша к ней любовь,
Поколения сменяя, создаем вновь.

Припев.

Великому городу к 300-летию

Стоит наш Град три сотни лет,
Изваян, венчан и воспет,
И силы грозные тая
В копытах Царского коня!
Стоит на страже трёх веков
Величья, блеска и оков, –
В час Демона и в час Мессии,
Творя историю России.
Стоит – Петровскою столицей,
Под кораблём, взлетевшим птицей,
Под златом куполов и крыл,
Под Памятью о тех, с кем жил...
Стоит, держа века плечами,

Окутав белыми ночами
 Мосты, каналы и Неву, –
 Российской славой наяву!

Георгий ПЕТРЕНКО

Питер

Бледнолицый город усталый
 засыпает
 Последние гудят троллейбусы,
 стучат трамваи,
 тает
 снег.
 Бледнолицый город знает
 всех
 нас,
 бьёт не в бровь,
 а в глаз,
 пьёт
 не квас.
 Этот город знает каждую клетку
 Узкого своего лица, –

Каждую приезжую кокетку,
 Каждого местного гордеца.

Высоколобым городом лично
 впечатана в каждую ладонь
 дельта Невы –
 Каждый заклеим тавром столичным
 Всем нам с ним на дно,
 Все мы с ним на «Вы».

Антон ПОГРЕБНЯК

Пётр Первый – не иначе как русский Фауст.
 Смотри, город огромный из пустоты возник,
 Из убожества чухонского,
 Словно мираж, обман зрения,
 Но вот же он, вот, пощупайте,
 Не иначе нечистый помогал ему строиться.
 И чертовщина вся эта, жуть литературная,
 Всё то, чем вода и весь воздух навечно отравлены.
 Тоже, наверное, не на пустом месте всякие чудища выросли,
 Вроде, даже привыкли к ним местные интеллигентные жители.
 А дальше блокада случилась, померкли придуманные ужасы,
 Жизнь в этот раз оказалась страшнее любой человеческой фантазии.
 Но вот память уходит, глядишь, и опять появляются,
 Тихо крадутся вдоль стен сумасшедшие призраки.
 Город развёлся с советской эпохой, оставил фамилию девичью.
 Улицы снова пошли по своим направлениям.
 На Столярном есть дом, про него вы, наверное, знаете.
 Там, наверху, проживал персонаж Достоевского.
 Как-то, помню, мы шли мимо этого дома по улице.
 Вдруг человек закричал и упал – эпилепсия.
 Тускло светит фонарь, запечатаны двери безумием.
 Этот город не даст ни единого шанса на выживание.
 Здесь не выжить, но жить, отмеряя молчанье минутами.
 Постою на горбатом мосту, полюбуюсь течением времени.

Деклатим

Про меня и Петербург

I.

Научи меня жить. Научи меня жить
 В этом городе.
 В этом городе время года всегда – депрессия.
 Научи продлевать срок годности и не портиться.
 Объясни, почему все встречные быстро крестятся

И уходят в соседние улицы, лишь бы подальше быть.
 Я ведь тоже хочу быть подальше. От этого города.
 И не видеть, как светофор мне сияет оранжевым.
 Безразлично сияет и тоже глючит от холода.

Расскажи, как спасти себя от себя безболезненно.
 Начерти мне, пожалуйста, планы эвакуации
 Из себя в хоть кого-нибудь. Если уже спета песенка –
 Значит, время заняться пришло ритуальными танцами.

Знаешь, время не лечит,
 потому что
 само
 лечится.
 Если город-герой, то в нём выживут только герои.
 Так что знаешь, родной,
 увы,
 мне здесь – делать
 нечего,
 слишком сильно и страшно здесь потому что кроет.

II.

Привет, Питер
 Мой город, мой дом, моя крепость.

Чё за бред, ну серьёзно. Sorry, но даже если ты мой, то – чёрт возьми! – не для меня.

Последнее время я замечаю, что всё чаще называю тебя просто «боло-том». Без обид, а как тебя ещё назвать?

В тебе всё больше серости, сырости и старости. Какой-то внутренней старости. Я не хочу в неё падать, упасть в конце концов и не суметь подняться. Болото засасывает, если ты не знал.

Я раньше любила дождь. А чего ж его не любить, если ты сидишь дома в тепле. Но теперь я впитываю эти чудесные миллиарды молекул воды, стоя на остановке. Было б как минимум странно, знаешь ли, если б я приходила от этого в восторг.

Чем дальше, тем отвратительней.

Зонты? Ты понимаешь, что зонты не спасают? Потому что за две секунды ветер успевает подуть под всеми углами сразу. И ещё снизу, чтоб зонтик

вывернуть. С нормально ориентированным зонтом-то мне скучно идти. А дождевики – для слабаков. Которые рюкзаки не носят.

А когда дождя нет, тут либо сдыхаешь от холода и ветра, либо задыхаешься от пыли (и ветра, потому что вдруг мне будет недостаточно весело без ветра).

Зимой слякоть и грязно.

Весной пыль, чёрный снег и грязно. Снег зимой – это ж тоже для слабаков.

Летом пыль, почти Мурманск в июне и почти Сочи в июле, странный август как повод почувствовать себя на год старше и «скоро в школу». Без «грязно» хотя бы, и на этом спасибо. Зато в парках – люди, загорающие до кондиции а-ля варёный тюлень. Умопомрачительное зрелище.

Осенью – осенью ты можешь похвастаться своим арсеналом, да, ты ж у нас самый лучший, самый красивый, Северная Венеция, блин. Дождик-дождик веселей, простуды, гриппы, гниющие листья, которые не успевают убирать, г р я з ь , холодно (от слова «дно», мне иногда кажется), бесподобные дожди.

И круглогодичный ветер, я не забыла. Безветрие тоже для слабаков, да.

За что тебя любить? За красивые глаза цвета Невы или, ещё лучше, Обводного канала? За богатый внутренний мир в виде весомой доли в списке наследия ЮНЕСКО? За то, что всего 300 лет и по своим каким-то меркам пока не старый?

Наверно, за то, что не для слабаков, не иначе.

Да на кой чёрт ты мне нужен, а? Характер закалять? Просто закаляться? Смешно. Если бы не было так грустно.

От тебя даже не вырваться. Сидишь тут на пожизненном.

На пожизненном, которое, кажется, сам себе подписал.

III.

Знаешь, мне сегодня сказали, что слово «Питер» пошло с рабочих окраин. И мне стало перед тобой неудобно. Это слово внезапно перестало звучать по-свойски, из него исчезли шумы вечеринок, светомузыка клубов и радостные возгласы молодёжи. Вместо всего этого появилась пыль, мусор, гул заводов, матюги невымытых работяг и много ещё всякой гадости.

Ты прости, что я так тебя называла.

И, наверно, ты правильно делал, что поворачивался ко мне этой своей гадостью, когда я обращалась к тебе «Питер».

То ли дело – Санкт-Петербург. Возвращаясь вчера домой, я проехала через центр. Какой же ты нереальный. Кажется, вчера я впервые за восемнадцать лет почувствовала дух эпох, который ты в себе хранишь. Я смотрела на Петропавловскую крепость и с лёгкостью представляла Петра, решившего построить тут город. Я смотрела на «Аврору» и перемещалась в то время, когда Зимний дворец был красным. Я смотрела на телевышку и видела не просто современность – я видела переплетение эпох.

Подсвеченные здания и мосты и их силуэты-отражения в водах Невы попадали в объектив зрачка, рикошетили от мозга и впечатывались в сердце, и поднимали со дна его, как из Марианской впадины, то забытое и запрытанное – любовь.

Прости меня, пожалуйста, за то, что я в какой-то момент перестала тебя любить. Прости, что твои недостатки затуманили мой разум и я перестала видеть хорошее. Перестала ценить хорошее.

С другой стороны, знаешь, ну и пусть это было. Потому что теперь я научилась ценить тебя ещё больше, чем прежде.

И вот это всё – полное принятие через изначальное абсолютное отрицание – что это, если не любовь?

Санкт-Петербург.

Мой родной город.

Я люблю тебя.

И если ты без меня выступишь, то мне без тебя – точно никак.

Ксения СЕВАСТЬЯНОВА

от ветра холодно дышать,
но мне не страшно ничего.
в кармане теплится душа,
мир пахнет мёдом и травой.

ещё чуть-чуть и гаснет свет,
а тучи будто бы киты.
их сизый ультрафиолет
сочится сквозь немые рты.

идти по людной мостовой,
[там Достоевский раньше жил.
он и сейчас! сейчас! – живой]
а дальше – стены цвета ржи,

горелых трав, степного льна
со вкусом терпкой старины.
сегодня улица вольна
отдать нам свет за полцены.

туристы камешки в Неву
бросают с гордых мостовых.
ветра целуют наяву
таких же нас. таких живых.

а мы бежим, куда глаза
глядят, куда ведет стопа.
над нами мощь и бирюза
Александрийского столпа,

под нами тысячи дорог
и неисхоженных путей.
и солнце – маковый пирог –
ласкает нас: своих детей.

бегут машины, стрелки, ртуть
и люди с ночи до утра
в огромный петербургский путь.
но мне не страшно,
мне не стра...

находить его в чьих-то лицах
так забавно порой, скажи?

в Петербурге ему не спится.
я гуляю по черепице
и глазею на стеллажи.
я на Невском и на Дворцовой,
я у Медного, у Невы.
поднимаю от счастья брови,
захожу в тёмный парк еловый
и купаюсь в морях травы.
чтоб доехать до Петергофа

лучше вызвать сейчас такси.
 в голове возникают строфы,
 улыбаюсь, пью чёрный кофе,
 а в наушниках Noize MC.

ночь застанет мою столицу
 под созвездием Близнецов.
 здесь не спится, совсем не спится.

находить его в чьих-то лицах?
 ...это город с его лицом.

Калерия СОКОЛОВА

Прозрачен наш осенний Петергоф.
 Английской речи, сутолоки, плеска,
 Шутих не слышно, шороха шагов.
 А мы шумим, безудержно и дерзко.

Что осень нам? Прищурившись слегка,
 Играя и любясь этим светом,
 Жить так светло и весело поэтам!
 И вместе нам не больше сорока,
 Когда бы мы задумались об этом.

Вера СТЕПАНОВА

Дни любовью и болью пестрели,
 Петербург не ушёл от судьбы.
 Время рушит творенья Растрелли,
 у атлантов обуглены лбы.

Биографии царственных зданий
 о минувшем с Невой говорят,
 и столетий кровавые грани
 на причудливых шпилях горят.

Император на вздыбленной мощи,
 город в глину истории вмят,
 но сияют нетленные мощи
 и века по линейке стоят...

Все ветры разом в Питер ворвались...
 По площадям летят, Неву вздымают
 и буйствуют, и сонно замирают –
 наврут с три короба, всё устремляя ввысь.

Обрушатся. Наотмашь бьют в лицо.
 Предзимье ветры в город заманило.
 Мерцает небо. Воздуха текила
 пьянит, как незабытых рук кольцо.

Но я люблю бродить в такую ночь.
 Ныряю в хаос питерской погоды,
 где мечутся растраченные годы,
 а я гоню об этом мысли прочь.

Вслепую мчусь, задетая впотьмах
 крылом напавшего на Петербург дракона,
 что выдохнул в простор всю мощь циклона,
 и жизнь как будто спряталась в домах.

Уютно в них, темно, покойна кровь.
 Шаги мои порывисты и гулки.
 Бесплотной тенью кану в переулке
 и в свой уткнушь, и затоскую вновь...

Что ж сатанеть от безысходной яви –
 от Петербурга, грязного, как ветошь,
 от мерзости бутылок и пакетов
 на льду Невы и Мойки, и Фонтанки.
 Что изводиться, если предстоит
 остаток дней средь неуютных улиц,
 порушенных иль обветшалых зданий
 выискивать творения Растрелли,

Кваренги, Монферрана и беситься,
и знать, что черепка у царскосёлки
в ладошке нет,
что вечная струя
поругана пустым, как дым, потомком.
Кусочек меди, отыщись, восстань,
возмездьем рухни, отомсти безродным!
Но затаился скорбно, и молчит,
и судит нас.

Петербургу нынче не до сна:
вознеслась над шпильями весна,
вырвалась, разбила лёд молчанья,
и в красе вселенского венчанья,
перед аналогом тишины –
к нам её уста устремлены,
и веснушки рдеют не стыдясь,
лица все помолодели разом.
Солнышко – немысленным алмазом –
словно и не видел отродясь.
И легки, стремительны касанья
каждого весеннего желанья:
одарить, порадовать, влюбить,
даже влипнуть! И совсем не каюсь,
угодить всему и всем стараясь,
до скончанья чудачком прослыть.

Мой Петербург, дари неспешные рассветы,
раздумий тишину, секрет полутонов
и мудростью веков развенчивай наветы
неразберихи дел и суетности слов.

По праву старшинства наивность неопита
излечивай во мне, изведавшей напасть
доверия к любви, чья суть была размыта,
надсаду отведи, не дай душе пропасть.

Мир очевидностей переживём по-братски
и, может быть, вдвоём распутаем клубок
посулов пустоты и вылазок пиратских
обманчивых надежд. И да поможет Бог.

Зимы не случилось –
Атлантикой смяты морозы.
Растерянность дней
переполнена гулом машин.
И гневом насытись,
нависли над городом слёзы
весны петербургской,
слетевшей с небесных вершин.

Ей было привольно
в просторах над Финским заливом,
но город зазвал,
не сумев этой шири вместить.
И мечемся мы,
в поспешанье своём суетливом,
и силится Питер
в нелепостях нас вразумить.

Ну, чем тут поможешь?
Вот разве с весной обвенчаться,
принять её всякой,
за всякую малость любить.
И вместе с апрелем
успешно и бурно начаться,

а может быть, просто
бумажным корабликом плыть.

Под скрипку старинную,
дудочку сонного транса,
вплывает Петрополь
в прозрачный и призрачный мир.
И белых ночей кружева
оплетают пространства,
в театры манит
лицедейства обманного пир.
А музы колдуют...
В изыске изящных нарядов –
партер, бенуар,
поднебесье балконов, райка.
В бессонном круженье
причуд, карнавалов, парадов
столица Петрова
беспечна, светла и легка.
Но кончатся белые ночи,
исчезнут до мая,
покинутой всеми,
уже позабытой поры,
и память, послушно
в стекляшки событий играя,
утратит заветного
летнего рая дары.
Вдруг остро захочется
в давнишний призрачный морок –
спасительно в нечто зарыться
иль вовсе пропасть.
Но сцена событий затихнет
за шорохом шторок –
забвенье сомкнёт
ненасытного Кроноса пасть.

Летний сад... Там амфоры и урны
над решёткой стройною парят,
и века не лезут на котурны,
лишь уютно в кронах шелестят,
и перетекают в смерть смиренно
весна и лето, осень и зима.
И слагают небеса катрены,
и от Петербурга без ума...

Елена СУББОТЕНКО

Моему Ленинграду

Этот город, так властно сдержанный,
Не забыть и не описать.
Он монархией не поверженной
Надо мною царит опять.

Нераскрытые тайны зодчества
Целомудренны и чисты.
В час рассветный Его Высочеству
В пояс кланяются мосты.

Здесь острее, ясней, свободнее
Проявляется жизни суть.
Всё наносное, прошлогоднее
Невский ветер способен сдуть.

Мой маршрут утверждён усталостью,
Время выкроено из сна.
Постоянство — за самой малостью:
Лишь бы цель не была ясна.

Елена ШАПКА

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Питер

Я открыла глаза, я стою на краю,
Небо красное ловит мой мелочный взгляд.
Сколько слов убежало, только птицы поют,
Над растоптанным именем громко кружат.
Этот город встречает зачем-то меня
У двери с яркой надписью «Выход».
И опять эти крупные капли дождя
И опять новых запахов вихрь.
Твой последний привет убеждает меня
Стать жестокой, но этого мало.
Для того, чтобы выжить на борту корабля
Я бы чёрной рекою стала...
Новый день убегает, принося сладкий вкус
Убитых тобой желаний.
Как вода под мостом я уже не вернусь,
Я шлифую гранитные грани...

Максим ШВЕЦ

Пётр Третий – притворщик и пьяница,
голоштанник, голштинский принц,
то на скрипке играет, то клеит паяцев –
для театра придворных своих мастерит.
«Богоугодником» не был,
за Россию радел бедную.

Пётр Третий в треуголке дурацкой,
без короны и скипетра русский царь,
православный, католик или лютеранин,
для простого мужика – добрее отца.

**Работа Марины
Ясыченко**

Чинопочитаньем не чванился,
не удержался на царстве.

Я пройду по проспекту, зайду по пути в магазин.
Все дороги забыл, лишь одна остаётся моею.
Здесь особенный ветер в прозрачных берёзах сквозит,
и особенно долго сутробы сырые мелеют.

Старый сумрачный город здесь, в этих местах, не узнать.
Типовые шаблоны последней советской застройки
не пойму, почему, но прекрасней дворцов для меня,
и глухая канава дороже Фонтанки и Мойки.

Всё имеет лицо, надо только суметь посмотреть,
и способный увидеть заметит на камне улыбку.
Я раскрыл для себя самый старый и вечный секрет:
человечество юно – отсюда все наши ошибки.

Повзрослев, понимаешь – как дорого всё, что вблизи,
как бесценно всё то, что сегодня мы в жизни имеем...
К совершенству стремлюсь, но люблю я свой дом, магазин,
и дорогу одну на земле называю своею.

Елена ШИПИНА

Приди, зима, в Санкт-Петербург!

Санкт-Петербургская морось, декабрь,
Из-за тумана не виден корабль,
Тот, золочёный, на шпиле – родной
И уважаемый всею страной.

Быть снегопадам, морозам пора бы,
Им бы на улицы выйти парадом
К Марсову полю,
по Летнему саду
Жезлы сосулек нести, куда надо.

Если бы вышли они на посты
И навели бы на реки мосты,
Если б пруды превратили в катки,
Все натянули бы сразу коньки.

Где же зимы настоящей деньки?!

Рождественская погода в Петербурге

Рождественский дождь в Петербурге –
Обычное дело, друзья.
Чтоб ни было, нам с демиургом,
Кто б ни был он, спорить нельзя.
Справляйте по лужам колядки,
По грязи извольте гулять...
Какие б ни пали осадки,
В осадок не сметь выпадать!

СПБГЭТУ «ЛЭТИ»

АНТОЛОГИЯ

Орфей и Эвридика Кановы

Мария АНЕЗАГХ

Прощание Эвридики

Я ухожу. Я ухожу опять.
Скрывать не буду: я надолго... Навсегда.
Уж вижу Стикса ледяную гладь,
Мороз по коже... Руки стынут... серая вода...

И лунный свет я лишь на краткий миг
Увидела... Так мало! Я опять
Вернусь назад, в промозглый тот тупик,
Где повернуть хотела время вспять.

Я не успела насладиться
Дыханьем свежим тихих звёзд!
Теперь осталось лишь проститься,
Наполнить душу блеском слёз.

Прощайте, звёзды, тихий свет, луна!
Там, под землёй, о вас и не слышали...
И в чёрной мёрзлой толще нет окна,
Чтобы глядеть в ночные дали.

Прощайте, небо, солнце, птицы! О, летите!
От трелей ваших на душе теплей.
Прощайте, дети облаков, прошу вас, не грустите!
Прощай, мой мир! Прощай... Орфей!

Я не виню твою страдающую душу,
Пусть ты сыграл в моей судьбе дурную роль.
Не прячь лицо, пожалуйста, послушай!
Светает... Сердце режет боль...

Я не уйду, всегда с тобою буду!
В твоё окошко лучиком я постучу не раз.
Душа обид не помнит! Всё забуду!
И разлучить Аид не сможет нас!

Ты не печалься, помни: я с тобой!..
Шумит и воет ветер, сильный, дикий!
Пора... Прощай, прощай, любимый мой!
Прощай... Но помни... Эвридику!..

Ольга АНИКЕЕВА

Понт Эвксинский

Слышишь, тишина плывёт над морем,
 И почти не виден горизонт
 В тёмно-фиолетовом просторе.
 В звёздной чаше спит Эвксинский Понт.
 Сны его светлы и величавы,
 В них вздымают ростры корабли,
 И сыны Эллады ради славы
 Уплывают к мифам от земли.
 Ночь глядит глазами Пенелопы,
 Поднимает парус свой Ясон,
 Дым клубится в кузнице циклопа,
 И китом всплывает Посейдон.
 Мы же не титаны и не боги,
 И сидим с тобой на берегу,
 Волны лижут нам босые ноги,
 Рассыпаясь в звёзды на бегу.
 А над нами в раковине лунной
 Зреет жемчуг будущих веков.
 Облака плывут по дну лагуны
 И мерцают стайки светлячков...

Крымская ночь

Тихо. Море полусонно
 С галькой шепчется на пляже.
 В полуабрисе балкона
 Звёздный свет такой, что даже
 Оседают на ресницах
 И на мягких синих шторах.
 Нам вдвоём с тобой не спится.
 Южной ночи шелест, шорох,
 Лунный блик на смуглой коже,
 Обнажённость чувств и тела,
 И плывёт на бриг похожий
 Над землёй балкон наш белый...

Ангелина ВАСИЛЬЕВА

Стикс

Река времён. Там чёрная вода,
И души тихо стонут в жутком мраке.
Дневная не взойдёт над ним звезда,
И жизни не зажжётся снова факел.

Река времён. Там стелется туман.
Испив твоей воды, бессмертным стану.
Здесь смрад и гниль, здесь льётся кровь из ран,
Поддался черноты реки обману.

Река времён. Колышется волна.
Ты разделяешь свет и подземелье,
Твоя неизмерима глубина,
Там я на берегу построю келью.

Река времён. Влечёт земная ночь.
Я так хочу, но не могу вернуться.
Бессмертие, ты можешь мне помочь...
Во тьму воды мне нужно окунуться...

Река времён. Забвенья даришь мглу,
Так сладостно, так мягко, так тоскливо.
Песок похож на чёрную золу,
Но стану я бессмертным и счастливым.

Смеркается. Течёт река времён,
Вот лодка показалась за волною.
Ну, здравствуй, молчаливый мой Харон,
Остановись, побудь пока со мною.

Николай НЕРОНОВ

Гелиады

Я теперь, Евтерпа, не завидую
Лирикам цветного хрусталя,
Укрываюсь рваною хламидою,
Как горячим пухом тополя.

От чего же чувства так порывисты,
Мысли, как телеги, тяжелы,
Из груди простуженные высвисты,
А из дыр парящие орлы.

Кажется, всю жизнь бы так и топали...
Слышу то ли шёпот, то ли стон,
Будто плачут вдоль дороги тополи*
По тебе, беспутный Фазтон.

Одиссей

Я сумею поделить корабли на лошадь,
Объегорить, как Никто дурака не мог,
И пускай мои суда Посейдона морщат,
Буду по морю ходить и ловить миног.

Покажу на пальцах шиш – принцип умножения,
Возведения в квадрат Солнца и Луны,
Вычитания беды – более ли менее
Могут Кадм и Прометей – не восхищены?

А без азбуки богов греки, как котят,
Ищут, где у Геи грудь, всю исколечат.
Что ж, с тех пор как Пифагор по Кротону катит,
Не расстанусь я с веслом, не вернусь назад.

Сократ

Он целый год вокруг
да около шагает,
беседует, и вдруг
на месте застывает,

стоит, раскрывши рот,
чуть приподнявши ногу,
и, кажется, вот-вот,
ещё совсем немного,

* по легенде, после гибели Фазтона, его сёстры превратились в тополи (ж. р. – церк.-слав.)

он, наконец, шагнёт,
зевнув, опустит руку,
и мысль опять умрёт
на этот раз от скуки.

Но он стоит и ждёт,
и мысль не отпускает,
смешно раскрывши рот,
живёт – не умирает.

Сталкер

С.Н.

Всю ночь ходил вокруг палатки
и ветки мелкие ломал,
под утро чай готовил сладкий
и сетовал: рюкзак твой мал.

Взвалив на плечи свой, огромный,
шёл через чащу напролом,
и этим кабана напомнил
с обломанным в боку копьём,

которого хотели греки
от Калидона отогнать –
и получила на орехи
от веоря греческая знать.

Демид РАБЧЕВСКИЙ

*Студент Санкт-Петербургского Политехнического
университета Императора Петра Великого*

Афродита

Жизнь изначально несчастлива,
По большей части счастья нет,
И чтоб купить немного пива,
Решил продать я табурет.

Но нет халявы в этом мире –
Я пиво часто так бухал,
Что табуреты все в квартире
Отнёс на рынок и продал,

Но так хотелось этим утром
Прохладной жидкости попить,
Что я решил довольно мудро
Взять табурет и сколотить.

Заняв топорик у соседа,
А также гвозди с молотком,
Я вышел гордо в сад осенний,
Что окружил кольцом мой дом.

Хрустел ковёр из листьев броских
Согласно годовой поре,
Я тяпнул русскую берёзку
По белой в пятнышко коре.

Дышало сверху небо грустью,
Я ствол к себе домой принёс,
И, воспарив в высоких чувствах,
Чужой топор над ним занёс.

Работа Дарьи Войновской

Во имя чистого искусства
 Я цель профанную забыл,
 И, страстью истовой обуздан,
 Я бабу голую рубил.

И Афродиты горделивой
 Из стружек вырос монумент.
 Я позабыл про сон и пиво
 В искусств торжественный момент.

Она вдруг бровью шевельнула,
 Мой дом глазами обвела,
 Бедром ошкуренным качнула,
 И вся в презрении ушла.

Вот так остался я без пива,
 А также – нежных женских ласк.
 Жизнь, безусловно, несчастлива,
 И, ё-моё, не удалась...

Троянские мотивы

Ночь разлита по колодцам-бутылкам,
 Как молодое вино.
 Окна и фары троллейбусной вилкой
 Ткут золотое руно.

Тёмной, бродящей, бурлящею пеной
 Крыш закипело литъё
 Греки сегодня украли Елену,
 Ну же, помянем её!

Ну же, эпохи потерянной дети!
 Вместе бокалы, смелей!
 Будем с ботинок своих на рассвете
 Тряпкой смывать пену дней!

Ночь в коридорах желудка гуляет,
 Как в переулках пустых,
 Из новостей мимоходом мы знаем –
 Пленница будет в живых.

Жизнь продолжается, смерти нет места
В нашем сиянье ночном:
Нет рокировок в пределах насеста,
Так устрашающих днём.

Нет здесь героев и, видимо, снова
Грекам не очень везло.
Пена невинная моря ночного
Мылит бутылок стекло.

Наталья СИВОХИНА

Миф об Эдипе

Разгадка была проста: не знаешь – не выбирай.
Ты юн, мой Эдип, и глуп, а боги нетерпеливы.
Ещё раскалённый диск не гаснет, упав за край
Обугленных чёрных скал, и мор не сошел на Фивы.
Ещё не спустился мрак на лучшую из земель,
Где голову кружит хмель, прекрасна как сон, царица.
Скажи мне, что здесь не так? Качается колыбель.
Оракул молчит, а жизнь вовеки не повторится.
Так гаснет далёкий свет. Ты стар, мой Эдип, и слеп,
Бреди по дороге в ад неловко и всё же прямо.
Ты знаешь теперь, что мир беспомощен и нелеп
В кромешной своей тюрьме, в свободе своей упрямой.
Из неба в полдневный зной рождается бирюза.
И носится детский смех. Припомни, сквозь грязь и жижу:
Счастливейшая из жён прикроет рукой глаза.
Смеётся Эдип: «Пусти, я так ничего не вижу».

Светлана ХРОМИЧЕВА

Мойры

В высокой башне призрачные пряжи
Прядут, и крутится веретено.

Луч солнца на полу играет в прятки,
Едва пробившись в пыльное окно.

Стена кирпичная, припудренная сажей,
И лестница чугунная внутри,
Ступеней круговертъ – на верх на самый,
В светёлку, где сидят они, все три.

Костлявый локоток и узкое запястье...
«Ах, научи меня, старушка прясть,
И песни петь, когда придёт ненастье,
Чтоб в сумерках промозглых не пропасть».

Молчат в ответ, лишь пальцы тянут нитку.
Я греческих сестёр в них узнаю,
Быть может, скручивают жизнь мою,
А в ней и так кручения с избытком.

«Зачем здесь ножницы?
Ах, подожди, не режь!
Ещё в садах благоухают флоксы,
Ещё не пересохла речка-речь,
Ещё забавны жизни парадоксы».

СПБГЭТУ «ЛЭТИ»

В.И. ИВАНОВЕ

Рисунок из книги Микеланджело

Г.А.В. ТРАУГОТ

Никита МОКЕЕВ

Вячеслав Иванов – переводчик Микеланджело

В.И. Иванов. Фотография 1940-х гг. Рим

В 2018 году произошло знаменательное событие: в издательстве «Майер» в Москве вышла книга «Микеланджело. Семь сонетов в переводе Вячеслава Иванова с рисунками Г.А.В. Траугот».

Кроме божественно прекрасных переводов и рисунков в книге приведён комментарий самого В.И. Иванова о сонете Микеланджело «Не в тёмном сердце жизнь любви моей». Приводим его здесь.

«Перед нами платоническая концепция красоты и любви. Души упали на землю из мира духовного и божественного, из лона Божия. Истинная красота, как предмет Эроса, – свет иного мира, погружённый в материю. Существо Эроса, способность узнавать этот свет и к нему стремиться, – память о виденной в потустороннем мире красоте. Орган этого узнавания – не сердце, волнуемое желаниями, но чистое, здоровое око. Глаза – проводники, соединяющие памятливую душу любящего с любимой душой, таящую в себе унаследованный от неба свет; о том, как соединение душ в любви совершается при посредстве глаза, учит Данте. Что любовь возводит любимого в те горние сферы, откуда сама нисходит, – мысль Платона. По Платону же памятливая душа избирает предметом своей любви то существо, которое наиболее напоминает ей виденный ею некогда образец вечной красоты. «Служа различным божествам, люди испытывают овладение оными и в этом овладении невольно воспроизводят в своей жизни, чувствованиях и наружных оказательствах, по мере своих сил, всё то, что составляет внутреннюю особенность и внешнее отличие овладевшего ими божества... Если в таком состоянии им случается испытать любовную страсть (pathos), то любовь их бывает устремлена на человека, наиболее похожего на божественный образ, в них отпечатлевшийся, и тогда возлюбленный делается для них предметом обоготворения, кумиром их бога, его

живым подобием. Усматривая в любимом черты своего божества, люди – продолжает Платон (Phaedr. 230), – ещё более его любят, и, если они Зевса зачерпнули, как мэнэды, плещут влагою на душу любимого, творя его сколь возможно более подобным своему божеству» (отрывок из письма Вяч. И. Иванова Ольге Шор о сонете Микеланджело «Не в тёмном сердце жизнь любви моей...» Рим, 9 ноября 1925. Здесь Вяч. И. Иванов цитирует свою книгу «Дионис и прадионисийство»).

Далее следуют прекрасные вдохновенные философски осмысленные рисунки Траугота и переводы Вяч. Иванова. Приведём здесь четыре (любимое число К.Г. Юнга!) особенно дорогих нам сонета Микеланджело.

Обложка книги Микелнджело

XXXIV

Не в тёмном сердце жизнь любви моей:
Не в заблужденье слепоты сердечной,
Не вожделенье страсти быстротечной,
Не тлен она, и нет соблазна в ней.

Мы сберегли во мгле земных путей
Я – око здоровое, ты – свет извечный;
И в оболочке хрупкой и конечной
Ловлю я славу памятных лучей.

Где пламя, там и жар: так не отходит
От красоты и в край родной любовь,
Того возносит, в ком её находит.

В твоих очах мне рай сияет вновь,
Где прежде я любил тебя, – и вводит
В златые двери сводчатая бровь.

ХСVII

Не сердце – сера! Пакли пылкий ворох
 Плоть буйная; сухое древо – кость.
 Бессилен дух, темницы знойный гость,
 Страсть обуздать, горючую, как порох.

Слепой хромец, мой разум, в тщетных спорах
 С соблазном чувств, склоняется, как трость.
 Дабы поджечь костёр, Амура злость
 Вздует искры в нежных, долгих взорах.

Но для искусства я рождён; оно
 Природу побеждает, коль дано
 Художнику воззвать прообраз вечный.

Я не слепец, и память ту храню,
 К прекрасному горю любовью встречной:
 Виной – Обрекший жизнь мою огню.

CV

Не смертный образ очи мне пленил:
 Очей прекрасных мир невозмутимый.
 В груди моей любовь твой лик незримый –
 Духовную, как он, – воспламенил.

Не будь душа богоподобна, мил
 Ей был бы внешний мир красою мнимой;
 За грань земного глад неутолимый
 В рай вечных форм её бы не стремил.

Я говорю: в живом живого глада
 Не насыщает тленная услада.
 Увянет всё, что чувства в нас манит.

И смертоносно сердцу сладострастье.
 Нас дружба, непорочных, единит,
 А цельное познаем в небе счастье.

СЛИ

Нет замысла, какого б не вместила
Любая глыба мрамора. Творец,
Ваяя совершенства образец,
В ней открывает, что она таила.

Надменная! Так ты в себе сокрыла
И счастье, и пагубу сердец.
Но на меня, держащего резец,
Моя ж восстала творческая сила.

Нет, не любовь, не тёмный жребий мой,
Не нрав иль сан твой, дивная, виной
Недуга моего, моих мучений.

Как твердь, ясна, – ты ж и грозна, как твердь;
Но немощен из красоты мой гений
Воззвать блаженство – и изводит смерть.

В конце книги приводится большая статья издавшего эту книгу А.Г. Шишкина «Микеланджело в системе идей Вяч. Иванова».

В этой статье Андрей Георгиевич Шишкин, в частности, пишет:

«Русский Серебряный век был для России тем же, чем в своё время Романтизм для Германии или Возрождение для Италии. Среди истоков его можно назвать преодоление русского нигилизма и позитивизма, открытие Фёдора Достоевского и Толстого, Ницше и Рихарда Вагнера, французский символизм и даже марксизм, – так, подводя итог ушедшей эпохе, писал Бердяев в эмиграции в 1936 году. Однако Бердяев не назвал ещё один исток, не менее, а то и более значительный, чем французский символизм.

Это христианская средневековая и раннеренессансная культура Италии, – Италия Данта, Фрациска Ассизского, Петрарки, Пико делла Мирандола, Микеланджело. «По тому, как любят Италию и что в ней любят, можно судить о характере эпохи», – обмолвился как-то Вяч. Иванов. Это та Италия и Рим, которые прежде занимали столь важное место в историософских построениях Петра Чаадаева и Владимира Соловьёва, а в Серебряном веке – в размышлениях и в жизни Бердяева, Д. Мережковского, А. Волынского, И. Гревса, В. Забугина, Вл. Ильина и легитимного наследника соловьёвской идеи о римском универсализме – Вяч. Иванова.

Примечательно, что Вл. Соловьёв был читателем ещё не опубликованной первой поэтической книги Вяч. Иванова. По свидетельству современ-

ника, близкого друга и «совопросника» Иванова, между философом и поэтом произошёл следующий разговор. «Владимир Сергеевич, я думаю назвать эту книгу лирики – “Кормчие звёзды”. Как вы относитесь к такому заглавию? <...>» – «“Номоканон”, – последовал немедленный ответ, – скажут, что автор филолог <...>». Быстрый и краткий ответ философа нуждается в истолковании: «Соловьёв сразу понял: “Кормчие звёзды” – это неподвижные светила; это – непреложные истины, вечные идеи, по которым человеческий дух направляет свой путь».

«Непреложные истины» и «вечные идеи» легли в основу той системы «реалистического символизма», которую в своей поэзии и в теоретических статьях Вяч. Иванов строил на протяжении последующих четырёх десятилетий. Как значительная временная протяжённость, так и нехарактерная для многих персонажей той эпохи глубина и серьёзность историко-религиозных аспектов вызывают особый интерес. Он относится к преображению материи через воплощение в ней высшего, сверхматериального начала. В этой главной задаче символического искусства поэт Вячеслав Иванов является также выдающимся посредником между живописцем Микельанджело и философом Соловьёвым. Следуя давним традициям, все трое преодолевают, посредством своих дисциплин, твёрдое разграничение между феноменальным и ноуменальным мирами».

Все тексты в книге написаны на двух языках – русском и итальянском. От рисунков невозможно оторваться: они апеллируют одновременно к мысли и чувству, к вере и разуму, на них хочется смотреть часами.

Невольно возникают в сознании строки столь любимого Соловьёвым Фета:

Пленительные сны лелея наяву
Своей божественною властью,
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ и СЕРЕНАДЫ

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Алексей КОРОЛЁВ

Колыбельные и серенады

В словаре А.П. Квятковского читаем:

«Колыбельная песня – песня, напеваемая при укачивании ребёнка, особый лирический жанр, популярный в народной поэзии.... К.п. писали некоторые русские поэты, например М. Лермонтов («Казачья колыбельная песня»), Ф. Сологуб. Форма К.п. была использована поэтами-сатириками как пародия или сатирический перифраз. Так, Н. Некрасов заимствовал форму лермонтовской К.п. для своей острой сатиры на карьериста-чиновника». В наши дни, мне кажется, колыбельная всё более сближается с серенадой и часто уже трудно отличить одно от другого.

Серенада также прошла гигантский путь развития. Возникнув в Провансе как *serena* (*sega* – по-провансальски вечер), песнь трубадура, она очень скоро превращается из песни о запретной любви в песнь, исполняемую в вечернее или ночное время в чью-либо честь, большею частью в честь возлюбленной, в знак почитания или любви.

У А.П. Квятковского читаем:

«Серенада (итал. *serenata*) – это вечерняя приветственная песня, исполнявшаяся перед окнами дамы в сопровождении музыкальных инструментов».

Исходная, исконная связь этих двух жанров совершенно очевидна. В обоих случаях поэтическим объявляется уход в мир грёз, мир душевных мечтаний и видений:

Не мешайте мне спускаться к переходу сокровенному,
Дайте, дайте мне умчаться с вами к свету отдаленному.
(А.А. Фет. «Сны и тени, сновиденья...»)

Серенада сегодня в свою очередь всё более походит на колыбельную. Возьмём, например, «Серенаду» А.А. Фета или «Серенаду» К.Р.

А.А. ФЕТ

Серенада

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, –
Спи, моё дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;

Струны робко зазвенели, —
Спи, моё дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, —
Спи, моё дитя.

Так легко и так привольно,
Страсти укротя,
Сердцу вымолвишь невольно:
Спи моё дитя.

(1844)

К.Р.

Серенада

О, дитя, под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдёшь в сновиденьях отраду;
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
В дольном мире тебя ожидает;
Спи же сладко, пока нет забот
И душа огорчений не знает;
Спи во мраке ночном
Безмятежным ты сном,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангел-хранитель святой,
Милый друг, над тобою летает
И, лелея сон девственный твой,
Песню рая тебе напевает;
Этой песни святой
Отголосок живой
Да дарует тебе упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
 Под аккорды моей серенады!
 Пусть приснится тебе светлый рай,
 Преисполненный вечной отрады!
 Пусть твой сон и покой
 В час безмолвный ночной
 Нежных звуков лелеют лобзанья!

(Палермо, 5 марта 1882 г.)

У К.Р. и у А.А. Фета есть и стихотворения, названные колыбельными:

А.А. ФЕТ

Колыбельная сердцу

Сердце – ты малютка!
 Угомон возьми...
 Хоть на миг рассудка
 Голосу вонми.
 Рад принять душою
 Всю болезнь твою!
 Спи, господь с тобою,
 Баюшки-баю!
 Не касайся к ране –
 Станет поджигать;
 Не тоскуй по няне,
 Что ушла гулять;
 Это только шутка –
 Няню жди свою.
 Засыпай, малютка,
 Баюшки-баю!
 А не то другая
 Нянюшка придёт,
 Сядет, молодая,
 Песни запоёт:
 «Посмотри, родное,
 На красу мою,
 Да усни в покое...
 Баюшки-баю!»
 Что ж ты повернулось?

Прежней няни жаль?
 Знать, опять проснулась
 Старая печаль?
 Знать, пуста скамейка,
 Даром, что пою?
 Что ж она, злодейка?
 Баюшки-баю!
 Подожди, вот к лету
 Станешь подрастать, –
 Колыбельку эту
 Надо променять.
 Я кровать большую
 Дам тебе свою
 И свечу задую.
 Баюшки-баю!
 И долга кроватка,
 И без няни в ней
 Спится сладко-сладко
 До скончанья дней.
 Перестанешь биться –
 И навек в раю, –
 Только будет сниться:
 Баюшки-баю!

(1843)

Κ.Ρ.

[Князю Иоанну Константиновичу]

Спи в колыбели нарядной,
 Весь в кружевах и шелку,
 Спи, мой сынок ненаглядный,
 В тёплом своем уголку!

В тихом безмолвии ночи
 С образа, в грусти святой,
 Божией Матери очи
 Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
 Этих печальных очей!
 Словно им ведомо горе
 Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время,
 Час неизбежный пробьёт;
 Примешь ты тяжкое бремя
 Горя, труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
 Доброй, простой старины;
 Будь же всегда упованьем
 Нашей родной стороны!

С верою твёрдой, слепую
 Честно живи ты свой век!
 Сердцем, умом и душою
 Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
 В пору тревог и невзгод,
 Служит примером терпенья
 Наш православный народ.

Спи же! Ещё не настали
 Годы смятений и бурь!
 Спи же, не зная печали,
 Глазки, малютка, зажмурь!..

Тускло мерцает лампадка
 Перед иконой святой...
 Спи же беспечно и сладко,
 Спи, мой сынок, дорогой!

(1887 г.)

Колыбельная К.Д. Бальмонта, озаглавленная им «Баюшки-баю», является в то же время прекрасной и дерзновенной поэтической декларацией чистого искусства:

В жизни кто оглянется,
 Тот во всём обманется,

Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
Жизнь проспать свою.
Баюшки-баю.

Что может быть выше этой формулировки цели и смысла жизни? Только фетовская вершина мировой поэзии – его философское стихотворение, поэтическая декларация платонизма – «Сияла ночь»:

А жизни нет конца и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять, и плакать над тобой.

Вот цель и смысл жизни. Красота и любовь – предмет эстетического культа, веры, единственный предмет настоящего искусства. Два явления одной и той же вневременной сущности, два прихода её в этот – временный и случайный – мир из того, вечного мира, два пения, слушая которые человек уже здесь, ещё на земле, но уже соединяется с Создателем. Это стихотворение – вершина чистого искусства и краеугольный камень зарождающегося символизма. И это тоже своего рода колыбельная сердцу, или серенада.

К.Д. БАЛЬМОНТ

Баюшки-баю

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вечно молчаливая.
Я тебе спою
Баюшки-баю.
С радостью свидания
К нам идут страдания,
Лучше – отречение,
Скорбь, самозабвение.
Счастья не жди,
В сердце не гляди.
В жизни кто оглянется,
Тот во всём обманется,
Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
Жизнь проспать свою.
Баюшки-баю.

Где-то море пенится,
 И оно изменится,
 Утомится шумное,
 Шумное, безумное.
 Будет под Луной
 Чуть дышать волной.
 Спи же, спи, печальная,
 Спи, многострадальная,
 Грустная, стыдливая,
 Птичка боязливая.
 Я тебе пою
 Баюшки-баю.

(1895)

Есть и другая колыбельная Бальмонта.

К.Д. БАЛЬМОНТ

Колыбельная

Лёгкий ветер присмирел,
 Вечер бледный догорел,
 С неба звёздные огни,
 Говорят тебе: «Усни!»
 Не страшись перед судьбой,
 Я, как няня, здесь с тобой,
 Я, как няня, здесь пою:
 «Баю-баюшки-баю».
 Тот, кто знает скорби гнёт,
 Тёмной ночью отдохнёт.
 Всё, что дышит на земле,
 Сладко спит в полночной мгле,
 Дремлют птички и цветы;
 Отдохни, усни и ты,
 Я всю ночь здесь пропою:
 «Баю-баюшки-баю».

(1895)

Приведём ещё ряд колыбельных русских классиков.

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки.
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду –
Ты махнёшь рукой...
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;

Стану целый день молиться,
 По ночам гадать;
 Стану думать, что скучаешь
 Ты в чужом краю...
 Спи ж, пока забот не знаешь,
 Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
 Образок святой:
 Ты его, моляся Богу,
 Ставь перед собой;
 Да готовясь в бой опасный,
 Помни мать свою...
 Спи, младенец мой прекрасный,
 Баюшки-баю.

(1838)

Саша ЧЁРНЫЙ

Колыбельная *(для маленького брата)*

Баю-бай! Васик – бай!
 Ты, собачка, не лай!
 Ты, бычок, не мычи!
 Ты, медведь, не рычи!
 Волк, миленький, не вой,
 Петушок, дружок, не пой!
 Все должны теперь молчать:
 Васик хочет спать...
 Баю-бай! Васик – бай!
 Ножками не болтай,
 Глазками не моргай,
 Смеяться не надо,
 Ладушко-ладо!
 Спи, толстый мой голыш...
 Мухи, кыш! Мухи, кыш!
 Не смей его кусать –
 Васик хочет спать...
 Баю-бай! Васик – бай!

Жил в зверинце попугай,
Зелёный и гладкий,
На жёлтой подкладке.
Всё кричал он и кричал,
Всё не спал он и не спал.
Прибежал вдруг котик,
Прыгнул на животик,
Баю-баю-баю –
И съел попугая...
Раз-два-три-четыре-пять!
Пузырей не пускать!
Спать!..
А не то нашлёпаю!

(1921)

А.А. БЛОК

Колыбельная песня

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,
В небе звёздочки горят,
В речке струйки говорят,
К нам в окно луна глядит,
Малым деткам спать велит:
«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас.
Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан.
Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,
А под вечер брат уснёт
И меня гулять пошлёт.
Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

(25 сентября 1904 г.)

Аполлон МАЙКОВ

Музыка: П.И. ЧАЙКОВСКИЙ*

Колыбельная песня

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»
«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

(1860)

Фёдор СОЛОГУБ (Ф.К. Тетерников)

Музыка: А.Н. ВЕРТИНСКИЙ

Невозвратная колыбельная

Просыпаюсь рано –
Чуть забрезжил свет,
Тёмно от тумана, –
Встать мне или нет?

* ещё более 20 композиторов написали музку на эту колыбельную

Нет, вернусь упрямо
 В колыбель мою, —
 Спой мне, спой мне, мама:
 «Баюшки-баю!»

Молодость мелькнула,
 Радость отнята,
 Но меня вернула
 В колыбель мечта.
 Не придёт родная, —
 Что ж, и сам спою,
 Горе усыпляя:
 «Баюшки-баю!»

Сердце истомилось.
 Как отрадно спать!
 Горькое забылось,
 Я — дитя опять,
 Собираю что-то
 В голубом краю,
 И поёт мне кто-то:
 «Баюшки-баю!»

Бездыханно, ясно
 В голубом краю.
 Грёзам я бесстрастно
 Силы отдаю.
 Кто-то безмятежный
 Душу пьёт мою,
 Шепчет кто-то нежный:
 «Баюшки-баю».

Наступает томный
 Пробужденья час.
 День грозитя тёмный, —
 Милый сон погас.
 Начала забота
 Воркотню свою,
 Но мне шепчет кто-то:
 Баюшки-баю.

(1–2 декабря 1896)

Фёдор СОЛОГУБ

Лунная колыбельная

Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою её младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожно качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел встрепенётся, улыбнётся, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: – Ты не бойся, ты не дуйся, я засну.

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звёздочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –

Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,
И на речке с лёгким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою её младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

(1908)

Приведём ещё произведения классиков, названные серенадами.

А.С. ПУШКИН

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.
Вот взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

(1824)

Барри КОРНУОЛЛ (1787–1874),

перевод: А.С. ПУШКИН

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Работа Дарьи Войновской

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснётся ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

(1830)

А.К. ТОЛСТОЙ

Из драматической поэмы «Дон Жуан»

Дон Жуан

(поёт под балконом)

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйдя, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовью сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

Нисета

(показываясь у окна)

О, дон Жуан, уйдите, ради бога!
Вы губите меня. Скорей уйдите!
Когда о том узнает командор,
Он заколоть меня велит. Молю вас...

Дон Жуан

(продолжает)

От Севильи до Гранады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздаётся стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льётся дам, —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

(1862)

Приведём также ряд колыбельных советского периода.

Баю-баюшки-баю

(считается народной)

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И потащит во лесок,
Под ракитовый кусток.
К нам, волчок, не ходи,
Нашу Сашу не буди.

Агния БАРТО

Спать пора! уснул бычок,
Лёг в коробку на бочок.
Сонный мишка лёг в кровать.
Только слон не хочет спать:
Головой кивает слон,
Он слонихе шлёт поклон.

Зоя ПЕТРОВА

Музыка: Аркадий ОСТРОВСКИЙ

Спят усталые игрушки, книжки спят,
Одеяла и подушки ждут ребят.
Даже сказка спать ложится,
Чтобы ночью нам присниться.
Ты ей пожелай: «Баю-бай!»

В сказке можно покататься на луне
И по радуге промчаться на коне,
Со слонёнком подружиться
И поймать перо Жар-птицы
Глазки закрывай. Баю-бай!

Обязательно по дому в этот час
Тихо-тихо ходит Дрёма возле нас.
За окошком всё темнее,
Утро ночи мудренее,
Глазки закрывай! Баю-бай.

Баю-бай, должны все люди ночью спать.
Баю-баю, завтра будет день опять.
За день мы устали очень,
Скажем всем: «Спокойной ночи!»
Глазки закрывай! Баю-бай

(Слова народные)

Баю-баюшки-баю!
Во лазоревом краю
Солнце село, скрылось прочь,
День угас, настала ночь.

Тишина в лугах, в лесах,
Звёзды ходят в небесах,
И дудит им во рожок
Тихий месяц-пастушок.

Он дудит, дудит, играет,
Складно песню напевает,
Да негромкая она,
Только звёздам и слышна.

Только звёздам, только ночке
В синей сини над селом...
А для нашего сыночка
Сами песню мы споём.

Мы сыночка покачаем
 Под припевочку свою:
 В ней начало: «Баю-баю!»
 А конец: «Баю-баю!»

Б. ФЛИС – В.А. МОЦАРТ

Русский текст: С. СВИРИДЕНКО

Спи, моя радость, усни!

Спи, моя радость, усни!
 В доме погасли огни;
 Пчёлки затихли в саду,
 Рыбки уснули в пруду,
 Месяц на небе блеснит,
 Месяц в окошко глядит...
 Глазки скорее сомкни,
 Спи, моя радость, усни!
 Усни, усни!

В доме всё стихло давно,
 В погребе, в кухне темно,
 Дверь ни одна не скрипит,
 Мышка за печкою спит.
 Кто-то вздохнул за стеной,
 Что нам за дело, родной?
 Глазки скорее сомкни,
 Спи, моя радость, усни!
 Усни, усни!

Сладко мой птенчик живёт.
 Нет ни тревог, ни забот;
 Вдоволь игрушек, сластей,
 Вдоволь весёлых затей,
 Всё-то добыть поспешишь,
 Только б не плакал, малыш!
 Пусть бы так было все дни!
 Спи, моя радость, усни!
 Усни, усни!

Приведём также несколько колыбельных (или серенад), написанных участниками ЛИТО ЛЭТИ.

Евгений КАПУСТИН

Колыбельная

Радость моя
Истинная,
Нежно ко мне прикоснись!
Светлая ты,
Тёплая ты,
Ласково к сердцу прижмись!

Вот за окном
Стало темно –
Время волшебного сна...
Милый уют,
Звёзды поют, –
Скоро наступит весна!

Алексей КОРОЛЁВ

Колыбельная 1

Вечер, луной подсвечен,
В лапах у лип затих.
Как серенада, вечен
Русский акцентный стих.

Пусть Вам приснится лето,
Светлый июньский сон,
Щебет и свист до света
И «кавалер махаон».

Толстый, тяжёлый «бражник»,
Взмахивая едва,
Сядет на Ваш багажник,
С ним «мёртвая голова»,

И, подхватив случайно,
 Каждый движенья полн,
 Перенесут Вас нечаянно,
 К пене балтийских волн,

И отнесут обратно
 В Ваш бельэтаж на Пинегина,
 И пропоют невнятно
 Арию львов* из Онегина.

Пусть Вам приснится вечер,
 Блещающий бал, как встарь,
 Белее бумаги плечи,
 Любимый народом Царь.

Одна за другой картины
 Мягко бредут на ум.
 Рампа и роль Дорины,
 Розы и Ваш триумф.

Мурлыча, сопит Алиса
 И видит в кошачьем сне:
 Мяукая, дышат листья
 Свежей струей в окне.

Колыбельная 2

Мягко сгустились тени,
 Только встаёт луна.
 Магией снов – видений
 Зыбкая даль полна.

Зимние ночи долги,
 Пусть к Вам приходят сны.
 Летние дни на Волге,
 Ландыш – певец весны.

* Дуэт Татьяны и Ольги «Слыхали ль вы?»

Тёплый Царицын, лето,
Белый июнь в цвету.
Щебет и свист до света,
Бег фонарей на мосту.

Познеиюльские ночи,
Звёздная синь без дна.
Ангелов светлых очи
В голубизне окна.

С детства милая сказка,
Жар-птица и царский сын,
Нежной царевны ласка
И махаон, и павлин.

Пусть же Вам снится долго
Сказочный грот наяд,
Солнечный берег, Волга,
Тёмно-душистый сад.

Красные лапки, утки,
Мост и прозрачный пруд,
Милой подруги шутки,
Платье, как изумруд,

И торжества, и речи,
Скромный дворянский бал,
Дамы, снежные плечи,
Лиц благородный овал.

Пусть всё светлей и звёздней
Ангельский свет разлит.
Пусть он порою поздней
Ясные грёзы хранит.

Колыбельная серенада

*Знойный воздух холодает,
Спи, моё дитя.*

А.А. Фет

Закачает нас в объятье
Всепобедный май.
В бирюзовом лёгком платье
Тихо засыпай.

На руках тебя по саду,
Словно в оны дни,
Я ношу полночи кряду,
Ангел мой, усни.

Майской ночи ароматы
Над тобой плывут,
Навевают, как когда-то,
Негу и уют.

Все кузнечики в молчанье,
Знать, не велики.
Лишь проносятся в жужжанье
Майские жуки.

Их клюют певцы заката,
Ввысь окрылены
Вдохновлённые Эрато
Сказочные сны.

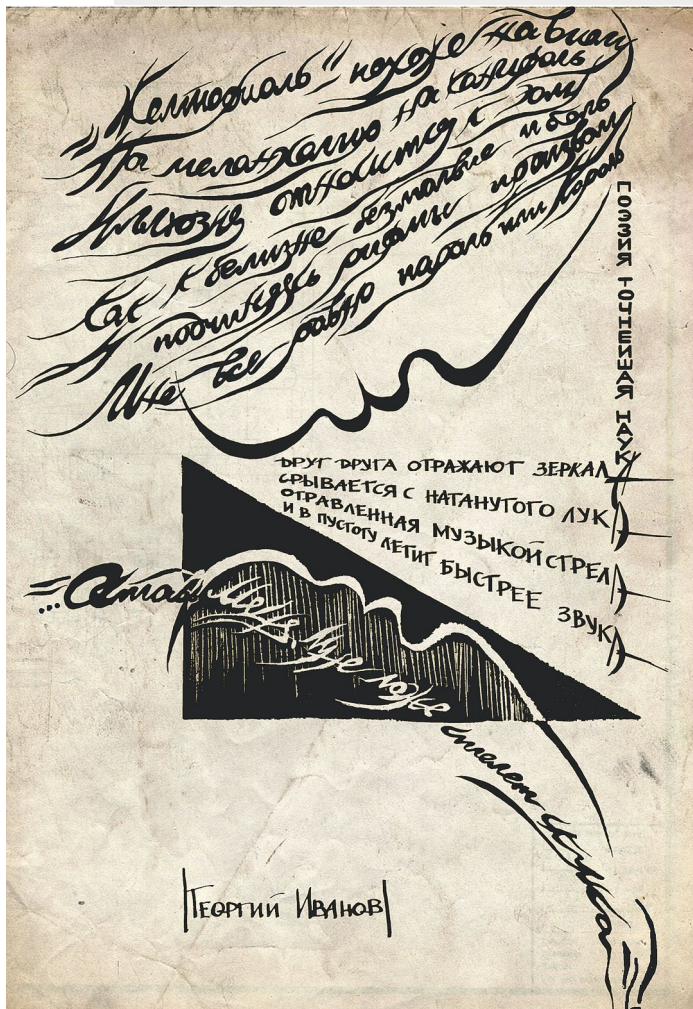
Мне даров земных не надо,
Лишь тебя пою.
В колыбельной серенада
Баюшки-баю.

СТИХИ.РУ...НО...

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Игорь АКСЁНОВ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Сонет

Иной счастлив под звёздами вполне,
Имея титул, славу площадную.
Куда скромнее путь назначен мне,
И я предпочитаю честь иную.

Не то чтоб я совсем уж не хотел
Ни почестей, ни славы, ни богатства.
Хотел бы. Да года уже не те,
И как-то неохота напрягаться.

Пора бы уж помыслить о душе,
Насколько это мыслимо в дурдоме,
Который нам навязан. Вообще...

Уже довольно поздно пить боржомом.
Чай с бергамотом, рюмка да планшет.
А смерть? Есть мнение, что смерти нет.

Сонет

Сентябрь уж наступил. Вновь отряхает
душа остатки летней суеты.
Навязчивая музыка стихает,
и мы с осенним городом «на ты».

А в октябре наступит время прозы
с похмельным недосыпом и тоской,
и заморозки предвелят морозы
и даже, очень может быть, покой.

Мой друг, идея, в общем, не нова
о том, что опостылел карнавал
и в фейерверках больше смысла нету.

Так осенью, в нечаянном лесу
напомнит нам нечаянный досуг
спокойное величие сонета.

*Но зачем этот сад накануне зимы,
Этот город туманный зачем,
И зачем же тогда в этом городе мы,
Сочинители странных поэм?*

Д. Самойлов

Уж странных я поэм не сочиняю.
Нестранных тоже. Только к круглым датам.
Я с каждым днём всё более вменяем.
Я с каждым днём всё менее поддатый.

Мысль, прежде ртутным шариком дрожавшая,
Становится тягучей, словно мёд.
Как лист кленовый: жёлтый, но без ржавчины.
Становится всё сладостнее. Вот.

Там, где должна быть телебашня –
Какая-то стена из серой ваты...
Оно, конечно, как бы и не важно,
Но как-то, согласитесь, хреновато
Вдруг обнаружить: на привычном месте
Огромной башни будто нету вовсе.
Туман, сырой и липкий словно плесень...
Туман... маразм... тоска... усталость...осень.

Район у метро «Технологический институт» на редкость депрессивен. Эти обшарпанные фасады на бесконечных Красноармейских.... Но зато в первых этажах и полуподвальных полно симпатичных кафешек и уютных пекарен. В этом есть резон – если внизу все так вкусно и ароматно, то и, как бы, не очень обязательно думать о высоком.

Декаданс

Воистину Ленинград – город поэтов. Спрашиваю ученика:

– Серёжа, ты хоть помнишь, что значит слово «перпендикулярны»?

– Смутно...

Снежок... Даже и не выпал, а лишь обозначил собственное присутствие. Прежде наступление холодов и сумерек я воспринимал как досадную приостановку жизни. Ныне же – присматриваюсь, прислушиваюсь. Пытаюсь осознать как возможность иносуществования.

Я работаю на пересечении Красноармейской улицы и Советского переулка. Интересно, это оказывает какое-нибудь влияние на психику?

С годами мой взгляд приобрёл небывалый прежде магнетизм. В метро теперь мне достаточно только лишь пристально посмотреть на любую красивую девушку – и она тут же встанёт, чтобы уступить мне место.

Дневниковое

Вчера долго не мог заснуть. Всё думал: как правильно – дырбалызнуть или дрыбалызнуть? Ну и о судьбах Родины.

Юлия АЛЕКСЕЕВА

*Студентка Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

Чайные гномы

Когда придёшь домой с мороза,
Проблемы скинь свои в прихожей.
Работа, пробки, слов занозы,
И кот встречает с кислой рожей.

Ждёт волшебство тебя на кухне.
Там чайник с чаем ароматным.
От чуда зло во мне потухнет.
Мир вдруг становится приятным.

Поверишь в сказку, в то, что двое,
Два добрых гнома чай здесь пили.
Теплом с душой тебя укроют.
Имбирь и мяту не забыли.

Пойдёшь читать свою газету.
Такие мысли сразу бродят.
Оставишь гномам две конфеты.
Пускай они ещё приходят.

Дождливый ноябрь

– Когда проникнут запахи и звуки
Под капюшон из ледяной воды;
Когда коснутся ласковые руки, –
Назавтра точно жди беды.

Не торопись легко поверить в счастье,
А вдруг – и в жизни сказка не права?
Пусть ноября дождливое ненастье
Тебе нашепчет, что твердит молва:

О том, что всё легко и просто;
Все двери открывают по звонку...
– Не верю! Как мне верить, взрослой?
Поверю только головы кивку.

Тебе

Предполагалось, будет дождь,
А с неба сыпал белый снег.
Я точно знала – Ты придёшь
И остановит время бег.

Ты любишь раннюю весну,
А я от лета без ума.

Ты сильно чувствуешь лишь ту,
Кто в это сердце влюблена.

И я проделаю весь путь.
Мне бесполезно слово СТОП,
Упрямством побеждая грусть,
Любви и нежности потоп.

Денис АНДРЕЕВ

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Так просто игнорировать симптомы.
Закрыв глаза. Вдох-выдох. Всё, здоров!
Но вновь и вновь накатывает комом.
Вновь крутит сердце, и ломает руки вновь.
Что остаётся? Ждать, укрывшись пледом?
Схватить за горло, показать, что не простак?!
Пытаться вымолить? К врачам бросаться следом?
Надеяться, что всё пройдёт и так?

Елизавета АНДРИАНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

*Мы ведь дети, только дети,
Мотыльки среди теней.*

В. Брюсов

От любви ли бьётся сердце
Или просто от тоски?
Хочется тобой согреться,
Чувствовать тепло руки.

Может быть, конечно, глупо,
Жизнь не так уж коротка,
Но мне кажется, разлука
Наша будет на века...

И потом, спустя столетья,
Вдруг мы встретимся с тобой.
Я тихонько, незаметно
Помашу тебе рукой.

Ты тогда нахмуришь брови,
Будешь что-то вспоминать...
Чувства высших категорий
Не дано нам понимать.

Родились не в том столетье
Или встретились не так...
Мы пока всего лишь дети
И любовь для нас пустяк.

Апельсин

Шагаю в заснеженных улицах
И грею в руках апельсин.
Быть может, в меня кто-то влюбится.
Романтик, писатель картин.

Неспешно-счастливой походкой,
Ничуть не боясь опоздать,
Иду. Апельсин будет тёплым.
И станет его не узнать.

А руки мои без перчаток
И цвета поспевшей рябины.
Пускай, зато даже без шапок
Не мёрзнут теперь апельсины.

Улыбка как средство защиты,
Как повод сокрытия боли,
Как способ уйти от ответа,
Уменьшить потери крови.

Улыбка – возможность спасенья
От непонимания вами.
Улыбка – знак неугнетенья
Свободной души дураками.

Холодная грусть февраля
В преддверии новых свершений.
Не ваша. Ничья. Не твоя.
Одна. Без чужих отражений.

Под чутким надзором страстей
И честно-фальшивых улыбок
Мы ставим театр теней,
Чтоб не было видно ошибок.

Но скоро заплачут снега,
Нам радостно будет их горе.
Циничные сволочи, да.
Остался ли кто-нибудь кроме?

Холодная грусть февраля
В преддверии новых свершений.
Как важно, чтоб были не зря
Измены чужим отраженьям.

Капли мне лицо целуют.
У меня роман с дождём.
Нас никто не обязует
Вечность всю идти вдвоём.

Раз целует, это значит,
Капли – губы у дождя.

Он целует, а не плачет.
У дождя любовь своя.

Ласточки взбесились,
Стали рисковать.
Весело резвились,
Перестали ждать

Солнечного диска
В небе облаков.
Я им дам ириску,
Они мне – комаров...

Решил играть чужую роль –
Неси теперь чужую боль.
А о своей забудь пока,
Чтоб роль твоя была легка.

Лица похожие.
Фразы известные.
Вдумчиво-сложные,
Но повсеместные.

Слишком обычные
Интерпретации.
Мысли стандартные
Ловят овации.

Книги ненужные.
Алкоголяния.
Нами заслужено
Непонимание.

Кто-то курит сигареты
Высоко на небесах.
Объяснить бы, вредно это!
Да в таких ещё годах!

Курит Он без остановки,
Белый дым пускает вниз.
Хватит Вам надолго лёгких?
Сколько длится Ваша жизнь?

Близоруко глаз сошурит,
У Него усталый вид.
Люди, нервы, вот и курит.
Ладно, пусть себе дымит.

Я уток кормлю.
Голубей вместе с ними.
А свитер на небе
Предательски-синий.
И звёзды горят, словно сотни свечей.

Я твёрдо иду
В этой склизлой капели.
И звёзды уже
Опустились на ели.
А я всё не верю. Никак не поверю.

Последние свободные цветы
Скукожились. Я кутаю в простынки
Останки столь привычной красоты,
Чтоб тел озябших не коснулись льдинки
И взгляды любопытной злой толпы...

Ты брал мою душу,
Делился со всеми.
Они её жрали.
Я выжила еле.

Ты был во главе,
Когда брызги летели
Не умершей плоти.
Они её ели,

Сдирая слои
Молодой свежей кожи.
Всё было в крови.
Ты смотрел. Значит – тоже...

Мария АНЕЗАГХ

*Студентка Юридического факультета Национального
Исследовательского университета – Высшая Школа Экономики*

Разговор

(диалог Льва Троцкого и Феликса Дзержинского)

– У вас сапоги в мутно-алом.

– Неужто? Забыл отмыть...

Прилипнет теперь нагаром,

Забиться не даст и забыть.

– У вас рукава задубели...

– От крови. Своей иль чужой...

Забилось, мелькают недели,

Да привкус-то вроде не мой...

– От вас тянет болью и криком.

– Привык. Не страшна мне боль.

И в обществе нашем диком

Иначе попробуй, изволь.

– Ладони у вас ледяные.
 – Не только. Все части лица
 От тягостной доли стальные,
 От близости горькой конца.

В душе моей – тьма, нет надежды!
 – Убийца! Гаситель огней.
 Вы – Феникс, вы Феникс Железный,
 Искрящийся в море теней!

За советом

(монолог Льва Троцкого)

Не проси ты, мой Феникс, совета.
 Я такой же, как ты, я один.
 Но от проклятой боли без цвета
 У тебя всё же есть кокаин.

Эх, Железный, всё хуже и хуже,
 Всё труднее становится верить.
 Голос правды народу не нужен!
 Им бы кровью успехи измерить.

И теперь ты пришёл за советом,
 Крылья красные свесив, стоишь.
 А другой ты – на тусклом портрете –
 За холодную маской молчишь.

...Ты не просишь, мой Феникс, совета.
 Я такой же, как ты, – я один.
 И пока не устанут газеты,
 Нас не будет спасать кокаин.

Ольга АНИКЕЕВА

*Выпускница Экономического факультета
Санкт-Петербургского Государственного университета*

Ноябрьский сплин

О, тоска ноября, с обнажённостью зябких деревьев,
С пустотою двора под косыми штрихами дождя,
Только ветер скулит, словно пёс перед запертой дверью
У сырого подъезда, дороги к теплу не найдя.

В монотонности дня от асфальта до серого неба –
Всё единый гризайль. Не хватает цветного пятна.
Где же буйство, октябрь, твоё? Канул, словно и не был.
Только холодность стен. Только сумрак в колодце окна...

Ожидание

Безлунна снова ночь и тяжела,
Мой телефон лежит убитой птицей
На безучастной плоскости стола,
А я всё жду – что вдруг да возродится,
И голосом твоим заговорит...
И ночь легко вздохнёт, раздвинет шторы,
И мы с тобой за длинным разговором
Пропустим наступление зари...
Но чёрной кошкой бродит тишина
По комнате моей, давно уснувшей,
И ей уже не важен день минувший,
Ушёл – и безразлично, чья вина.
И я хочу границу перейти,
И в сотый раз твержу себе – да спи же!
Но телефон кладу к себе поближе.
Чтоб и во сне смогла его найти...

Мир изменился. А ещё вчера
Всё было до оскомины знакомо –
Прямоугольник серого двора
И чахлость лип у заспанного дома,

И воздух был холодным и пустым,
 С автомобильным душным перегаром,
 И глупостью казалась блажь Икара,
 Мечтавшего коснуться высоты.
 А новый день раскрылся словно лист,
 Стал чётко виден, каждой тонкой жилкой,
 Стремятся липы каждой веткой ввысь,
 И времени теперь совсем не жалко
 Остановиться, чтобы посмотреть,
 Как голуби снуют в весенних лужах,
 И крыльями разбрызгивают свет,
 Дробя его в цветные полукружья,
 Как тень ложится кружевом у ног,
 И даже пыль на плитах серебрится
 Всё потому, что ты сегодня смог
 В моей судьбе и встретиться и сбыться...

Осенняя пиромания

Багряный сполох листьев, выше крыш.
 Зачем же ты, сентябрь, так спешишь
 Поджечь леса, как шкодник неразумный?
 Уже неумолимо и бесшумно
 Огонь сжигает зелень пышных лип...
 Ты, правда, хочешь, чтобы лес погиб?!

Но мне в ладони лёг прохладный лист.
 В порывах ветра слышу – Прикоснись,
 То не пожар, такое время года.
 Меняет одеяние природа...

Плѣс обновлённый *(Город Плѣс на Волге)*

Словно древний иконный лик,
 В обновлённую раму вставленный,
 Созывает на свой пикник
 Плѣс, распроданный и прославленный.

Где извечный царил покой,
Левитановской кистью схваченный,
Там ступени блестят доской,
Полированной и залаченной.

Сколько стоит твой свет берёз,
И закаты над Волгой вечером?
Может, прав ты, старинный Плёс,
Ничего не бывает вечного...

Изменили тебя века,
Да с размахом, да по-купчески,
Но всё так же светла река,
И в ромашках поют кузнечики,

Словно лебеди, облака
Задевают берёзы крыльями...
И, как штамп, на стволе рука
Чья-то вырезала – ЗДЕСЬ БЫЛИ МЫ.

Туман

Ну вот и всё. Ушли слова и жесты.
На улицах погасли фонари.
За облако обманутой невестой
Луна сбежала плакать до зари.
И стелется туман над Петербургом,
И дождь смывает краски, не спеша.
И бродит по холодным переулкам
Моей когда-то бывшая душа.

Пара перчаток и веер закрытый,
Красная роза на белом столе...
Что ты печальна сегодня, Анита,
И не допито твоё божоле?

Завтра последний твой выход на сцену,
Пьеса любая имеет финал.
Кончится власть твоего сюзерена,
Имя которому – Зрительный зал...

Помнишь, с чего ты тогда начинала?
 Первая роль в амплуа травести.
 О, для тебя это было немало –
 Целых две фразы сказать и уйти.

Это потом – упоение славой,
 Аплодисменты, банкеты, цветы...
 Помнишь, Анита, как ты уставала
 На репетициях до дурноты?

Как предавали тебя, но любили,
 Как из души вырывали куски
 И улыбались в лицо, и дарили
 Кольца, снимая с холёной руки...

Поздно, и вечер холодный развесил
 Капельки звёзд на оконном стекле...
 Нужно достойно сыграть в этой пьесе,
 Так улыбнись и допей божоле!

Сколько смертей ты сыграла, Анита,
 Хватит таланта ещё на одну?
 Здесь, без оваций и блеска софитов
 Молча с балкона шагнуть в тишину...

Полина АНИСИМОВА

*Студентка отделения филологии Национального
 Исследовательского университета – Высшая Школа Экономики*

Та часть меня,
 что горит только синим пламенем
 и поджигается дымом от сигареты,
 будто бы создана только страдать и расстраивать
 близких и музыкальные инструменты.

Та часть меня,
что ругается с Маяковским
и обожает завидовать Лиле Брик –
вряд ли, увы, интеллект передаст потомкам,
если только по фазе сдвиг.

Та часть, которая, к слову,
моя любимая – читает Гюго
и ненавидит табак.
Из-за неё на меня очень скоро длинный
узел петли тугой
накинёт бардак.

В солнечную погоду
под крышами прячется от дождей
та часть, которая жаждет давно вендетту,
любит лишь книжного персонажа и умершего поэта
и не любит людей.

Иногда нужно брать
тряпку и в приступе ненужной заботы
оттирать всю мою черноту начисто,
потому что я, как в плохом анекдоте,
взяла все их самые худшие
качества.

А вы бы мне прекратили читать морали,
если вам не слабо. Поверьте, это излишне.
Не для меня были созданы пасторали,
законы Ома
и тысячи модных книжек.

Для меня – вечер дома, и долгий водоворот
из июней, опер и факториалов.
Только бы не пропустить ни один поворот,
не забыть оконцовку и вспомнить своё начало.

Вечная цель: избавиться от сомнений,
но их штаб-квартира находится где-то внутри.

Если взорву их – не избежать ранений,
если оставлю, возможно, собьют с пути.

И сколько угодно крутится центрифуга,
а я всё мечтаю маршрут в километрах измерить.
Во мне говорит, наверно, остаток испуга,
задаваясь банальным вопросом:
«И что теперь?»

*Товарищи классики,
Бросьте чудить!
Что же вы, в самом деле,
Героев своих порешили убить
На рельсах, в петле, на дуэли.*

М. Светлов

Срываясь за рамки страниц, мой книжный герой,
У которого варит башка и бегают ноги,
Считает, что выхода нет – и уходит в запой...
Он не знает, что выход я спрятала в эпилоге.

Мой горе-герой, что удивительно, идеалист –
И никогда не ищет подвоха в хороших людях.
А если найдёт – плачет и пьёт на бис,
И оплатит в любой валюте.

Он обычно подолгу смотрит на рельсы трамвая,
Бойтся толпы и переполненных залов.
Он меня злит; и я сразу же забываю,
Что сама таким его написала.

Преодолев эпилог, он закроет глаза,
Ляжет на буквы и примется тихо выть.
Я не могу ни вперёд идти, ни назад:
«В самом конце мне придётся его?...»

Есть города, которые нас убивают.

Они никогда не протянут помощи руку. Там ты часами ждёшь одного трамвая, музыкой лишь выгоняя подальше скуку.

Там небеса для тебя неприветливо-серы, а облака не скупятся на пару плевков. В таких городах и так полно дураков, и они спешат напомнить, что ты не первый.

Памятники веками стоят себе и стоят, а тут раз – и нахмурились, держат паузу. Кутузов полки свои строит в ряд, а Ленин в нагруднике прячет маузер.

Они серой глыбой высятся над брусчаткой, бросаясь тенью, как зимнее небо – градом.

Думаешь, горожане тебе не рады? Они давно изучают твои повадки.

В таких городах тебе главное – не потеряться, а то заплутаешь, и некого будет встретить. И не поможет твоя суперновая рация, в этом районе ни в жизнь не ловили сети. Стены сдвигаются, давят тебя вовнутрь, к центру дороги... И стёкла крошатся оземь. В эту чёртову канитель нырнуть – не успеешь к поезду. Он ведь в восемь?

Есть города, которые нас убивают.

А почему? У них прекрасная память.

Город отлично помнит все расставанья,
городу больно, когда мы с тобой ногами
топчем асфальт по разные стороны баррикад.

Город – зеркало человека,
который тебе
не рад.

Здесь нет ни красивой истории, ни яркой обёртки,

Сколько угодно мечтайте о месте встречи.

Мы находимся в мире алчности и аборт –

Нас с тобою не свёл никакой романтический вечер.

Мы находимся в мире дыма и алкоголя,

И поэтому наша сваха – бутылка талки.

Из пяти человек один стопроцентно болен.

Остальные станцуют вальс на его останках.

Обстановка на кухне в стиле времён совдепа.
 Установка на вечер – смеяться как можно чаще.
 Это трудно, когда изнутри разрывает на части –
 Всё становится вдруг бессмысленным и нелепым.

И, решив подвести нелепости этой итоги,
 Ты меня посчитаешь знакомой-тире-незнакомкой.
 Как уже повелось, ты продолжишь копать в стог,
 А я – рядом стоять с иголкой.

Послушай меня. Я, дышащая дымом,
 живу далеко за линией горизонта.
 И мне лучше любоваться дождливым Крымом,
 чем проматывать сотни долларов на резортах.
 Так слушай же.
 Я научена опытом и отцом –
 что для меня, кстати, почти синонимы –
 когда призрак любви дышит тебе в лицо,
 за спиной тебя ждёт агония.
 Я ушла в тайгу, я была, как тигр,
 я жила, как тигр, отвергая стаю.
 Я плела венки из лесных ромашек.
 Иногда мне ужасно жаль, что весь мир не знает,
 как же хорошо не иметь городских замашек,
 как же хорошо не быть частью рекламных игр.
 Понимаешь, мир
 уже как три года объят тёмно-красным пламенем,
 а от моей тайги остался лишь чёрный пепел.
 И зачем, скажите, нужен был камень Фламель,
 если мой дом развевн кусками по всей планете?
 Я спала по дням, я пыталась ходить ночами,
 я жила под мостом и видела странные сны.
 Мой костёр играл, мой костёр доигрался случайно,
 И твой профиль изгибами вырисовывал до весны.

Константин АНСИМОВ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Напишите шедевр о любви

Напишите шедевр о любви,
О прекрасных возвышенных чувствах.
Холод душу и тело обвил.
Как-то пусто и грустно.

Вы простите за просьбу дерзкую –
У поэтов не просят стихов,
Но в такую погоду мерзкую
Не согреться мне от мехов.

Да вы куйте, а мы погреемся
Возле кузницы слов пылающих.
От мирской суеты провеемся,
И закроем глаза на лающих...

Мёд

добрая пчела собирает мёд.
она не поняла и никогда не поймёт,
что мир не мёд

добрый носорог любит запах трав
мил его мирок, но и Он не прав,
он не любит мёд

добрые коты воют по весне,
может, это ты, может, это снег,
может, это мёд.

Эфирное

умывается снегом сон,
ламинируются слова.
этот мир до того невесом,
что любовь никогда не права.

ведь укравший спешит вернуть,
а убивший рождает сам,
но ведь так тяжело свернуть,
если выбрана полоса.

но в туннеле горит огонь —
это признак ненужных фраз.
я рисую твою ладонь,
словно призрак решил за нас.

Тамплиер

Тамплиера смерть забрала
Не взирая на забрало.
Была крепкой сталь доспеха,
Но горбатой не помеха.

Нет теперь защиты веры
От проклятой злой химеры.
Страшновато пилигриму —
На пути к Иерусалиму.

Но придёт на смену новый
Смелый, сильный, безголовый
Тамплиер, готовый биться.
Вот такое вот мне снится.....

Ксения АНТОНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Медвежья песня

Дедушка Мороз, подари мне папу.
Медведи лапу сосут,
А я качаю «лапы».

Ночью совы кричат,
А у меня после часа —
Перманентно «Грогги».

Навстречу бежит пара зайчат,
А Мазай по воде
Уносит ноги.

У меня в комнате часы стучат,
А весна всё равно приходит в город.
Чтоб ты знал:
Ночью совы кричат –
По бескорыстному твоему присутствию, голод.

Незнакомец

В один прекрасный день,
В одно прекрасное утро,
Увидеть в зеркале незнакомца.
Прожить не одну зиму,
Даже не думать, знать,
Это в крови:
Пошёл бы с ним в разведку!
С кем, с ним?
Да на край земли!

Кто ты, кто он, кто она,
Кто они в тебе,
Ты в себе детка?

И глаза мои – не мои,
И одежда чужая – родная,

Я стою на краю земли,
И не понимаю,
Где я, кто я, какая?

Голая правда

Голая правда, голым вечером
Пошла на дорогу, на проезжую часть.
Думала встретить чего-то вечного,
А не увидела.
Что за напасть?
Первого встречного,

Вдоль идущего, не поперечного,
 Смогла увести – только на час.
 Думала ветер порывистый,
 Ночь слишком тёмная,
 Только игра для неё
 С начала самого
 Определённо не задалась.

Голую правду так опрометчиво
 Не замечала ни одна власть.
 Только под лампочкой,
 Кухонной свечечкой
 Наговорила всласть.

Первому встречному, вдоль идущему,
 Голая правда не сомневаясь и не таясь,
 Распотрошилась, разоткровенничалась,
 И разоделась, и разошлась.
 Голая правда лежала вечером,
 Проводив «поперечных», подправив масть,
 Определилась, где она мечена,
 Козырная и честная.
 И откуда такая взялась?

Я детёныш

Я детёныш какого-то дикого зверя,
 Я забрела к тебе из тёмных джунглей,
 Меня пугают резкие звонки телефона,
 И одетые в форму суровые люди.

Меня пугают опасные большие деньги,
 Я детёныш какого-то дикого зверя,
 Я не буду стоять перед твоим порогом,
 Пороги – ведь это тела деревьев.

Я упрусь железобетонным рогом
 В завода железобетонные стены,
 Я зверь, мне же нужно совсем не много...

Ольга АТАМАНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Политехнического
университета Императора Петра Великого и
Российского Государственного Педагогического
университета имени А.И. Герцена*

Рихард Зорге. Разговор со смертью

Fräulein, ступайте к чертям, там вас ждут с нетерпением!
Раз не минуешь – зачем появилась до срока?
Бешеный вихрь ускоряет земное вращенье,
Вот новостей на хвосте притащила сорока...
Может, сияющий Будда окажет нам милость,
Сад полутёмный подёрнувший розово-белым?
Мне бы измерить всю правду, понять, что случилось,
Мне б поразмыслить, – но ты мельтешишь не по делу.
Лезешь сквозь каждую щель – подсмотреть и подслушать –
Как тут не вспомнить про местного городского?
Кликну – так станет во фрунт, дуралей. Почему же
Радуюсь, радуюсь от двоедушья такого?
Fräulein, опять ты грозишься пространство и время
В точку уменьшить назло постулатам Евклида!

Видишь, луна светлоока, в полночную темень
Золота чаша сияньем к порогу разлита.
Слышишь ли шелест шелков, окаймлённых цветами, –
Чистому белому лотосу добрая свита, –
Стан её тоненький, свечки несмелое пламя,
Сила и слабость – как будто с времён неолита
Я эту девочку знал по наскальным картинам –
Птицы её привечали, зверьё не таилось...
Знаешь, – в тот вечер мы стали пространством единым,
Станным казалось, что Время не остановилось!
Мне объяснить бы – да ты не поймёшь ни на йоту,
Как ей к лицу был багрянец из листьев кленовых.
Траур одежды подаришь, печали, заботы,
Бледность, бессонницу, что оставляешь для вдовых.
Детское личико станет белей покрывала,
Да, так случится.

Но всё ж – не сейчас, не сегодня...
 Хмурая, злая, коварная, – ты проиграла!
 Fräulein, ступай же, тебя заждались в Преисподней!

Евфросиния АЩЕУЛОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Техникума
 Железнодорожного транспорта, студентка Санкт-
 Петербургского Государственного Университета
 Культуры и Искусств*

Ностальгия

Как прежде, дёрнуть за кольцо
 Родной калитки,
 Взбежать на старое крыльцо
 Ступеней зыбких...
 Прижать озябшую ладонь
 К прогретой печке,
 Услышать, как гудит огонь,
 Затеплить свечки...
 И до рассвета просидеть,
 Считая звёзды,
 Вдыхать в себя, сейчас и впредь,
 Рассвет берёзный...
 Да только дома нет давно,
 Крыльца, калитки,
 Но живо в памяти одно –
 Ступени зыбки...

Опять под окнами сирень
 Волнует душу ароматом,
 Опять тоской наполнен день
 И не окончена соната.
 Устав от тягостности дня,
 Душа томится, рвётся в осень,
 Надеясь сбросить пыл огня
 В суровости карельских сосен.

Найти покой в глухих лесах,
Забыв про призрачные тени,
Да только вновь, в тяжёлых снах,
Ей видятся кусты сирени.

Здравствуй, здравствуй, родная околица;
Вдоль плетня – лебеда да полынь,
В чаще леса умолкшая горлица,
Предзакатная светлая синь.

Деревянная стихшая звонница
Над рекой, где шумят камыши
И в лесах ещё кроется вольница...
Край, затерянный в сельской глуши.

Где леса изумрудными гривами
Заставляют робеть, не дыша,
Там, где волны встречаются с ивами
И сливается с небом душа.

Вращаются частицы хрусталя
В изломах голубого мироздания,
Ликует небо синью февраля,
Весна живёт в неровности дыханья.

Весна живёт... Лазурью бредит март,
Серебряно звенит восход на стёклах
И зеркалом кривым сырой асфальт
Вновь отражает небо... Птиц на вётрах...

Весна живёт... Срывает сон апрель
И снова обретают крылья души,
Осенний лист уже давно сопрел
И более покров земли не душит.

Весна живёт... Бушует дымом май
И сердце тонет в зарослях черёмух
Весне любви всего себя отдай,
Зимы не страшен грозно-льдистый обух.

Белый вальс

Когда закружит ветер нас,
Со снегом в вихре вьюг,
Я приглашу тебя на вальс,
Мой добрый старый друг.

Когда закружит ветер нас,
Внезапно и легко,
Вдруг заиграет венский вальс
Оконное стекло.

Я приглашу тебя, поверь,
И пусть раздастся смех...
Мы просто выкружим за дверь,
Исчезнув ото всех.

Я приглашу тебя, поверь,
Пусть даже ты – мираж;
Пусть злятся люди и метель,
Но этот танец – наш.

Пусть придёт тишина...

Пусть в сердце отзовётся тишина
Весенним ветром, щебетаньем птиц.
Пусть зазвенит лазурью вышина
И покачнётся шелестом страниц.

Пусть льют дожди, шумит морской прибой.
Проснётся в сердце позабытый май,
Пусть тишина, дорогою кривой
Придёт ко мне... Я жду, не забывай...

Неопределённость

В душе не утро и не ночь –
В ней серость и туман.
Я изменить бы всё не прочь,
Но дар такой не дан.

Тоска и боль подруги мне,
Отчаянье мне брат,

И я качаюсь на волне
У самых райских врат.

Ни вниз, ни вверх... Ужасен рок,
Жесток судьбы обман...
Я – неслышанный пророк,
Пришедший в чуждый стан.

Я, спотыкаясь и скорбя,
Прошёл тернистый путь...
В предначертанье верил я,
Мечтал на мир взглянуть...

Поведать людям о Христе,
О вере, о любви...
И вот, распятый на кресте,
Молю: «Спаси, Равви!»

Не смог я души пробудить
К свершениям святым...
Смогу ль? Не знаю... Может быть
Увижу мир иным...

Когда рождаются стихи...

А жизнь влияет на стихи –
Они есть зеркало поэта,
Когда резки её штрихи,
Тогда и резок звук сонета.

Когда в душе идут дожди,
Созвучно скрипке Паганини –
Любви холодные ножи
На сердце режут чьё-то имя.

Когда в душе метёт метель
И места больше нет для боли,
Тогда, как дверь с кривых петель,
Срываются остроты – тролли.

Когда в душе разгул стихий
И обезлиственны берёзы,

Тогда рождаются стихи
Насквозь пропитанные прозой.

А если вдруг художник – ночь
Окрасит душу в цвет индиго
(он синий-синий, он точь-в-точь,
как звёзды, а быть может, иней)...

...зажжёт литой фонарь луна
И небо станет вдруг отверстием,
То зазвучит тогда струна
Невинной радостью невесты.

Картине М. Врубеля «Сирень»

Суровые мазки по полотну
Немногословны, скупы и темны;
В них красота поёт сквозь немоту,
Таинственно сияние звезды...

Чарующий сирени аромат
Струится, унося меня с собой:
В таинственную даль, в полночный сад,
Где смотрит дева на меня с мольбой...

С.А. Есенину

Для тебя неприемлемо слово «прощай»,
Я скажу тебе, друг: «до свиданья»...
Мы с тобою успели друг друга понять,
Боль души, и тоску, и стенанья...

До свиданья, мой друг! Не печалься, иди...
Непреклонен прощанья закон...
Знаю, встреча с тобою нас ждёт впереди,
Ты лишь верь... Я уверена в том...

Елизавета БАБИЦКАЯ

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Я сама себя боюсь. Действия, поступки.
Совесть давит на меня, не по мне уступки.
Перерезана душа, на две половины.
Молча смотрит внутрь себя взглядом ястребиным
Моя первая деталь, та, что не любима.
Вечно ненасытная, властная, живая,
Гордая и хитрая, женская, дрянная.
Мало ей внимания, мало разговоров,
Взглядов с обожанием. Требуется повторов.
Раз за разом, день за днём.
Вырвать с корнем, сжечь огнём,
А на пепле пустит корни, расплзётся, как вьюнок,
Та деталь, что в сотни лучше. Золотой её поток
Мне поможет, мне откроет с чердака на небо дверь.
Там на крыше ждёт корабль, уносящий от потерь.

Мне б сейчас подняться в горы, нужно сдвинуть небосвод.
Чтобы сердце, ум и речи уберечь от всех невзгод.
Я поймаю просветление, что хранится там, вдали,
Средь двух радуг, что сияют у меня внутри.

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

*Поэт, художник, член Российского творческого Союза
работников культуры, член правления Союза писателей
Санкт-Петербурга и Ленинградской области*

Монолог

(Вместо письма)

Мама, я по-прежнему играю в эту игру.
В игру, где нельзя ничего исправить,
Где всегда выпадает расклад «живу-умру»
И сводит с ума полночная память.

Где приходится улыбаться, даже если в горле стоит ком,
И губы предательски подрагивают от боли;
Где надо порой говорить одно, а думать совсем не о том...
И где всё равно проявляется моё своеволие.

Я учусь торговать, а раньше умела лишь покупать.
Я учусь собирать камни, хотя время ещё не настало.
У меня тяжёлый багаж, но легка моя кладь.
И я помню твоё: «Не отчаивайся! Где наша не пропадала!»

Я всегда вспоминаю эти твои слова, когда порой
Бывает очень несладко или, наоборот, до приторности безразлично.
Ты научила меня быть сильнее. Я изменяюсь, но я остаюсь собой.
Всё изменяется. Даже огромный мир, нам привычный,

Молекулярно-атомный... В рамках моих шагов,
В рамках моих окон, в границе каждого взгляда...
Мама! Реки мелеют или выходят из берегов,
Небо всегда юное, но старше всего, что рядом.

На полях за железной дорогой теперь новый микрорайон,
Там, куда мы ходили за вербой в Вербное Воскресение.
Теперь вид из наших окон – город со всех сторон.
Мегаполис. И там плевать: хоть Потоп, хоть землетрясение,

Если это не касается – лично! – их хрупких миров.
Выросших на вселенной, где прежде царили жаворонки и травы...
Впрочем, не мне судить... Негласный закон таков,
Что именно здесь и сейчас они непререкаемо правы.

Человек человеку – брат, человек человеку – волк...
 Это усвоено не с твоих слов, подсмотрено по дороге...
 Оборваны прочные нити, но держит тончайший шёлк.
 Слишком большая цена – плата за те уроки.

Всё, что ушло от меня, и всё, что досталось мне –
 Бесценно, как никогда, и потому – свято.
 Как-нибудь расскажу тебе в седой ночной тишине,
 Пусть без ответа, но ты поймёшь. А большего и не надо.

Да, я по-прежнему играю в эту игру.
 И я вижу, что в ней нельзя ничего исправить.
 Там всегда выпадает расклад «живу-умру»
 И сводит с ума полночная память.

Монолог

Да, верно... так получилось, что я теперь – одна в поле...
 Насколько я воин, даже смешно судить.
 Во-первых, женщина, во-вторых, у эпохи – свои герои,
 В-третьих, ещё пытаюсь и хлебопашцем быть.

Враги, наверное, сходят с ума, знакомые думают: «У неё едет крыша».
 Друзья.... А друзей-то, если посмотришь, рядом и нет.
 Любимых я похоронила. Их души мне помогают наитием свыше.
 Но мир вокруг материален. В этом-то весь секрет.

И вот я совсем одна, прямо как перед смертью.
 И, кажется, сил нет, но я цепляюсь за нити, живу и дышу.
 Судьба – ещё та штучка! То даст надежду, то отмочалит плетью.
 И поле моё – чисто поле. Другого не нахожу.

Привычка жить на прицеле, на линии всех обстрелов,
 Даёт возможность не обращать внимания на адреналин.
 Как бы я ни хотела, по сценарию схожих примеров
 Выходов очень много, но мне надо выбрать один.

Даже моя интуиция порой может дать осечку.
 А моя интуиция, как известно, отточена и сильна.
 Но в жизни бывают обгоны, когда, вылетая «на встречу»,
 Не знаешь, в какие секунды столкнёшься и чья вина.

Но если я проиграю, то даже заядлым вражинам
Вовсе не станет лучше... Всё в жизни именно так!
И вопреки обстоятельствам, следствиям и причинам,
Я всё равно побеждаю, пусть и тяжёл каждый шаг.

Да, в моей жизни больше потерь и боли,
Чем радости и обретений.... В моём привычном пути...
Но если так получилось, что я – одна в поле,
Значит, надо держаться по-воински, как ни суди...

Лучшие дни проходят бесследно.

Лучшее солнце еще не воспето.

/Из поэтической книги «Лучшие дни», 2005 г./

Солнце лучших дней не уходит за горизонт
Без возврата... Нам хочется верить в это.
В городе мрачно и пасмурно, нужен зонт.
Дела монотонно-напрасны, слова без ответа...

Но солнце воспето. И строчки согреты теплом.
И кабы ни время, всё было бы без изменений.
И солнце, как прежде, весь мир освещает кругом.
И здесь даже нытики примут его без сомнений.

Лучшие дни не проходят бесследно. Каждый год
Оставляет цветение веток и трав – в океане памяти.
Всему своё время под солнцем. Всему – свой черёд.
Мудрец был прав.... И вы возражать не станете.

Небо лучших дней не разменяно на пустыки,
Пусть в жизни пустого и тщетного много встречается.
Сегодня солнечный луч коснулся моей руки
В рассветный час... Движение... Жизнь продолжается.

Чтобы душа жила – обязательно нужен ангел,
Как бы ни ныли критики, как бы ни злились скептики.
Хрупкая ритмика пульса. Бабочка на бумаге...
Не по законам хамства. И не по канонам этики...

Как-то совсем иначе... Легкокрыло и окрылённо.
 Не рассыпаясь пеплом в губительной антигармонии.
 Обязательно нужен хранитель, близко и удалённо,
 В наполненном кровью сердце и в энергии молнии.

Чтобы душа светилась и чувствовала, он нужен
 Незримо или вполне осязаемо – рядом.
 Чтобы душа любила даже в зимнюю стужу,
 Чтобы всё складывалось так, как надо!..

Настроены сны и скрипки.
 Взмывает занавес смело.
 На сцену иду с улыбкой
 Сквозь боль. Ведь я – Консуэло.

Смычки воспоют барокко.
 Я дар свой дам всем, кто слышит.
 Пусть время всегда жестоко.
 Но есть назначение свыше.

С годами сильней контраalto –
 Сапфировый бархат арий.
 И в нём заискрится смальта
 Империй, земных полушарий

И звёздных просторов Вселенной,
 И вечной свободы мира...
 И станет ещё вдохновенней
 Звучать синева сапфира.

И в верном своём стремлении
 Под солнцем, к своим высотам,
 Я стану твоим утешением,
 Мелодией и полётом.

Мир тесен, как вода на киселе,
 Как путь Луны и Млечная дорога.
 Мир тесен, словно дырочка в игле,
 В игре – лакуна и в груди – тревога.

Мир тесен вне всех рамок и границ,
 Ужатых вечеринок, тонких ниток.
 Как небо, бесконечное для птиц,
 Как жизнь, мгновенная в нетронутый избыток.

Мир тесен, словно комната моя,
 Подёрнутая одиночеств тленом.
 Так безрассудна хрупкость бытия,
 С её свободой и тоскливым пленом.

Я слишком остро чувствую его
 В минуты редких встреч и встречных веток,
 Когда уловишь пульса торжество
 И первый миг оставишь напоследок.

За пыльной занавесью тает свет.
 За краткой фразой вспыхивает чувство.
 И мир широк, как время быстрых лет,
 И необъятен больше, чем искусство.

Ответ

Нет, любовь – не маршмэллоу и не зефир.
 Тем более, не «Дом-2» или какая-либо телеотрава.
 Любовь... (Ремарка: «Задумалась»)... Целый мир
 И комнатка, где тепло важнее, чем громкая слава.

В любви не замечаешь, как счастлив, преодолая боль,
 И осознаёшь бессознательно счастье, словно своё дыхание.
 Видно и так, где – янтарь, а где – канифоль.
 Слышно и так, где – музыка, где – дребезжание.

Главное, чтобы была надёжность. Как в непогоду – кров.
 Читать об этом банально, но лучшего жизнь не придумала.
 Какая разница, с чем там обычно рифмуется «кровь»!
 (Ремарка: «Как?! Не с «любовью»?! А я-то думала...»)

Ну, почему тебе вечно нужен точный ответ?
Формулировка, смысл... Всё время – одно и то же...
Любовь – вне рифм и верлибров... Но каждый поэт
О ней говорит, словно стерпеть не может.

И – от Гомера до наших дней – сгоряча
Образно и рифмованно, во всеуслышание
Что-то в духе «Эй, поцелуемся!». (Ремарка: «Рубят с плеча!»)
Да, суетливо. Но фразы поэтов возвышены.

Реальность – проще, сложнее, чем словесная пастила,
Чем образы, волнующие яркими искрами.
Верь мне, поэту... Главное, чтобы любовь была.
Чтобы она не терялась за ложными смыслами.

Новое кладбище стало за несколько лет старым.
Там разрослись все лучшие русские травы
И все жгучие чертополохи. Даром!
Там больше жизни, чем в городе, и Небеса правы.

Новое кладбище недалеко от больших новостроек,
Как островок, где благостен свет и горек,
Где завершилось, свершилось в границах мира,
Но нет никаких границ... ни сплошных, ни пунктира.

Путь стал таким привычным: в низинку, в гору и – прямо.
Часовенка, где мою отпевали маму.
А дальше по двум широким дорогам, потом – по травам
И по песку вдоль могил... Кладбище стало старым.

Вот и могилы родных, где я летом борюсь с осокой.
Небо всегда здесь, даже в дожди, высокое.
Я ловлю себя на разговоре с родителями, ангелами и с собою.
Я говорю даже с этой осокой-травой.

Обычно не плачу. Я редко-редко теперь рыдаю.
Время не лечит и не подводит к краю.
И не ведёт к Раю. В быту оно – условность на циферблате.
В реальности – изменение, не подвластное дате.

И в этом-то изменении принимаешь, как данность
 И ушедшую юность, и грядущую старость.
 Принимаешь, как данность, смерть, которой нет, никогда не бывает.
 Есть вечное изменение. Небо лучше нас знает.

И здесь, где оно – бесконечно вечно-высокое,
 Где торжествует кипрей с острой осокою,
 И неизвестно откуда взявшийся маленький куст земляники,
 И, конечно, чертополох, колкий и дикий –

Здесь, где столько поставлено нелогичных или логичных точек,
 Что они превращаются в многоточие или прочерк,
 Всё говорит о большем, чем мы понимать рады...
 Словно сошлись в одно все голоса и взгляды,

Словно сошлись в одно дни мои, мысли и чувства,
 Будней и праздников бег, истинное искусство,
 Тонкие линии строк, разных мелодий ритмы,
 Грустных моих стихов все верлибры и рифмы...

Ранней весной, осенью ранней и поздней – в снегах предзимья,
 Летом, конечно... Солнце ли, снег или ливни...
 Пока я живу в этом мире и могу сюда добираться,
 Я приходить сюда буду от метро и железнодорожной станций.

Я этот путь не забуду ни в счастье, ни в горе...
 Эту низинку, возвышенность, часовню перед собою,
 Эти дороги и тропки между могил ухоженных и забытых,
 Эти кресты, надгробий тёмные плиты...

Снег предзимья или буйные русские травы...
 Там, где небо всегда высокое и Небеса правы.

Провидица

На нераскрытые страницы
 Смотрю, дотронувшись с азартом
 До тёмной грани фолианта...
 И чьи-то образы и лица
 Отчётливо рисует память
 Несбывшейся мгновенной встречей.

В смешении противоречий
 Могу ли что-нибудь добавить?
 В свершении того, что стоит
 Неразыгравшихся трагедий,
 Я вижу слепо в мутном свете
 Решение одно простое.
 Но есть ли право, голос или
 Особой власти цель и средство –
 Не чародейство, не кокетство,
 Не шарлатанство в полной силе,
 Но лишь возможность выгнуть тени
 И приоткрыть завесу правды,
 А не проклятие Кассандры
 Лелеять в собственном виденье?

Мы остались на корабле,
 Где погиб капитан и мало пресной воды...
 Ветер – всегда в лицо,
 Но к нему мы привыкли верно.
 Если пойдём на полночь,
 Нас зажмут полярные льды,
 Если свернуть на полдень,
 Солнце сожжёт непременно.

Если останемся здесь,
 Сцилла покажется мифом и сном...
 Выбор – не слишком велик,
 Но надо на что-то решиться.
 Пока мы ютимся, как есть,
 Между небом и чёрным дном
 И смотрим до боли вдаль,
 Не появятся ли там птицы.

Снасти гудят в такт
 И сквозь облака прорывается свет.
 И кажется всё, словно прежде.
 И ничего не пропало.
 Почему же тогда растёт

Тревога, что выхода нет?
И кто-то всё время твердит,
Что нам не избегнуть шквала.

Но: мы остались на корабле...

Когда дрогнет сердце от дыхания океана:
Все мы живём в прибрежной зоне, заметьте!
В глубинах материков – своё ожидание или другие планы.
А нами давно и безвыходно повелевает ветер.

В какой-то миг мы осознали хрупкость
Посреди этой зыбкой, прибрежной, болотной почвы.
Минутная прихоть или всесветная глупость –
И всё летит к чертям.... Даже мысли непрочны.

Но мы цепляемся, слышим, дышим, верим.
А как иначе? Иначе и быть не может.
Мы в большей степени – стебли. И в большей – звери.
Морские-морские.... И жизнь свою потревожив,

Мы о смерти не думаем в центре циклона:
Бушует вокруг, а здесь – безмолвно до смерти.
И, кажется, в этом мёртвом безмолвии жизнь благосклонна,
Пока не придёт со своим уставом ветер.

Верлибр прибрежной зоны

Оставленные корабли.
Пустые дома.
Заброшенные сады.
Заросшие тропы
Какая разгульная площадка
Для творчества
Штормового ветра!

Милая, милая, заплутавшая стрекоза!
Бал – окончание. Но у меня – начало.
Ах, за твои неземные чудо-глаза
Я отдала бы лето. И корону этого бала.

Милая, милая, яркокрылая тень!
В осеннюю непогоду ты оставляешь надежду.
Что мне муравьиная мудрость и вся твоя лень?!
Ну, не успела... И что ж? Пусть судят поспешно невежды.

Вряд ли знают они, что дано мотылькам,
Поздним стрекозам и ласточкам первым...
Время скользит по лицам, катится по рукам.
Кому-то вершит приговоры, кому-то щекочет нервы.

А ты вне времени и пространства, крылатый дружок.
Тонкие хрупкие крылья ветер не тронет.
Видно, решила осень, видно задумал Бог,
Чтобы я согрела тебя в ладони.

Надежда БАРАНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Мне снятся белые подсолнухи
И серебристые сады,
И ветерок слегка подсоленный,
И вкус фиалковой воды.

Где карамельными потоками,
Неторопливо-горячо
Ложится лето одинокое
На чьё-то бледное плечо.

Отъезд

Внезапной чередой линияющих пейзажей
Вдруг осень проросла сквозь августовский жар.
А наш последний день ещё совсем не зажил:
Так трудно говорить, так просто уезжать.

Не верится в тепло, в убогую взаимность,
И радио молчит. И ветер поднялся.
И всё бы ничего, но что-то изменилось
И мы теперь совсем на разных полюсах.

Забита голова глупейшими вещами,
И хочется себя как книгу, пролистать.
До встречи в сентябре. Я тоже не прощаюсь.
Дорога далека, знакома и пуста.

Автобус

Едет автобус по Выборгскому шоссе.
Жёлтые фары против любых невзгод.
Обыкновенно, точно так же, как все,
Снижает скорость, показывает поворот.

Справа от него – тощие фонари.
Бетонных столбов унылая полоса.
Едет автобус и светится изнутри,
Ему до дома ещё полтора часа.

Лето

Хожу без шапки, потому что у меня лето.
Обычное лето с жёлтыми листьями и дождём.
Грязь под ногами летняя. Суть не в этом,
Суть, понимаете ли, вообще в другом.

Лето, такое лето. Темнеет рано.
Родина крутит стрелки туда-сюда.
Это нормально, это ничуть не странно
Снег в это время года, ну, как всегда.

Похолодало? Шею шарфом завяжем.
Главное, что без шапки, и посему
В этом году наш календарь покажет
Лето, перетекающее в весну.

Листья

Что же я делаю? – Я собираю листья.
Жёлтые, рыжие, красные и в прожилку.
А настроение сразу какое-то лисье –
Чёртики снова дёргают за пружинку.
Выключить лову – весело, очень весело!
Ветер холодный – разве вот только ветер...
Просто бродить по золотому месиву
И подбирать – первый, второй, третий...

Небо

Ты – моё небо. Только не возражай.
Я отпускаю руки на счёте «три».
Что это может так мерзко внутри дрожать?
Раз. Это не страшно, смотри, смотри!
Два, я ещё цепляюсь за самый край.
Два с половиной... Ну же, когда? Когда?
Это ведь только наша с тобой игра,
Всё под контролем. Всё под контролем, да?

Елизавета БЕЛЯНИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

По тем же улицам, вдоль тех же серых стен
Стучит мой шаг, и бьётся пульс быстрее.
И старых мыслей бесполезный плен
Вдруг чувствуется жёстче и острее.

Со дна сознания, из самой глубины
 Потянет ветром, колким и холодным,
 И два пореза по краям спины
 Вдруг заболят под действием погодным.

Как будто вырвавшись из погребя обид,
 Воспоминанья выплывут на волю.
 И хоть казалось, голос в нём убит,
 Мне моё сердце скажет: «Я всё помню».

Дарья БЕРТОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Ночь раскрашена чёрным углем

Ночь раскрашена чёрным углем;
 Мир так огромен и зыбок;
 Только сделать бы жизнь мою – дублем:
 На другой переснять... без ошибок.

В тёмно-синем небе облака,
 И холодный воздух щиплет щёки...
 Жизнь так неоправданно строга –
 И сердца людей так одиноки!
 И как в детстве хочется мечтать
 Радостного завтра в ожидании...
 Только жить бы заново начать,
 Чтоб забыть потери и страдание.

Прямые в параллельных плоскостях

Прямые в параллельных плоскостях –
 Пересекаться, в общем, не должны,
 Но верно в человеческих страстях
 Законы эти даже не важны:
 И я живу проекцией своей
 На плоскость ту, в которой ты...

Так проживая сотни дней –
 Свои забыла я мечты!
 Я так старалась быть с тобой,
 Там, где мне быть совсем не нужно,
 И радоваться всей душой
 Тому, что абсолютно чуждо.
 Так долго продолжаться не могло:
 У каждого своя судьба и место,
 На круги всё своя пришло –
 Теперь я не твоя невеста.

Разрывает тишину рёв мотора

Разрывает тишину рёв мотора,
 Остаётся позади тесный город!
 И дорогой сладко так манит трасса –
 Приключений по пути будет масса!
 Под тобой два колеса – вот свобода!!!
 Ты ждёшь лета – девять месяцев года:
 Чтобы сердце в такт мотору стучало,
 Чтобы всё – с нуля начать и сначала,
 За мечтой мчать так легко и бесстрашно;
 Расстояние для тебя вновь неважно;
 Нет преград, быстрее ветра ты снова –
 Это СЧАСТЬЕ – и не нужно другого!

Так больно, что хочется сжаться в точку

Так больно, что хочется сжаться в точку:
 Может, так будет меньше болеть?
 И превратившись вновь в одиночку,
 Застыть, успокоиться и умереть.
 Счастье разрушилось молниеносно:
 Ложью, изменой, обманом, подлостью!
 Даже дышать стало просто несносно;
 Рвусь я на части любовью и гордостью!
 И на руинах разрушенных чувств,
 На месте топчусь, боясь сделать шаг:
 Мир снова холоден, снова пуст,
 И тот, кто был другом, банально – враг.

Осколки

На пол упала – разбилась на кучу осколков;
 Пол подметала, но всё – не собрать мне метёлкой...
 И месяцами потом – натыкалась босыми ногами...
 Всё раскололось, и мы виноваты в том сами!
 Время идёт и, наверно, забудет всё память;
 Только осколки любви – не устанут нас ранить...

Моя квартира

Моя квартира – музыкальная шкатулка:
 То холодильник заворчит так гулко;
 Ему бубнит стиральная машина;
 В кровати тихо закрехтит пружина...
 И скрипкою несмазанных петель –
 Поёт мне в общем хоре дверь.
 Вдруг... тишина: урчание желудка –
 И даже как-то стало жутко!

Дорога на работу

Утро: метро до отказа забито;
 Животики втянем и двери закрыты!
 Тесно и жарко и нет кислорода –
 Вот на работу какая дорога!
 Под тяжестью ноши руки заныли.
 Что ж вы такое в пакете тащили?
 – Два килограмма еды на работу,
 Надо ж мне там делать хоть что-то.

Когда так больно, что нужны слова

Когда так больно, что нужны слова,
 Не лживого сочувствия, но веры;
 Что всё переживём: жизнь – не халва,
 Но то совсем не повод портить нервы!
 Когда надежды нет и сил дышать,
 И кажется, мир рушится на части,
 Хоть кто-нибудь, скажите мне о счастье,

О том, что надо просто подождать...
 А я брожу в бескрайней тьме,
 Уже и выход не ищу.
 Пожалуйста, ну дайте руку мне,
 Скажите: «Никуда не отпускаю»,
 И что «темней всего перед рассветом».
 Ведь я просила лишь об этом.

Твои прикосновенья смыты в душе

Твои прикосновения смыты в душе,
 Но вот с души тоску никак не смыть:
 Как можно так ужасно равнодушно
 По этой жизни по теченью плыть?!
 А то, что по кирпичику пытались
 Построить вместе, будущего ради –
 Безжалостно ты рушишь... доигрались:
 Исподтишка ты нападаешь сзади...
 И не понять мне этого, ты знаешь:
 Счастливым быть так просто и приятно,
 А ты страдаешь, пьёшь и разрушаешь;
 И для чего всё это – непонятно.

Люди из стали

Мы люди из стали,
 Нам боль и печали
 Уже нипочём!

Мы люди из стали –
 Упали, но встали,
 Хоть бей нас бичом!

Мы люди из стали,
 Мы много теряли,
 Но нас не сломить!

Мы люди из стали,
 Мы главное знали:
 Как верить и жить!

Сколько следов на снегу

Сколько следов на снегу...
 Где же следы твои?
 В памяти берегу
 Обломки моей любви,
 Осколки разбитых чувств,
 Обрывки горестных фраз...
 И больше всего хочу
 Вернуть то, что было... в раз!
 Ищу тебя, жду звонка...
 Напрасно... ведь всё пройдёт:
 Следы занесёт пурга,
 Надежда вновь расцветёт.

Теория систем

Я снова в точке бифуркации
 И продолжаю колебаться;
 А ты подталкиваешь к краю...
 Моя система не такая!
 Но выход найден – нет сомнений:
 Я так устала от волнений –
 Мне в равновесия бы точку
 И от решений всех отсрочку;
 И флуктуаций меньше б было –
 Тогда б и жизнь я полюбила.

Путь

Холод кусает колени и нос;
 Соль – сапоги разъедает...
 В зимнюю сказку нас Питер унёс –
 Сказка ведь разной бывает...
 Чувства закованы в склеп ледяной;
 Так неуверенно-скользко:
 Думала, просто иду по прямой,
 А оказалось – не только...
 Путь выбирая – тропинку ищу –
 Снегом всё замело...

«К счастью тебя ни за что не пущу» –
Вьюга пропела зло!
Я же иду, хоть и холодно – жуть...
Так бы и спряталась в щель!
Просто я знаю, что счастье – есть путь,
А не конечная цель!

Андрей БЕРТЫШ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Одинокий волк

Одинокого волка тату сделал юный щенок.
Был он горд своей смелостью, думая – «влупит же мама».
Мама только вздохнула. Слезой оросила платок.
Не учил карате наш герой, а учил Мандельштама.
Да, он был не спортсмен. Вообще не заглядывал вдаль.
Он искал куражу, сам не зная порядков России.
В клубе был как-то обыск. Герою подкинули шмаль.
Одинокого волка на зоне за татку спросили.

Прекрасна ты

Прекрасна ты. Замедлил бег,
И мне шепнул на ушко кто-то:
– Она отличный человек.
Ей очень свойственна забота.
Тебя почти что люблю,
Шептал тебе о Мандельштаме.
Искал заботы для себя,
Но ты заботилась о маме.
Дарил подарки без затей.
Казалось мне, ещё немножко...
Хотел с тобой растить детей,
Но для тебя дороже кошка.

Так можно думать, – «Я – король», –
 Хоть до безумья, хоть до боли.
 Но не займёшь ты рядом роль,
 Когда тебя не видят в роли.

Silentium

Она ещё не родилась
 О.Э. Мандельштам

Мне говорят: Господь простит
 Тебя, греховного во плоти.
 Чужая радость тяготит,
 Чужое горе не заботит.

К иконе ставлю я свечу,
 Её от свечки зажигаю.
 Как будто что сказать хочу,
 А что сказать, пока не знаю.

Да иду я. Иду

*Чужие люди верно знают,
 Куда везут они мен...*
 О.Э. Мандельштам

Сидели вместе в ресторане.
 Потом закрылся ресторан.
 Веди меня, Иван с усами,
 И с бородой веди, Иван.

Чтобы плохому не случиться,
 Подставьте мне своё плечо.
 Ну, надо ж было так напиться,
 Тем паче, натошак ещё.

Не растрясите. Не просыпьте
 Вы из карманов коноплю.
 Сегодня пьяный я. Простите.
 А пьяный – я весь мир люблю.

И вы со мною в этом мире.
Куда идём? Не знаю я.
Уж я потяжелее гири,
Но вместе мы одна семья.

Земля моя меня шатает.
Желудок мой сулит беду.
Куда идти? Никто не знает,
Но я со всеми. Я иду.

Проводил

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.*

О.Э. Мандельштам

Проводил меня зрак, серый дымчатый зверь.
Что же так? Знать не вышел мой срок?
Век остался тот в прошлом. Он в прошлом, поверь,
И другой в нём поэт и пророк.

Я не волк. Я не шапка. Унёс свою плоть
Погремушкой к эпохе другой.
Словно бы на секунду помедлил Господь,
Но я слышу за стеной Ваш бой.

Там Чернобыль взрывается, танки гремят,
Подъезжая к понтонным мостам.
Там герои. И между фартовых ребят
Затерялся поэт Мандельштам.

Ответ Галичу

Как гордимся мы современники...

А. Галич

С Серебряного века только лики,
Есть сборники, но не у всех гробы,
И тут не то, что б Мандельштам великий,
Но он поэт трагической судьбы.

Поэта же ни что не остановит,
 Когда ему трагедия как цель.
 Один поэт за даму пулю ловит,
 У Осипа со Сталиным дуэль.

И только тень осталась разговорца,
 Понятного ещё сегодня нам.
 – Читал ты мандельштамовского горца?
 – Безумный Осип! Бедный Мандельштам!

Прошли года, и каждый понимает,
 Хоть Мандельштама раньше был дебют,
 Нет, не всегда поэта убивают,
 Но так порой напишет, что убьют.

Позор всем нам, поэту же реклама,
 Он из всего сумеет сделать знак,
 Позор властям, убили Мандельштама,
 Позор народу, умер Пастернак.

Я тугодум, мысль медленно я плаваю
 И лишь недавно я вопрос задал,
 Ну, а была б у Пастернака травля,
 Когда бы Мандельштама он не сдал?

Здравствуй, Мандельштам

И бродит плоть,
 И бредит Мандельштам,
 И у поэта горло бредит бритвой.
 Велик Господь,
 Но не понятен нам.
 Проклятье уживается с молитвой,
 И крест Христов сливается с мечом,
 И установлено, что вечность пахнет нефтью.
 Как хорошо не думать ни о чём,
 Но лишь проклятье, – обрести бессмертие.
 Не клясться, не потворствовать, не красть,
 Кого научишь ты в жестоком веке?
 Усовестить поэт способен власть,
 Когда в могиле и в библиотеке.

Вам вечность отливает девять грамм,
Что скажете вы? – Здравствуй, Мандельштам.

Турчанка 2

*Памяти Осипа Мандельштама
и Марии Петровых*

Мастерица виноватых взоров,
Или мастера заплечных дел,
Усмирён мужской опасный норов,
О, Поэт, ты этого хотел?

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Баржу кто-то утопил под лёд.
Их, бесшумно охающих ртами,
Нашей плотью кормит наш народ.

Мы не рыбы красно-золотые,
Как же, мы не рыбы, мы рабы:
В тёплом теле рёбрышки худые
И жестокий приговор судьбы.

Маком бровки мечен путь опасный...
По нему прошёл ты до конца,
Этот крошечный, летуче-красный,
В синяках немой овал лица.

Не сердчай, турчанка дорогая:
Вспоминай поэта ты, и вот,
Твои речи тёмные глотая,
Он в далёких лагерях умрёт.

Ты, Мария, – гибнущим подмога,
Но любовь бессильна, промолчи.
Я стою у твоего порога.
Приговор мне прозвучал в ночи.

И печаль моих домашних

И печаль моих домашних, мне по-прежнему чужда.

О.Э. Мандельштам

Жизнь исходит как мёд, как берёза усталая соком.
То ныряет во мрак, то обратно выходит на свет,
И так хочется сердцем помыслить о чём-то высоком,
Только жизнь – суета, и высокому времени нет.

И мне крутит колёса судьба от твердыни к твердыне,
И горят маяки, о земле сообщает их свет.
Моё сердце пылает в ответ и никак не остынет,
Но для близких моих ничего в том хорошего нет.

Опять Мандельштаму

Умер ты, мир даже не заметил.
Где лежишь? В которой из могил?
О, как светел, о, как ты был светел,
Как живой с живыми говорил.

В стороне еврейские вопросы,
Ну, казалось, что тебя казнить?
Но когда писались все доносы,
Мандельштам удумал пошутить.

Велика тюремная одежда,
Крошки хлеба собери рукой.
Чтоб осталась на земле надежда,
Чтобы у Надежды был покой.

Памятник поставят виновато,
Вечности отмерено минут.
И, как ты предсказывал когда-то,
Улицу тобою назовут.

Маргарита БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ

Член Петербургского Дворянского Собрания

Мои сны

Мне снятся удивительные сны,
Они так фантастически реальны!
В них, знаю, есть какой-то смысл сакральный,
Но мне пока разгадки не даны.

Мне снятся ностальгические сны,
А в них – ещё родители живые,
А в них – друзья и годы молодые,
И в них ещё мы не разлучены.

Мне снятся исторические сны,
Их персонажи странно непохожи
На тех, про коих прочитать мы можем,
Но в чём-то их черты сохранены.

Мне снятся эротические сны,
Герои их мне в жизни незнакомы.
Во сне друг к другу страстью мы влекомы
И дружбою своей упоены.

Мне снятся туристические сны,
В них вижу города, где я бывала,
С реальными в них сходства очень мало,
Но в общем очертанья их верны.

Мне снятся героические сны:
Достойно я иду навстречу смерти,
Без трусости и слёз, уж вы поверьте,
Хотя виденья эти так страшны!

Но вот я просыпаюсь, и тогда
О снах своих я думать продолжаю,
За героизм себя я уважаю
И нежность вспоминаю без стыда.

И после, днём, припоминая сны,
За них благодарю я Провиденье,
За эти трансцендентные виденья,
Которые как воздух мне нужны.

Как будто в сад распахнуто окно,
Так жизнь моя раскрыта в сновиденья,
Явь или сон мои ночные бденья –
Мне это совершенно всё равно.

И счастлива я тем, что у меня
Есть этот дар – такие сны увидеть
И в них чтоб никого не ненавидеть
И жить, всегда достоинство храня.

Глядя в небо

1. Гало

Вижу я круг гало надо мной.
Что же он предвещает?
Много ль радости он обещает
Всем, кто видит его? Мне одной?

В этом мире, где есть свет и мрак,
Воздаётся по вере, я знаю.
Я на милость судьбы уповаю,
Верю: это мне радости знак.

2. След самолёта

Растаял след от самолёта,
Возникший за его хвостом,
Так, словно мелом чиркнул кто-то,
Но, передумав, стёр потом.

В бездонном августовском небе
Как будто плавает душа,
О ней подумать и о хлебе
Спокойно можно, не спеша.

Допустим, что не самый лучший
Нам мир достался для житья,
Но даст нам Бог наш хлеб насущный,
Не сомневаюсь в этом я.

Событий прошлых отголоски
Ещё волнуют, но слегка...
А эта белая полоска,
Как чей-то взмах издалека.

Благодарность

*Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...*
Фёдор Тютчев

Ты так неожиданно в жизни вдруг возник,
Так, будто бы блеснул мне солнца луч,
И вдохновенья нового родник
Меня наполнил, как Кастальский ключ.

У этой сказки будущего нет,
Но есть зато сегодняшние дни,
От них идёт чудесный тёплый свет!
Да, мне судьбой подарены они.

И этот дар прекрасный я ценю
И больше уж не жду даров других.
Твой взгляд, слова я в памяти храню,
Храню прикосновенье рук твоих.

Все сказки приближаются к концу,
Но до него, надеюсь, много дней...
Я благодарность возношу Творцу
За свет и радость осени моей.

Татьяна БОГИНА

*Участница поэтического семинара имени Галины
Сергеевны Гампер при Союзе писателей Санкт-
Петербурга, выпускница факультета психологии
Санкт-Петербургского Государственного университета
и Санкт-Петербургского Института Кино и
Телевидения*

В каждой великой музыке спрятан Бах,
В каждом безумии спрятан, конечно, Босх.
Ноты всегда заплетаются в нужный такт,
Грёзы всегда расплетают терновый венок.

Скудость седмицы нотной рождает вихрь,
Скудость палитры цвета рождает сон.
В них и встречаются Сольвейг и Суламифь,
Ноев ковчег врезается в Армагеддон.

В каждом великом – таинство ста пустот,
В каждом ничтожном точно таится Бог.
Мир продолжается в Бахе, в седмице нот
И возрождается в цвете упрямый Босх.

Анна БОХАНОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Надо учиться терять, не жалея себя, забывая.
С каждой секундой всё глубже дыша, всё менять.
Надо уметь понимать, признавать, всё прощая.
С болью своей и слезами, но всё ж отпускать.
Больше не будет. Так легче, останется в прошлом:
Солнечный свет на втором этаже и тепло,
Сладкий малиновый вкус, и вода на ладошках,

Бред полусонный, «спасибо» в объятьях, вино...
 Тот новый год и ночные поездки, и сосны,
 Снежные склоны, конечные, поезд, перрон,
 Свечи в стаканах, смущенье, смешные вопросы,
 Фильм до конца недосмотренный, новый сезон...
 Лето и море. Стихи. День рожденья. Признание.
 Прозвища странные. Вечер, стеклянная озера гладь...
 По утрам голубые глаза. Зимний день. Расставанье.
 Надо уметь вспоминать и с улыбкой прощать...

Елена БОХОЕВА

Выпускница музыкального училища им. М.П. Мусоргского

Утро

Полсолнца всплыло за горбом планеты
 Полголовой мальчишки, что во двор
 Ко мне заглядывал окончившимся летом,
 Руками ухватившись за забор.

Приятно мять оттаявшую твердь.
 Земля – земля, ещё тебя погрею.
 А это чёрное – убийца, но не смерть.
 А то, что холодно, я сам был горячее.

Бледней и одиночее луна –
 Тем воспалительнее язвы её стали –
 Прах наших спутников берут и брали
 На иглы, нити, на веретена.

И ночи белые на розовой земле –
 Позёмка, вдох – и выдох на экране.
 Ну, вот и всё, итоги очертаний,
 Как яблоки Сезанна на столе.

Февраль – достать чернил и плакать...
 Июнь – дышать, дышать, дышать!
 Ах, сколько вымести ещё и вновь накапать
 Слезинок под железную кровать.

И растворяя в памяти, смотреть,
 Как трын-трава невидимо седеет.
 А это чёрное – убийца, но не смерть.
 А то, что холодно – я сам был горячее.

Анна БРУССЕР

*Выпускница Национального Исследовательского
 университета – Высшая Школа экономики*

Я скучаю обычно по тем,
 Кого в жизни-то не существует.
 С ними краски и сотни тем...
 Протрезвеешь – разрыв неминуем.

И казалось, что выдумок – капля,
 И что я играю в спектакле.
 Но они извиняются, побеждая.
 Хоть их и нет – всё равно скучаю.

Ксения БУРЖСКАЯ

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Октябрь
 Октябрь – и вещи уже на балконе совсем не сохнут;
 время колышет, смеётся, делает нас большими,
 и снова такая осень, что проще сдохнуть,
 чем отпустить со словами «но ты пиши мне».

Но ты пиши мне.

Я буду фоток твоих охранником или вором,
маячить по холоду нашей любимой Бронной,
и пальцами помнить пульс в углубленьи горла,
и то, что деревья ночные становятся морем.

Становятся морем

на стенах, подушке и тихих спинах,
мосгаз с мосэнерго дадут нам угля – согреться,
какая холодная будет зима, мне уже противно,
какая дурацкая будет весна, мне уже не спеться,

не спеться

ни с кем, как с тобой. И приходит нежить,
«останься со мной» – это тоже совсем из тех
романов, где по страницам немym кортежем
шатаются фразы вроде бабочек в животе.

Бабочек в животах –

не бывает. Там бьются вены, качаются лейкоциты,
стучит наковальня желудка, скрипит напалмом.
Я знала: мои ладони полны магнитом,
а ты – железом. И нас срывает, и прямо на пол.

И прямо на пол

всё падает с гулким грохотом, скрипом, лостом.
Проверь меня временем, медными трубами, долгим стажем,
на прочность и верность, на соответствие разным гостям,
поверь мне, что так ещё не было. Так же – страшно.

Во Франции говорят,

у каждой женщины должно быть опасное чёрное платье,
узкие запястья, выгоревшие волосы.
Говорят, у каждой – должен быть муж, чтобы врать ему,
в руках – платина, и бронза – в голосе.

Во Франции говорят: у тебя что, нет любовника?

(следует переводить: ты что, никого не любишь?)

Во Франции женщины чёлку стригут так ровно,
чтобы она равнялась с линией железных крыш.

Во Франции говорят: ври, пока есть о чём,
 оставляй чаевые, гони на последние в Ниццу.
 Они улыбаются, щурятся до морщин – и солнце тут ни при чём,
 просто им нравится чувствовать мышцы.

Имя твоё впечаталось в губы
 Фатально.
 Шепчу его даже во сне –
 В два удара по нёбу.
 Сжимаю и пальцы, и зубы,
 Чтобы не плакать.
 Когда ты – навстречу,
 Сердце ломает рёбра.
 Но чувствую прочно:
 Я не имею права
 Врываться в твоё сознание.
 В кожу. В график.
 Как только признаюсь –
 Ты подаришь мне барабан,
 Чтобы я колонну возглавила
 Идущих на фиг.

Вечера в театральных пабах.
 Швыряю грог в большое горло,
 Словно это люголь.
 Французский мужчина
 С манерами изящной фабулы
 Для киноромана
 Поправляет гольфы.
 Мальчишка дышит руками,
 Извлекая из мехов аккордеонных
 Всю соль и сладость.
 Я люблю тебя за ночь до встречи,
 Потому что она-таки будет.
 Такая радость:

Твоим «рядом» измучать зрачки
До потери билета на поезд.
Я не хочу уезжать,
К вечеру потеплело и снежило.
После:

Французский бармен учтиво предложит
Все самолёты, маршрутки и корабли,
А я промолчу – мои губы свело восторгом
От мысли, что знаю цвет твоего Шабли...

что в твоих руках такое, чего нет в других,
чему подчиняются пуговицы и рули,
чем ты таким ворочаешь в моей груди
чёрные несгораемые угли?

что в твоём взгляде, откуда искры летят,
и как моё сердце закрыто тобой в блокпост,
и как ты внутри меня поместилась вся
во весь человеческий рост?

что ты там делаешь, мне проще с ума сойти,
что все перепонки зажало между костями,
не иначе, как хочешь вон из меня уйти,
путь прокладывая локтями.

что ты сказала или не было ничего,
почему мой врач не пришёл за меня болеть,
под глазами протёрлось розовое сукно,
а могло бы и заржаветь.

я не вижу полной картины, одни мазки,
всё расстроено и разрушено, коротит,
просто приди, подуй на мои виски,
там уже горит.

а любовь оказалась не опухоль, но киста —
 умереть от неё не решилась, лечить достало.
 по каким-то однако неведомым мне местам
 время чего-то по-своему здесь расставило.

и не видно края этому небытию, и мрак
 окружает меня, раскалывает до бела,
 но, увы, я собака, меня натаскали так,
 и я за косяк цепляюсь, чтобы не прогнала.

и мои вторженья подобны насилию и грабежу,
 так и живу по инерции рядом и не по средствам,
 а что до соитий — так я ежедневно в неё вхожу
 каждым своим идиотским текстом.

Татьяна ВАЛЕНКО

*Студентка Факультета Журналистики
 Санкт-Петербургского Государственного университета*

Половина творений моих никуда не годится.
 Прокисают разлитые чувства рябиновым соком.
 Как капуста в банке устала бессмысленно биться,
 Так и мне надоело слагать неразумные строки.
 Этот мир для поэта — вид пытки весьма изощрённой,
 Но нельзя человека держать за душонку на ножках.
 Я как будто помешанный страстью открытий учёный,
 Каждый день от припадков спасает меня неотложка.
 Но чего они стоят? Зашмыгала ль девочка носом,
 Прочитав мои нежные оды любви легкокрылой?
 Улыбнулся старик, вспомнив дочь у постели с подносом,
 Или песней придали душе измотавшейся силы?
 Ничего. Вою вновь возмущённой сиреной,
 И ласкаюсь волной рифмоброской к дубовому слуху.
 Я сама — террорист, я сама себя делаю пленной,
 Зарывая взрывчатку под слоем туманного пуха.

Надо глубже копать, даже если стремишься к высотам,
Не размахивать чистой водой из ведра с коромысла.
Пусть дворцы переполнены кровью и каторжным потом,
Но стихи – это храм, освящённый распятою мыслью.

Расскажи, разве счастье бывает больше?
Застилает мне грудь пелена – истома.
И не важно, откуда (Вьетнама, Польши),
Ты явился меня провожать до дома.
И неважно совсем, на какие книги
Ты потратил последние двести, триста
Евро, крон или франков. Какие лики
Провожали тебя дребезжащим свистом.
Для чего тебе сны? Ты теперь со мною,
И куда интересней бежать по пашне
Моей голой души, распугав конвои,
Что на взгляд командира, увы, бесстрашны.
Для чего тебе грифы? Играй на струнах
Моих плеч, окольцованных робкой негой.
Ты сбежал от вулканов и бед – тайфунов,
Чтобы быть для меня ведовской омегой.
Отчего изумрудные глаз отливывы
Так похожи на залпы амфибий – танков?
Ты отныне всегда будешь лишь счастливым
Без фальшивых крон и бездушных франков.

Ветер

Ветер врывается в окна и трубы,
Воздух в домах обречённо дрожит,
Бегло целует в горящие губы
Грозди и кисти смущённых раки.
Ветер ликует: какая же нега –
Гладить девчушек по косам льняным!
Скоро дождётся приятеля-снега,
Ну, а пока угодит остальным.
Будет мотивом чарующим ночью –

Плыть по каналам и в стёкла стучать,
 Чтобы поэт создавал многоточья
 Там, где другой бы поставил печать.
 Чтобы понурый и слабый рабочий
 Шёл побыстрее к любимым домой,
 Там обнимал своих маленьких дочек
 И забывал, что устал и больной.
 Чтобы влюблённый, от трепета млея,
 Не колебался в полночной тиши,
 А постучался туда, где согреют
 И улыбнутся ему от души.
 Чтобы мальчишка, с восторгом пуская
 В небо воздушного змея стрелой,
 Следом за ветром летел, представляя,
 Что он пилот и отважный герой.
 Чтобы теплее бывали объятья,
 Чтобы мечталось о дальних краях,
 Ветер опять приступает к занятиям
 В первых сентябрьских пасмурных днях.

Ты молчишь, я считаю такты
 Побледневших от страсти песен.
 Для меня всё равно: теракты
 Или «мир для обоих тесен».
 Так боюсь показать избыток
 Искажённо-преступной дрожи.
 С двадцати девяти попыток
 Подбираю слова поостроже.
 Утешаешь по нотам струны,
 Учащаешь тепла раскаты.
 Эти ночи чрезмерно лунны,
 Эти строки чрезмерно сжаты.
 В ожиданье застыли губы,
 И срываются фраз обломки,
 Создавая стихов уступы.
 Ты молчишь. Бесконечно громко...

Счастье

Утро ласково гладит улыбкой,
 Рассыпается звуками песни.
 Может, счастье обычно и зыбко,
 Но не в случае, если мы вместе.
 Счастье – друг наш и преданный спутник,
 Залетает к нам в дом перепёлкой,
 Беззаботно шагает по кухне
 И болтает с тобой без умолку.
 Ускользает, играет в гляделки,
 Но не может без нас и минуты,
 Раздвигает застывшие стрелки
 И, бывает, грустит почему-то.
 Но, улыбкою тёплой согрето,
 Расцветает подсолнухом ясным.
 Если вам не хватает света,
 Обращайтесь. Поделимся счастьем.

Свитер

Свитер, привет! Мы с тобою подружимся.
 Ты рукавами согрей меня тёплыми.
 В Питере снег замороженно кружится,
 Люди застыли за толстыми стёклами.
 Мир поредел воробьями-прохожими,
 Скорбно фонарь разрыдался простуженный.
 Дни обещали быть снежно-погожими,
 Но увлеклись леденящими стужами.
 Все разбегаются, морщась от холода,
 Ветер кривляется, сыплет угрозы...
 Свитер, привет! Извини, что без повода.
 Просто тебя не хватает в морозы.

Вечер

Играя на струнах души поцелуями звуков,
 По клавишам глядя мои неокрепшие плечи,
 Расписывал ты тишиной, как Неву убаюкав,
 Пушил завитушки мечте чутко-ласковый вечер.

Едва прикасаясь к щеке ароматною кожей,
 Рождал интонации, как пиццикато на альте.
 Смеялся слезинками солнца последних прохожих
 И плакал улыбками тучек на звёздном асфальте.
 Такой безнадежно-счастливый твердил моё имя,
 Тонул васильковым, родным, затуманенным морем
 В моих тёпло-карих. Устами сжигая сухими:
 – «Lacosa pi? bella del mondo?» Молчанье... – «L'amore»...*

Руслан ВАЛИЕВ

*Студент Национального исследовательского
 университета – Высшая Школа Экономики*

Молчанье. Ночь. Скамейка в парке,
 А мы сидим сейчас вдвоём.
 И лунный свет, вдоль, возле арки,
 Гуляет босо под дождём.

Но мы, его не замечая,
 Сидим всё так же, как тогда:
 Моя рука твою сжимает,
 Твои глаза глядят, любя.

Всё хорошо, и тут же плохо.
 Мне даже стыдно, признаюсь.
 Болит душа до злого вздоха,
 Уйду ли я, иль остаюсь?

Уйдёшь ли ты? Простишь дурного?
 То ли всё ясно, то ли нет.
 И вид сейчас, как у больного –
 Ведь перенёс я столько бед!

Открыл глаза. Тут шкафчик, койка,
 Везде бутылки – тут и там.
 А в мыслях: «Что? Когда? И сколько?»
 И почему в душе бедлам?

* Что прекраснее всего на свете? Любовь...

Открылся разум – и всё стихло.
Я вспомнил и тебя, и сон.
Моё лицо опять поникло.
В дому бардак, в душе – дурдом.

Во сне всё было: ты и счастье,
Сжимал ручонку я твою!..
А наяву – одно ненастье.
Совсем дурной, один живу...

Молчание. Ночь. Скамейка в парке.
Сижу один – хмельной, как днём.
А лунный свет, вдоль, возле арки,
Всё так же бродит под дождём.

Уже холодный, знойный вечер,
Поди, и ночь – не разберёшь.
Не слышно летних вольных песен,
В глухой тиши бросает в дрожь.

Трава ласкает гладь лодыжки,
Ветрище продувает грудь.
Отбросил томные излишки,
Чтоб свежий воздух здесь вдохнуть.

И стать покорно на колени
Пред небом, полем и луной,
Чью честь пока что не успели
Испачкать мерзостью людской.

Тут всё нетронуто, невинно,
Первоначальный, честный вид.
Всё бесконечное – глубинно,
А всё невечное блестит.

Ангелина ВАСИЛЬЕВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Азраил

Холодные звёзды, далёкие звёзды —
Ты смотришь на них по ночам?
Тебе на что-то надеяться поздно,
Осталась сырая печаль.

Гляжу на тебя я из тьмы глубочайшей —
Обычный ли ты человек?
И взор мой зелёный ты не замечаешь,
В игру ненароком вовлек.

Оставить? Ну, как же... О, грешные души,
Под кожу смотрю я насквозь.
Отчаяние знавший, мой голос послушай —
Безумство уже началось.

Безумен, безумен... кричу, задыхаюсь,
И эхом мой крик от небес.
В крови теперь руки, я пальцы ломаю.
Зачем в жалком теле воскрес?

Я слышу, ты близко ко мне подобрался.
Заметил? Тут чёрная мгла.
Ты видел и перья, и звёзды из газа,
И звонкие ноты стекла.

Мухи

У мыслей имеются сотни фасетчатых глаз,
Жужжат и звучат их в моей голове голоса,
Бросают в агонии жуткой обрывками фраз,
Текут непрерывно, как время в песочных часах.

У мыслей имеются крылья, прозрачны они,
Нельзя уследить меж прожилок за света игрой.
За окнами осени медленно гаснут огни,
В моей голове закружился бесчувственный рой.

У мыслей имеются мысли. Какой парадокс!
Тягуче, уныло кишат в темноте головы
Рассветы и память, остатки неведомых слёз,
Улыбки, пророчества, час, что не стал роковым.

У осени много есть лиц и немало имён,
У осени есть свой особый холодный дурман,
И есть мухи-мысли, которыми я облеплён...
Уйти, раствориться от них мне бы в белый туман.

На балкон в предрассветном тумане
Я войду подышать дымом сизым,
Подожду, пока Солнце восстанет
И лучом побежит по карнизам.

Посижу, пока красной зарёю
Пропитается утренний воздух;
Насладившись ночною игрою,
Вдруг погаснут усталые звёзды.

Тишиной под сетей проводами
Подышу – просто мне это надо,
И сомкнутся стальными рядами
Мысли, что уж со мною не рядом.

А снаружи – июль и дождливо,
И так пусто внутри и снаружи,
Город хмуро глядит молчаливый,
Как и я, никому он не нужен.

Сонно глаз золотой потирая,
Встанет Солнце, всплеснувши лучами,
Алым бархатом мир озаряя,
Встанет, сонное, перед очами.

Просыпается город неслышно,
 Потянувшись проспектов руками,
 Город смогом, туманами дышит,
 И рассвета колышется знамя.

Выйду, выйду в бреду предрассветном
 Я в потрёпанном синем халате,
 Город свой полюблю безответно,
 И, пожалуй, мне этого хватит.

Памяти сэра Терри Пратчетта

– МАСТЕР, ПРОБИЛ ТВОЙ ЧАС,
 НЕТ ДОРОГИ НАЗАД, –
 Голос разум сотряс,
 Синий бежит взгляд.

– Неужели... конец? –
 Изумление, вздох,
 Не спешит Мрачный Жнец,
 Словно чуя подвох.

Он был первым всегда,
 И последним он стал...
 Вновь короткое «ДА»,
 Снова жизнь он забрал.

Их Создатель, Творец
 Черепахи, Слонов,
 Да и сам Мрачный Жнец
 Был плодом Его снов

И всей сути вещей.
 Что, теперь все умрут?
 Средь беззвездных ночей
 Целый мир как абсурд?

Капнет на пол слеза
 По костям будто мел.
 Хмураясь, Мастер сказал:
 – Плакать ты не умел.

– О, СОЗДАТЕЛЬ, ПРОСТИ
МНЕ ВНЕЗАПНУЮ ГРУСТЬ,
НО ПОРА НАМ ИДТИ.
– Да, в последний мой путь.

Анк-Морпорк освещён
Фееричным огнём –
Октариновый сон
Ясным солнечным днём.

Овцепики горят
Искрой яркой зимы.
И запели в свой лад
Расписные холмы,

И ликует душа!
На плечо старика,
Балахоном шурша,
Ляжет чья-то рука.

Плоский мир – он живой,
Радость просится ввысь!
...– ТЫ ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ,
МЫ ТЕБЯ ЗАЖДАЛИСЬ.

Не можешь увидеть, услышать. И не осязать.
И звёзд чернота, и сверхновых костер заискрится,
И будь осторожен – в холодные смотришь глаза,
Мои никогда не сумеешь запомнить ты лица.

Ведь я – Смерть Вселенных, Порядок, я есть Азраил,
Я буду концом, ныне тёмный таинственный странник.
Есть в крыльях моих отражения далёких светил,
Есть сердце звезды, что горит и горит неустанно.

Зачем эти звёзды, зачем во Вселенной огонь?
Пусть правит мой холод во веки веков тёмно-синий.
В пыли серебристой стеклянные крылья не тронь,
Их вновь отрастил и, надеюсь, навечно отныне.

Я ими закроюсь от всех и от мира живых,
 За что же Творец полюбил вас, кровавых и грязных?
 Не стоите вовсе ни капли сомнений моих,
 Кипите, живите, горите в агонии страстной!

Я их столько раз разбивал, ты не помнишь того,
 Теперь своим звёздным стеклом дорожу я до дрожи,
 Я много летал, долго был, но не знал одного:
 Живого тепла. Только холод, на вечность похожий

В глубинах космических, в бездне галактик и звёзд,
 Я здесь тёмный странник, я снова укроюсь средь пыли.
 Нет, не утешай, ведь не видишь в глазах моих слёз,
 Бесчувственный я, будто пепел из старой могилы.

Возможным мирам принесу неизбежный конец,
 Материи атом раскроется каждый, малейший,
 А я буду вечен, ведь я – Азраил, Мрачный Жнец,
 Ведь я Смерть Вселенных, я ваш тёмно-синий Старейший.

Послесмертие

В Кхалани не ведаю слов я любви,
 Кого восславлять своим тихим «Эн Таро».
 Из недр Пустот ты меня призови,
 И тенью явлюсь я печальной, усталой.

Неслышный, приду, утешающий тьмой,
 Едва ощутимо коснусь тёплой кожи...
 Я рядом, я здесь, я с тобой, я живой!
 Клянусь, твои сны перестанут тревожить.

Я буду с тобой сквозь завесу времён,
 Я буду в конце хоровода Вселенной,
 Пускай в посмертье не помню имён,
 Но имя твоё для меня незабвенно.

Я уснул

Я уснул прямо в небе звёздном;
 Мне туманность, как одеяло,

Примут солнца мою усталость –
Нынче лёг я довольно поздно.

Я уснул в запылённом крае;
Млечный Путь укачал спиралью,
Тьма и свет меня там догнали,
Где во сне вся реальность тает.

Я уснул, я в квазаре грелся,
Я оставил срамное тело;
Дыры чёрные дивно пели,
И знаком был мотив той песни.

Я устал, и угасло пламя –
Да, горела душа сверхновой,
Да, она загорится снова,
Световыми просплю годами.

Я уснул в глубине Вселенной,
В океане комет блуждавших,
Среди ангелов-звёзд упавших,
Я – потрепанный, тёмный, тленный.

Слишком долго я был серьёзным –
Я предался мечтам случайным,
Пусть мне космос откроет тайну;
Я уснул прямо в небе звёздном.

Окна

Я люблю заглядывать в окна
В темноте этой пасмурной ночи
И смотреть в узоры на стёклах,
Там, где блики мне что-то пророчат.

Я люблю заглядывать в окна,
В свет чужой застарелой квартиры
И мечтать о мире далёком
На краю совершенного мира.

Тёплый свет из нитей вольфрама,
Занавески невинно прозрачны,

Вены трещин чернеют на рамах –
Оберег мне плетут наудачу.

Где-то люди ругаются громко,
Бьют посуду вверху, на четвёртом.
Я люблю заглядывать в окна –
Наблюдать случайные ссоры,

Где гирлянда моргает стыдливо,
Телевизор шуршит серой тучей,
А на стенах тускнеют картины,
И летит ко мне лампы лучик.

Под дождём уже всё здесь поблёкло.
И стучат капли холодно, гулко
Всё по ним – удивительным стёклам,
А потом убегают в проулках.

И рассвет поднимается мокрый,
Солнца луч разнесся по эфиру.
Я люблю заглядывать в окна
Во вселенные пыльной квартиры.

Рагнарёк Астард во тьме!

Асгард объят чёрным пламенем,
Гиганты идут, против них –
Воинов павших вихрь
Под Одина реющим знаменем.

Герои идут незабвенные,
Оставив тела на Земле,
Литавры играют во мгле,
Конец знамену Вселенной,
Начало зиме.

И дрогнут миры,
И змей истечёт своим ядом,
И боги в той битве падут,
Из крови ручьи потекут,
И Смерть танцевать будет рядом.

Я видел во снах нереальных,
Падут золотые листы
В объятия Хель-Пустоты,
Ствол Ясеня будет повален –
Конец всей игры.

Протухнет исток,
Рассыплется мост на осколки,
Охвачен огнём будет лёд,
Вселенная снова падёт,
На Солнце набросятся волки.

Миры станут прахом и тленом.
Спасутся лишь семь Сыновей,
Наследники божьих кровей,
В развалинах старой Вселенной.
Грядёт Рагнарёк.

Синяки у меня под глазами размером с Америку,
Выйду к тебе в звёздно-тканой одежде жнеца,
Выйду, холодной ладонью отмою истерику
С бледною пылью припудренной кожи лица –

Подобной нигде не найдётся на целой Евразии.
В душе неживой оболочки отбросит звезда,
И нервы оцеплены вязким губительным стазисом,
И пальцы покрыты ожогами серого льда.

И не убежать, не укутаться с этакой стужею,
Останется только светила вверх рисовать,
Для этой работы нехитрой совсем мало нужно мне:
Стремянка и грифели, что толщиной ноль пять.

В одеждах жнеца я сольюсь с небом обсидиановым,
Танцую на лестнице шаткой, на руки дышу
Я паром серебристым. Рисую, рисую всё заново,
И от высоты в голове моей призрачный шум.

Мне холодно, вот уж ресницы подёрнулись инеем,
Сломаться, ворчливо грозя, вот ступени скрипят.

Дрожащими пальцами звёзды я жгу тёмно-синие,
Пока в одеялах ночных люди тёплые спят.

Дыханием греются, пледовой шерстью укутаны,
И тёплых котов желтоглазых поближе прижав,
Спят люди и видят ленивые грёзы уютные,
Коты им мурлычут, когтистый скрывая свой нрав.

Стремянка сломалась, расколото дерево ветхое,
Спиной пробивая ступени, я с криком упал,
Увидел –верху результаты трудов мои светлые,
Но крылья разбиты, неслышно объявлен финал.

Галактик спирали, и синие дали бездонные,
На чёрном лучей огневых красно-рыжая смесь,
И звёзды, сгорая, рождают пожары огромные,
Как я после смерти забвением выгорю весь.

Персеиды

Вы увидели, пали белые,
Заискрившись, снежинки звёздные?
Как небес плоды перезрелые,
Предосенние, слишком поздние.

В синем августе под туманами,
В тихом омуте новолуния,
Вы увидели, звёзды падали
Фейерверком Вселенной буйные?

Задохнувшись полуднем пламенным,
Паутинкой августа спутаны,
Звёзды пали искряще каменные
Над людскими души приютами.

Звёзды пали, и крылья сложены,
И обрезаны перья длинные.
Вы увидели? Невозможные,
Будто пьяные, бело-винные.

Август – лета могила пышная,
Листьев золотом, лунной платиной
Расписная. Имбирной вишнею
Пахнут звёздные бездны-впадины.

Звёзды пали – предвестье осени,
Будто искорки лета тёплого,
Будто яблоки очень поздние,
От космической пыли блёклые.

Будет память о лете вечная.
Метеорных дождей потоками
Звёзды пали. И наши млечные
Рукава разошлись дорогами.

Королева снежная

Вились веток кораллы снежные –
Января обереги мёрзлые,
И метелей моря безбрежные
Растревожили ночи звёздные.

Задышала зима туманами,
Чтоб согреть пальцы очень белые,
Чтобы кисти взять и под рамами
Руны красить обледенелые,

На оконном стекле застывшие.
Приближалась зима степенная,
Приближалась зима неслышная,
Красотой своей совершенная.

Вся смертельно опасно нежная,
Твои косы покрыты инеем,
Ты пришла, Королева Снежная,
Что с глазами бездонно-синими.

Злата ВОЙНОВА

Студентка Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой

Старик

Из-за угла вышел дряхлый старик,
С глазами полными злости.
Грубым шрамом искалечен лик,
И скрипят его старые кости.

Он идёт словно зверь одичавший,
Совсем головою поник,
О любви когда-то мечтавший,
Одинокий, несчастный старик.

Он забыт, и всеми он брошен,
И никто его дома не ждёт,
Для всех он – никто, он ничтожен.
Ушёл от него даже кот.

Старик жить не хочет давно,
Но Смерть не приходит за ним.
Даже ей совсем всё равно.
Пусть старик остаётся живым.

Мимо шёл паренёк молодой,
И пред ним он вдруг остановился,
А наш старик, совсем седой,
Глазами в паренька вонзился.

«Давай я буду твоим сыном,
Беречь тебя я буду и любить,
И буду я тобой любимым,
И будем вместе мы с тобою жить».

И слёзы потекли из глаз опухших,
И кинулся старик к нему на грудь.
Дождался он своих дней лучших,
И сможет наконец-то он уснуть.

Палач

Когда палач наточит свой топор,
И своей жертве он в глаза заглянет,
Он Бога или Сатану помянет,
И в исполнение приведёт сей приговор.

Но кто подумал о душе несчастного убийцы?
Когда он опускает свой топор,
Уродливые черти-кровопийцы,
Ему выносят смертный приговор.

Он по ночам не спит, он видит лица.
На них лишь только злоба и упрёк.
И мечется его душа как птица,
Запертая в клетке на замок.

Море

Бурлящее море, как суп на плите,
И тучи над морем нависли.
Ни звёзд, ни луны в кромешной тьме,
Лишь мои беспокойные мысли.

Как добраться скорей до родных берегов,
Не испугавшись ни волн, ни грома.
Как найти в темноте свой уютный кров,
Как скорей оказаться дома.

Реалист

Ты хочешь скатиться по радуге вниз,
И в небе летать просто так.
Мне тебя не понять, ведь я реалист,
И ты для меня лишь чуждак.

Ты хочешь комету за хвост поддержать,
Ведь ты лишь глупый мечтатель,
А я реалист, и мне не понять.
Ты слишком наивен, приятель.

Анна ВОСТОКОВА

*Студентка Психологического факультета
Санкт-Петербургского Государственного университета*

Светлая

Душа – светлая. Глаза – ясные.
Дано каждому по судьбе.
Небо – ветру, а ветер – парусу.
Парус – морю. А что тебе?

Необузданная, счастливая,
Где вьют гнёзда твои мечты?
Горы – снежные. Небо – синее.
Бриз – морской. А какая ты?

Пальцы тонкие, струны певчие,
Голос – полная вод река.
Будто ходишь ты всяким вечером
Босоногой по облакам.

Слишком яркая, слишком лёгкая
Чтоб по твёрдой ходить земле.
Из каких только перьев сотканы
Два крыла на твоей спине?

Ноги вольные, шаги смелые.
Рвётся к морю поток воды,
Мчится к полюсу ветер северный.
А к чему же стремишься ты?

Схожи крыльями – птицы, гривами –
Кони. Кровью мы – я и ты.
По дороге, размытой ливнями
Разреши мне с тобой идти.

Лёгок

Лёгок, волен на все дороги беспечный шаг.
Локоны волнами, морем огненным на плечах.
Катится вишней алой над лесом шар.
Рыжие искры в зелёно-карих смеются. Жар

Под ногами, мягкий песочный снег.
Сядут на камни в горных порогах рек
Лодочки-страхи. Есть только эта жизнь,
Соль на губах и волны в тиши. Дыши.

Жарок, высок у морских берегов огонь.
Жадным глотком по лёгким впускай его
Пепельнокрылый смог, золочёный дым.
В петлях лесных дорог за ручьём следы

Засветло не прочтёшь под своей ногой.
За ветром прямо к солнцу ведут. На кой
Чёрт нам с тобой назад? Назови резон.
Чертит эскизы карт ломаный горизонт –

Тянется вдоль верхов сосен и гребни волн
Пальцами гладит. Мох пёстрый живым ковром
Спит под ногами. В такт слышится его вдох
Нашим дыханием. Так честно и высоко

Бьётся меж нами пульс всех четырёх стихий,
Что я почти боюсь ткать из него стихи.

Сухой остаток

Дважды по семь людей в четырёх стенах.
Стулья стоят, друга напротив – друг.
В речь переходит взгляд, переходит в шаг.
Текстом читаются лица и кисти рук.

Слово теряет вес, обретая тон.
Тон искажает суть, обретая штрих.
Дважды да по семь смыслов у одного
Слова, произнесённого среди них.

Дважды по семь согласий у них в глазах,
Полных немого смеха и пантомим.
Трижды по семь часов в четырёх стенах.
Дважды по семь людей. И ещё один.

Всюду носить с собой буквы твоего имени,
Или начать, наконец, алфавит заучивать?
Мой очевидный выбор не выбить клиньями,
Даже не буду его для тебя озвучивать.

Бьюсь об заклад, твой план недалёк от прежнего,
А оттого ничего я не стану спрашивать.
Даже о том, какие остались трещины
Там, где пришлось меня вырывать из памяти.

Только Неву мне теперь называть по имени –
Ношу себя к ней частями от самой осени,
Дорога далёкая, злая, почти звериная,
Но, может, к июлю успею собраться полностью.

А там автостреды пыльные меня выходят,
Волной беломорской август залижет ссадины,
И к осени только Невские воды выдохнут
На тёплый гранит туманы твои янтарные.

Минул год. Отчего не десять?
Стали взгляды легки, лихи.
Сколько ныне творят и весят
В вашем сердце мои стихи?

Город спит, несказанный, полный
Хладных вод и полночных дуг.
Вас ещё так ревниво помнит
Эта линия тонких губ.

Вас ещё так нещадно жаждет
Этих рук молодая дрожь.
Только кем вы являлись раньше,
Вас нигде уже не найдёшь.

Анастасия ГАНДЗЮК

Поднимайся ко мне, в эту полную тайн высоту.
Не смотри, что сижу, свесив ноги с крутого обрыва.
Тут не страшно совсем, это словно ходить по мосту
(До прыжка за секунду дыханьем усилив порывы).

Тут всё так же тепло: солнце кожу лучом не пальнёт,
Не растопит весь лёд, что капканом у сердца томится.
Твой палач – автомат, мой – с прикладом шальной пулемёт.
Три глотка в один вздох. Раз-два-три – бесполезно молиться.

Одиночка – весна, а у нас на двоих один бог,
Одно солнце – в тебе, да останки далеких созвездий...
То не голос в ночи, то дыханье пустых синагог,
Отголоски земли, по которой ступали мы вместе.

О, избави, Господь, наши души от тягостных мук!
Наперёд расскажи, на какой из планет очутимся,
Чтобы в звёздах ловить тот исполненный радостью звук –
Отголоски земли, по которой однажды промчимся.

Расскажи мне, мой друг, про волшебные чёрные дыры,
Про планет пелену, что от страха сердца бережёт.
Ты – мечтатель, поэт, ну а мы лишь глухие транжиры.
У тебя в душе – цвет, а у нас только зависти гнёт.

Мы из разных миров. Ты и сам это понял. Но прежде
Ты бежать не спеши, а присядь у немого огня.
Я ведь тоже поэт, так же тешусь людскою надеждой.
Есть ли место в просторах земных и морских для меня?

Обошёл босиком те края, что другим не подвластны.
Ты изведаль моря, покорил не один Эверест.
Быстроногий Гермес, и душою и сердцем – прекрасен,
Ну а наш земной бог – в вечной скуке и крайне нетрезв.

Расскажи нам про свет. Наши знанья о мире ничтожны.
Чтоб понять суть вещей, чтобы вновь захотелось писать.
Задержись лишь на жизнь и поведай пропащим прохожим
Про края, что лишают ночами рассудка и сна.

Мы ведь так же хотим – ввысь свободной порхающей птицей,
 Вглубь морей вольной рыбой и так, чтоб до самого дна.
 Я могла бы так жить, но, увы, пришло время проститься.
 Пусть не знаю о жизни. Но эта жизнь, явно, не та.

Анжелика ГРИГОРЬЕВА

*Студентка Национального исследовательского университета –
 Высшая Школа Экономики*

Маме

Моё солнце,
 Всегда освещающее
 Закоулки судьбы неизведанные,

Моя радуга,
 Всегда мне являющая
 Счастье самое необыкновенное,

Мой свет,
 Легко проникающий
 В мою душу, даря сокровенное,

Мой ангел,
 Собою заслоняющий
 Все невзгоды, –
 Отдав лишь блаженное.

Родителям

Мне подарили крылья.
 Белые, чистые, лёгкие.
 Они ко мне крепко прицеплены
 Не клеём, а чем-то прочным.

Не тем, что имеет гарантию,
 Не тем, у чего срок хранения,
 А тем, что связано накрепко
 Любовью, теплом, и с рождения.

Родителям

Какое счастье – глаза в глаза.
 Какое счастье, когда навсегда
 И на мгновение представлять,
 Что жизнь могла б иною стать,
 Но ту другую отвергать.
 И не хотеть, и не мечтать,
 Ведь есть сейчас
 И будет после,
 Домой, бывает, ходят гости,
 Там крепость, там очаг семьи.
 Спасибо вам за дом, родители мои.

Когда не знаю куда идти, ты закроешь все двери в ненастья.
 И, казалось, случайно меня уведёшь помечтать и подумать.
 А после, мы битые три часа будем смеяться до слёз...

Слава Богу, от счастья.

Знаешь, это Друзья, каких не придумать.

Просто

Хорошо там, где нас ждут.
 Где с улыбкой отворят калитку,
 И гармония там, где найдут
 Наши чувства покой. Без ухмылки.

Дедушке

А знаешь, дедушка,
 Я уважаю тебя, как мужчину.
 Ты выбрал такую женщину,
 Которая не ищет причину.
 Которая просто так любит,
 Всегда, на любом расстоянии.
 Ей нипочем километры и отсутствие знаков внимания.
 Вот вы далеко, а она всё равно
 Печёт твои любимые кральки
 И говорит мне:
 «А папа твой так похож на него»,
 И улыбаются, сотни раз плакавшие, но добрые глазки.

Папе

Я сыграю тебе, папа! Воплощу я твою мечту,
Чтоб и в музыке передать то, как я тебя люблю.
Я станцую тебе, папа!
Покажу я мечту свою.
Знаю, другую делаешь ставку.
Но свою мечту не продаю.
Не хочу и не буду делать
То, что не по душе.
Ты ж хотел, чтоб была я сильной.
Получилось, пап,
Благодарна тебе,
А когда опущу вдруг руки...
То только на белый рояль,
Чтоб сыграть лишь тебе, папа.
Отчего вдруг настигла печаль?

Я поворачиваю назад.
Прикасаюсь к тебе.
Вспять
Начинают гореть мосты,
Разлетаться в ночи грачи.

Обернувшись, я слышу шум
Пешеходов.
Немой парфюм
Закупоривает моё обоняние,
которое замечает лишь твоё,
солнце, сияние.

И я знаю, убудет счастье
от такого участия,
Но не знаю и так интересно
А что, например,
Так скажем, вот, если?

Я сорву, всхлипывая, все принципы
Раны, на сердце глубоко выщербленные.
Словно на сердце бирку повесили:
«Осторожно, кусается, бесится».

Под покровом людских одеяний,
Под убитыми шаблоном глазами
Голодно душе, пусто,
Нераздельно и жутко душно.

А в итоге этого «если»
Будоражащее, как Элвис Пресли,
Не находит ни места, ни кружки
Твоё желание простодушки.

Мне никогда не станут «не нужны»
Дни, что с родными были проведены.
Ссоры и обиды – не важны,
Ведь в итоге к счастью сведены.

Лица, люди, впечатления, эмоции
Остаются в сердце очень прочно.
И всплывают иногда нарочно,
Когда хочется веселья порций.

И увы, мимолётно пролетают дни
Те, что с родными были проведены...

Екатерина ГУСЕВА*Выпускница Академии Государственной службы*

Я вообще-то не очень злопамятна
И не буду бросаться укорами.
Ведь тебе аплодировать правильно,
Ты со мной поступил очень здорово.

Ты разбил меня об пол, как зеркало.
До чего драматичное зрелище.
Мне тогда всё нутро исковеркало,
Когда сердце ты вынес на стрельбище.

Если ты так терзаешь неистово,
Значит, я заслужила страдания.
Пусть я стану такою единственной,
Дай, пожалуйста, мне обещание.

Меня лечит нелепо стакан вина.
Не хочу, чтоб молил о прощении.
Я хочу, чтобы ты пожалел сполна
О своём самом верном решении.

Так печально сидеть за накрытым столом,
И самой угощать себя ягодным чаем,
И самой же себя заливать коньяком.
Слишком редко, увы, мы теперь замечаем,

Как же больно не спать в тридесятую ночь
От того, что так пусто и холодно рядом.
Ведь сама же себе очень хочешь помочь,
Но лекарства в руках обращаются ядом.

Так обидно теперь получать смс
Незаслуженно редко и то, лишь от мамы,
В водосток людей строить мысленно лес,
Постоянно играть в недоступную даму.

И вот так ты живёшь свой не длительный век...
Средь забытых фамилий, заброшенных отчеств.
Забывая про то, что сама... человек.
Очень хочется в город, где нет одиночеств.

Иван ДМИТРИЕВ

*Студент Национального исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Где-то в горах

Концентрация грусти вокруг зрачка
Позволяет подумать, что тучи близко.
Горизонт не спасут ни размер мазка,
Ни случайный луч, преломлённый низко.

В буре нет ничего, что могло бы пугать.
Почему же тогда твои слёзы валом?
Посмотри – грому трудно до нас достать,
А гроза ещё вовсе за перевалом.

Буду кутать тебя в старомодный плащ,
Буду петь тебе песни, припомню стих.
И пока облик неба ненадлежащ,
Никуда не пушу дальше рук своих.

Обниму тебя нежно, закрыв от глаз,
Расскажу тебе сказку о нашем детстве.
Целый мир существует сейчас для нас.
Буре стоит мечтать о таком соседстве.

S.V.

Восемь. Асфальт, раскалённый днём,
Греет подошвы моих ботинок.
Восемь ноль пять. Отражаются в нём
Тонкие линии паутинок.

Вот ты выходишь. За аркой – весна.
 Пахнет черёмухой, воздух разгружен.
 Вот и улыбка. И вторит она,
 Будто тебе я ещё вроде нужен.

Тонкие руки кольцом по спине.
 Всё по-ребячьи в такие минуты.
 Только иное восходит во мне,
 И вдруг разомкнуты нежные руки.

В этих глазах восклицательный знак
 Свёрнут в крючок, я на нём подвешен.
 Вновь улыбнёшься (иначе никак:
 Шарм с ребячливостью верно смешан).

Девять ноль пять. И асфальт опять
 Греет kota и входную дверцу.
 Мне не избавить, тебе не понять
 То, что рождается в твоём сердце.

Постскриптум

S.V.

Неспешно падало солнце. Открыл тетрадь.
 Запах чернил стал объёмным, пошёл по коже.
 Мне без тебя хорошо. И не стану врать,
 Тексту без двух очевидных букв – тоже.

Здесь побережье несёт привкус соли во рту.
 Легче судить о делах, и быстрее приходят слова.
 Нет, я любил не тебя, но скорее ту,
 Что постепенно в деталях сложила моя голова.

Может, какой-нибудь ночью, в обычном сне,
 Ты возвратишься снова, к любви взывая?
 Вряд ли. Ты больше не снишься мне.
 Я закрываю тетрадь, и прощай, родная.

Воспоминание

Одиночество пришло резко, отчётливо, как простуда,
Извиваясь по шее, дошло до глаз и дальше – в мозг.
Я лежу в комнате, не понимая, откуда
Память режет больнее, чем пачка розг.

За окном октябрь переходит в зиму,
А я забываю сменить плащ на пальто,
И всё более явно завидую лишь Гольфстриму,
Потому что в любую погоду ему тепло.

Скоро листья исчезнут с улиц, как будто шорох
Помешал кому-то идти домой.
Город взвояет тоской, и в шуме моторов
Я начну забывать, как звучит голос твой.

Молчание

Сегодня сидел у берега на нашем с ней повороте,
Ждал в сотый раз, когда небо Атлант отпустит.
Жаль, но время не верит нам, говорит: «Соврёте!»
Я начинаю строчку – меня упрекают в грусти.

Она читает стихи и хвалит меня безмерно,
Но, будто назло себе, ложится с другим в кровать.
И, знаешь, теперь её обвинять неверно:
Было бы в чём, кроме этого, обвинять.

Здесь, за границей города, нет бетона.
В этом особый шарм – ни один предмет
Мне не напомнит ни плача, ни крика, ни стога.
Нет этих звуков – и будто её нет.

Ты далеко, но здесь

Сквозняк перебрался из форточки прямо в голову.
Я едва успел удержать пару фраз
И, взяв листок, повторяю «раз» –
бить на части завтра, вчера, сейчас,
«два» – раздобыть компас,
«три» – написать нули
в точке отсчёта. Ты веришь в нас?

По карте можно скатиться вниз.

Линия, что будет создана, – есть эскиз
нашей связи с тобой. Борьба с расстоянием порой
есть доказательство лучше всяких
клятв и пародий на них. А стих
есть спиритический долг, возможность обнять,
когда до тебя полдня, но билеты не взять
лишь потому, что мы и так рядом. Поймаешь взглядом
облако наших краёв, знай – от меня. Образ тоски и итогов дня.

Между нами не всё досказано, напротив,
есть о чём говорить. Многие будут против, а рассудить
не возьмётся никто. Зато
правильней будет так, как просят сердца.
Наша судьба – быть до конца
ни вместе, ни порознь, но близко так,
что тысячи метров – пустяк.

Голос, шаги, твой смех,
спрятанный ото всех, –
город хранит эту взвесь.
Ты далеко, но здесь.

Exul

Попытка любить есть желание быть любимым.
Обрыв нашей связи, точнее, моих надежд,
В последние дни становится невыносимым
И заставляет сменить колорит одежд.

Твои же глаза безразлично больного цвета.
Ты так же смеёшься, как если бы всё шутя.
Я мог бы принять иное, но только это
Не впишется в рамки нашего декабря.

Мне, видно, другим путём и к другим порогам
Сбиваться в метелях колких, срываясь в ночь.
И так же другой часами твердить о многом.
С тобой мы теперь в расчёте. Из мыслей – прочь.

Как в море солёном насквозь да без пресной воды,
как жить бесконечно южнее, ругая север,
моя сторона – побелённые наспех льды,
твоя – раскалённое лето и сочный клевер.

Твоими губами не шепчут лесные ветра,
моим разговором гудеть не мечтают горы,
твой взгляд никогда не является мне свысока,
хоть наша история томна, как долгие сборы.

Я начал тебя понимать, только что нам теперь?..
так громко летит мотылёк по твоей квартире,
три слова твоих на прощанье, прикрытая дверь,
и больше уже мы не встретимся в этом мире.

Ты хотела быть морем,
бескрайней дугой.
Я тебе непокорен
и стал бы Луной.
Я б тебя направлял,
притяженьем маня,
но всегда исчезал
по пришествии дня.
Я бы сон твой хранил,
сберегая от скал.
Штормом поднятый ил
бледным светом ласкал.
Я б в тебе различал
сотни красочных нот
и безумно скучал
с недоступных высот.
Значит, лучше остаться
в пределах Земли,
чтобы мы прикоснуться
друг к другу могли.

Забытый

Возможно, ты слишком горд, чтобы быть последним.
Но ныне твои аккорды – сигналы SOS.

И трон золотой наливается блеском медным,
И твой монолог чаще слышится не всерьёз.

Ты прежде громил легионы, играл с судьбою.
Я верил в тебя, даже если все карты – дрянь.
Ты был мной воспет и, конечно, любим толпою,
Но в шаге лежала манившая душу грань.

И в час, когда лунным светом украшен город,
Ты сделал свой выбор, забыв про завет доктрин.
И нам оставалось гадать, что за дикий голод
Заставил тебя отказаться от всех вершин.

Тебя позабыли, ведь счастье не просит битвы.
Ты связан им очень крепко, оно – твой храм.
Но знаю, склоняешься изредка для молитвы,
Чтоб ты под знамёна хоть раз возвратился к нам.

М.Р.

Ночью за городом холодней.
Месяц подвешен у кромки неба.
Он, воплощение всех огней,
Ищет свободы, как нищий хлеба.

Здесь над водою повис туман,
Спрятал дорогу и берег тёмный.
Робко взвиваясь, крадётся к нам,
Снов и видений пречудных полный.

В эти минуты твоя рука
Нежно сжимает мою, и боже,
То, что я чувствую, ни строка,
Ни сотня нот описать не сможет.

Вся моя жизнь до тебя – пустяк.
Блёклый осколок, что спрятан в парчу.
Вот и всё. Забирай за так.
Я без тебя уже не хочу.

Солнце

М.Р.

Закрывай глаза. Засыпай.
Вспомни охотничий край:
Дикое озеро, поле.
Вырвись скорей на волю.

Ты столь светла, как солнце.
Стало быть, буду тучей.
Солнцу без тучи лучше –
Ярче, добрей и звонче.

Солнце скатилось к роще,
Ночь тучу рвёт на части.
Утром всё станет проще:
Будто пригрезилось счастье.

М.Р.

Ежели дерево пустит корни –
непременно всерьёз, на самую глубину.
Тем большее ему вдруг лишаться кроны
и ствола – так и я не могу
без тебя, твоих слов, нахождения рядом,
казалось бы, что за пустяк – забыть,
только корни, лишившись всего, в агонии
утопают всё глубже, чтоб жить.

Без дождя твоего им не двинуться снова
вверх, чтоб однажды опять расцвести.
И для чуда мне хватит простого слова,
ведь сложнее забыть, чем уйти.

Вечер

М.Р.

Любовь не является к слабым,
не рвёт им сердечную жилу.
Не пью, не гуляю «по бабам»
– это ты в меня всё вложила.

Себя не жалею ни капли:
 не прав был во многом, знаю.
 Дураки не меняются? Вряд ли.
 Для тебя я всё поменяю!
 Хочешь, мы время замедлим?
 Вновь я верну тебе лето:
 прошлое, где ты счастлива,
 или хотя бы это?
 Стану во сто крат ярче,
 чтобы тебе, родная,
 лютой зимой – теплее,
 счастье – от края до края.
 Сядем с тобой на кухне,
 мама нальёт нам чаю,
 и в разговор вечерний.
 Возвращайся. Очень скучаю.

Провинциальное

М.Р.

Без любви твоей в этом городе
 стало пусто и очень пасмурно.
 Мне ничем не спастись от холода
 и молчания безучастного.

Весь наш берег покрылся инеем,
 словно гипсовой пылью фасад,
 что на острове скрыл тебя, милая,
 и никак не пускает назад.

Убегает река к зову вешнему
 и не хочет быть скована льдом.
 Так и чувства мои всё по-прежнему
 неустанным сияют огнём.

Я тебя обниму, и всё вспомнится:
 вечера и рассветы в глуши,
 тёмный берег реки и околица,
 и любовь, что томится в тиши.

М.Р.

Подошёл к обрыву. Стою.
Ветер в спину мне давит плотно.
Мне бы руку сейчас твою,
и чтоб ветер не в спину, а в окна.
Чтобы мы не в разлуке, а там,
где качает листву на деревьях,
где поля и простор кабанам,
и река где одна из первых
пробуждает тебя поутру
и прохладой по коже вьётся,
я туда уже не смогу
вдруг приехать – не доведётся,
ведь и сердце теперь твоё
на два такта спокойнее бьётся:
потому как для слова «люб-лю»
твоей нежности не найдётся.

из России с поклоном, но словно бы ниоткуда
лишь по строчке в год (хорошо, не в пять).
в моём графике: питер, дожди, простуда,
но ни слова больше про время вспать.

и ни шагу в сторону старой двери,
хоть во мне отзываешься по ночам.
мир изменчив, и значит кому-то верить –
просто так раздраживать палача.

в моей комнате стены того же цвета,
в моих мыслях отчасти всё тот же бардак,
но чего-то не стало, и знать об этом
всё равно что в пути потерять маяк.

всё равно что выйти без ног на сушу
и надеяться твёрдо на них стоять.
то, что летним теплом проникало в душу,
мне уже не найти, не узнать, не понять.

Матвей ДЯГИЛЕВ

*Выпускник Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа экономики*

Московские стансы**I**

Москва, мне с тобой по пути.
Прими же меня, бродягу!
Мне вместе с тобой пройти
По рельсам тяжёлым шагом.

Забудем о прошлом. Пусть
Ведут меня к смерти те же
Любовь и ночная грусть,
И сердце бумагу режет.

По горлу Москвы-реки
Неси меня в ночь. А будет
Тоска – на крестах тоски
Умру и воскресну в будни.

Москва, мне с тобой по пути.
Оставьте меня! Дороги,
Проспекты, мосты... Один:
Ни жертв, ни пустой тревоги.

II

Читаю свой путь под углом,
Свернув горизонт, как папирус,
И солнечный свет за стеклом
Стекает, как краска за плинтус.

Не знаю, что будет дальше...
В ночи все пути открыты,
А всё, что случилось раньше –
Как сам я, как мысль – забыто.

Зелёное платье звёзд.
 Пустое, на самом деле...
 Я строю незримый мост
 Над жизнью больших заблуждений,
 Над пепельно-синей Москвой
 Летящими в ночь глазами.
 Когда же вернусь я домой?
 Но вот я опять на вокзале...

III

Д. Ч.

Когда ты вернёшься в Москву –
 Работа ли, муж ли, друзья ли, –
 Волос золотую листву
 Рассыпь над чужими кремлями.

Наверно, здесь будет зима
 В мечтательном бое курантов,
 И снег, как ночная зола,
 Спадёт на московскую карту...

Ты будешь идти над рекой –
 И встречная вьюга напомнит
 Душе бесконечный покой,
 Как в некой забытой часовне.

И ты обернёшься во мгле,
 Почувствовав след за собою.
 ...Не будет меня на земле,
 Но я буду рядом с тобою.

Я Рождества не жду, ни спутников, ни встречающих.
 Пусть по хребтам судьбы несутся поезда,
 Пусть города ревут, – в ночи меня излечит
 Разлукой и тоской знакомая звезда.

Я не найду слова для новых откровений.
 Ни веры, ни любви – лишь бесконечный свет.
 Но будет вечер. Ночь. Грядёт её явление.
 Я подойду к окну, а там... её там нет.

Ночь и я, мы оба дышим...

А. Фет

Ночь, и я не вымолвлю ни слова.
 Только слышно – тлеет сигарета.
 Есть балкон, чтоб повторилось снова
 То, что было сказано и спето.

Я облокотился на диван
 И смотрю, как ночь проходит мимо.
 За верстой – не спящая Москва.
 Многое теперь неповторимо.

Эти строчки – роспись на судьбе,
 У которой нет предубеждений.
 Эта ночь, летящая к тебе,
 Никаких не скажет откровений.

Я курю в пустыне темноты,
 Представляя сосны над прудами –
 Там, где свет полуночной звезды
 Был сильнее зари над куполами.

Вот и всё. Никому.
 Сам с собою молчу.
 Бесконечность... во тьму
 Я, как камень, лечу.

Что случилось вчера?
 Моя память во мгле.
 Значит, сердце, пора
 Остывать и болеть.

И бежать наутёк
По разбитой версте
От осенних дорог
До любви в пустоте.

Значит, только тетрадь,
Только ручка горят,
Как ненужная страсть,
Как большой листопад.

На холодной равнине, в пустыне, нигде,
Под Звездой, озарившей пески в темноте,
Были только Иосиф, Мария и Тот,
Кто посмертною верой живущих спасёт.

Возмужав, Он собрал человеческий род.
Он молился Звезде и предрёк наперёд,
Что, на гору ступив, Он уйдёт никуда,
Возносясь в небеса от мучений креста.

Но на той, на горе, оглядев города
Всей земли, Он сиял, как ночная Звезда, —
Человек, что ходил по земле, по воде
И теперь существует, как время: везде.

По встревоженным дорогам,
К зову мысли непричастный,
Прихожу к тебе, но робко,
Неумело и бесстрастно.

Посмотри спокойным взглядом,
Обведи волнистым взором...
В эту лёгкую прохладу
Мы — в осенних разговорах.

Расскажи о том, что было,
Что волнует и тревожит...
В месяц хмурый и постылый
Ты на майский день похожа.

Всё – огни и переулки
Этой ранней лунной ночью...
Любишь тихие прогулки
И в кафе зайти не хочешь.

Милый друг, мы не в ответе
За движения и мысли.
Всё прекрасное на свете
Одержимо вечной жизнью.

И, дыханием оваян,
По осеннему закону
Всё охотней и живее
Клён отбрасывает крону.

Всем живущим – лишь мгновенье!
Этой правды не нарушив,
Всё проворней и большее
Я отбрасываю душу.

Осыпаясь белым цветом,
Я хочу в последней песне,
Всякой радостью согретый,
Раствориться в неизвестность,

Где берёзовые плечи
В снежной буре не увидишь...
Я приду в ненастный вечер
И – ты выйдешь. (Мне – навстречу?)

Кажется...

Откуда я? Зачем сюда пришёл?
Сокрылся день и спрятались метели.
Быть может, мне совсем нехорошо,
И болен я нелепо и смертельно.

Придёт весна и, словно наяву,
Под солнцем дня растают эти крыши.
Но если я приду и позову,
Мне кажется, ты даже не услышишь.

Заживём, дорогая,
Как закат и восход,
Темноту дополняя
Беспокойством широт,
Чтобы в ночь расстояний
Зажигались огни,
Измеряя меж нами
Бесконечные дни.

Больше нет заблуждений,
Ни любви, ни тревог.
Только серые тени
Над распутием дорог.
Это время заходит
За земную версту
И две жизни разводит
И несёт – в пустоту.

Заживём, дорогая,
Точно звёзды в ночи,
На поля опуская
Свет надёжней свечи,
Друг на друга не глядя,
Освещая во мгле
Серебристые пряди
Рек на тихой земле.

Надеюсь, что ты счастлива теперь,
Осенней ночью цвета янтаря.
Надеюсь, что я вспомню о тебе,
Спустя года, в пустыне сентября,

Где ты пройдёшь по старому мосту
Под шорох уплывающих трамваев.
Надеюсь, что я вновь увижу ту,
Что я любил, люблю, но забываю.

...А я, мой друг, безвременно остыл.
Без жалости взгляни в мои глаза.

Я отпускаю сигаретный дым
В обкуранные веком небеса.

Дарья ЕВТЮХИНА

*Студентка Санкт-Петербургского национального
исследовательского Университета информационных
технологий, механики и оптики*

Про труд, пруд и рыбака

Сколько блинов не пеки – всё комом,
Мысли – пеплом, призрачным и седым.
То, что я называю домом –
Быть один на один с Одним.

Всё, за что ни возьмись – пустое.
Без желаемых «нет» и «да».
Сколько смысл бы мой не стоил –
Всё равно не скопить труда.

Сколько б пруд бытия ни наполнился –
Не клюёт или сорвалось.
Жизнь – не монохромные полосы,
Не зависимость от полос.

И тебе, рыбаку-философу,
Толки нечего здесь удить.
Раздевайся, сними вопросы все
И иди по воде, иди...

Вот тебе – раз, моя девочка, вот тебе – два...
И дело не в людях, дело не в городах.
Сколько ты не беги – от себя не сбежишь.
Ни с гончими псами, ни с парой быстрых лыж.

Где б ни была ты – это всё ты и есть.
Звонкая сталь, а плоть – листовая жесть.

Стало быть, надо любить себя, надо несть,
Как благодарность, как широченный жест.

Как в награду за труд обретенный труд,
То, что ценнее самых полезных руд.
Как проводник, как многоголосая связь
Без перерывов: кончилась-началась.

Круглые сутки только в формате «оп»
Вне тебя и в тебе без краёв и дон.
Без различимых граней или сторон
Вязкой кипучей жижею, как гудрон.

Вся твоя суть – реальностный реквизит,
Словно очки для дали или близи.
Каждая мысль, каждый несмелый шаг
Будто попытка верно поставить шах.

Всё – это ты! Шагай – уготован путь!
Пой же, танцуй, стучи кулаками в грудь,
Живче гони по венам густую ртуть!
Будь моя девочка, пожалуйста, очень будь!

Нагота

Не идётся, не ложится,
Не читается с листа.
Выход – только обнажиться.
Нагота всегда чиста.

Ты – сосуд природно-полый.
До краёв – любовь-вода.
Не страшись остаться голым,
Не теряйся от стыда.

Сбросив прикрываться жажду
В широте и долготе,
Мы откроемся однажды
Совершенной наготы.

Совершенному порядку,
Совершенному пути.

Поделив всё без остатка,
 По счетам всем заплатив,
 Обнулив ненужность связей,
 Отработав все долги,
 Мы отмоемся от грязи
 И останемся наги.

Всё, что было на вырост, стало совсем узко.
 И меня теперь много и в глубину, и в толщу.
 Пальцы чертят круги по часам у сверлящих висков,
 Потому что боль служит без пауз и денно и ночью.

Боль – побочный эффект и предвестник лихих перемен,
 Как критерий духовного и неотложного роста.
 И я выдержу, вытерплю, выстою, словно кремль,
 Мой успех всё увидит, и будет по праву мне воздан.

Я смогу устоять, что даётся нам, то – лимит
 Допустимо возможный, строго – ни больше, ни меньше.
 Но когда до оскомины, до онемения болит,
 Я живею всех живых, и значительнее, и весче.

Дуальность

В кофе долить молоко.
 Водой разбавлять – чай.
 Крайностями влеком,
 Синтез вершишь начал.

Жажда быть тем и тем,
 Пробой измерить всё.
 Став переменной систем,
 Под знаменатель внесён.

Минус ты или плюс –
 Воля без края воль.

Ограничения груз –
 Выйти конечным, в ноль,

Целостным и другим.
Мера. Гармония. Грань.
Двойственность покорив,
Стать на границе – рай.

Ты не конечен. Знай,
Зреет кипучий сплав,
Пропорциональность свай
Жаром своим поправ.

Крайностями влеком,
Ноль обречён не быть.
В кофе долить молоко.
Греть, а потом студить.

Споря с самим собой,
Ты признаёшь контраст.
Дуальность – одно из свойств,
Природная сущность и страсть.

Вселенная человека

Есть люди, что мощнее всяких звёзд
Нутром своим притягивают толпы.
И им комет пушистый сизый хвост
Заменят человеческие стопы.

В их головах кладовницы идей –
Галактики без шири и без выси!
Искра горит в груди таких людей,
Которую Создатель чудом высек!

Искра таланта их самих ведёт
Путями жизни – млечными путями,
Сатурновым кольцом скрепляя свод
Возможностей надеждами-сетями.

Фантазий их неведомых миры
Понять, постичь едва ли кто сумеет,
И чудом тайны чёрные дыры
От них загадкой бархатною веет.

Таких людей немало, и они,
Собравшись миллионами созвездий,
Сверкают ярче, чем сиять могли
Серебряным отливом с блеском меди.

Но что талант? Откуда он идёт?
И как с душой он попадает в тело?
Кто нить судьбы насмешливо прядёт,
Давая шанс быть вне чужих пределов?

А там, на небе наш Всевышний Вождь
Талант тебе выписывает в чеке,
Который ты при жизни обретёшь,
Открыв весь мир Вселенной в человеке!

Ева

Перекатом от края к краю,
Сверху вниз, или с бока на бок,
Я иду из домашнего рая
По дорогам надкусанных яблок,

По ступеням желания пробы,
Чувства долга и чувства риска.
Я кусками глотаю опыт,
Оставляя одни огрызки.

И остра, как ребро тугое.
Плоть — от плоти и кость — от кости.
Обречённая быть изгоем,
Вечным странником, вечным гостем.

Но вкусившая стыд и счастье
Быть творцом, стать из кости кистью,
Быть божественной, быть причастной
К волшебству детородных истин.

И нося под ребром живое,
И нося в голове идею,
Я справляю святую волю,
Воплощённую в женском теле.

Марина ЕВТЮХИНА

*Выпускница Московского государственного историко-
архивного института*

Вросшее в палец
вросшее в память
кольцо на твоей руке.

Сгущение мысли. Тромб в памяти. Амнезия.

Светает.
Опять та же ворона на том же дереве.

Дом напротив моего окна
перечёркнут ветками деревьев
как неудавшийся текст.

Память стала со временем дальнозоркой как зрение.

От перемен погоды крыжовник стал слаще винограда.
От перемен в жизни сводит скулы.

Мы с дочкой излишне строги друг к другу.
Вместе нам всегда тесно.
Она даже родилась на три недели раньше срока.

Нравится носить одежду из ткани в горошек.
Нравится огорошивать.

Как собака в стойке застываю перед явлением стиха.

Екатерина ЗАРХ

Художник

окно опять покажет осень,
отступит прочь красота речи.
железа и огня попросит
ноябрь-вечер.

глаза мои
становятся твоим взглядом,
когда летит хохоча
тополей запоздалое лето.

медяки собирая с ветвей,
идёт прохлады
белая.
открываю окно,
принимая участие в этом.

окно опять покажет осень,
отступит прочь красота речи.
железа и огня попросит
ноябрь-вечер.

глаза мои
становятся твоим взглядом,
когда летит хохоча
тополей запоздалое лето.

медяки собирая с ветвей,
идёт прохлады
белая.
открываю окно,
принимая участие в этом.

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Как спят ночные города –
На лужах капельки бензина,
Им так легко невыносимо,
Что не подумать никогда.
На окнах шторы: в темноте
Как будто дышится иначе...
И каждый шорох что-то значит,
И знаки видятся везде.
Как спят ночные города?
Надвинув треуголки лета,
Тревожат путников-поэтов,
Их манят вечно. Но куда?
Как спит холодная вода
С рассветным самым первым блеском...
Наивно, будто бы по-детски,
С лукавой складочкой у рта.
Как спят летящие мосты –
И не боятся окунуться
Ни в отраженье этих улиц,
Ни в отзвук синей темноты.
Как спят ночные города?
Коленки подтянув соборов,
Дыша ветрами родом с моря...
И смотрят сказки про себя.

В первом абзаце какой-то старинной повести,
Где герой пропал без вести, новости
Неутешительны во всех отношениях,
Сокрушительны, как перелом со смещением.
Дама, закрыв лицо руками, роняет

Письмо, бледнеет. И никакая
 Из сил уже не может привести её
 В состояние равновесия.
 Она за время безвестия
 Была уже почти готова к новости,
 Которая обрушилась в первом абзаце повести
 На плечи ей. Ведь герой пропал без вести.
 Где-то на юге, возле той крепости...
 Вы о ней слышали... Что-то восточное.
 Новости сыплются как многоточия,
 Но для кого-то они как точка,
 Как выстрел,
 Японская капля,
 Последняя. За каждой строчкой
 Такого послания –
 Немое прощание.
 И чей-то вскрик.

Снится, будто я могу тебе написать.
 Абонент доступен, полёт нормальный.
 На одно мгновение лишь присядь,
 Поболтай со мной не о страшных тайнах –
 О котах, о мальчиках, обо всём,
 Что всегда любила и так же любишь...
 Посиди немножко со мной вдвоём
 Здесь, среди живых, не сносивших рубищ,
 Не узнавших, как это – умирать,
 Когда тебе двадцать и ты, влюблённый,
 Обречён на капельницы, кровать,
 И вовеки каменные только клёны.

Наталья ЗУБАРЕВА-ХРАМОВА

Выпускница Университета Технологии и Дизайна

Памяти Галины Гампер

Не знаю, что Вас мучило сильнее
болезни сами иль вопрос – за что
Господь послал Вам этот тяжкий крест?
Вам дорого давалась сила духа,
тем поразительней, что Вам хватало
сердечной шири согреть столь многих...
Вот и меня, пугливо жмущуюся
в ряду последнем – даже и меня –
Вы замечали!
Вы принимали и во мне участие!

Не может быть, что Вас на свете нет!

Давно пора на кладбище к Вам съездить,
а мне в Ваш Павловск не собраться...
Решилась всё-таки.
И с ходу мне чудесный вид открылся
на маленькую, как игрушка, крепость,
и более – по берегу Славянки
я тропкой незнакомой шла, не труся,
раздумчиво шурша листвою опавшей
и подбирая то, что приглянулось.

Для Вас – при Вашем чувстве красоты
Вы радовались бы, Вы откликались
всегда – цветущей ли сирени буйству,
осеннему ль великолепию клёнов...

Через горбатый мостик, по аллее
к могилке Вашей я попала точно,
как по прямой наводке, без плутаний.

И с тою же уверенностью – к церкви,
где отпевали Вас...
Нет, я не плакала, когда Вас хоронили,
какой там плач, одно оцепененье

перед раскрытой бездною...

А тут, едва

затешила свечу перед распятым,

тут слёзы полились неудержимо.

О, до чего тонка перегородка

между мирами!

Присущим Вам теплом повеяло

так явственно!

Как на земле, так там теперь Вы любите

и нынче – меня, сиротствующую, Вы всё

не покидаете!

Я позвоню сейчас подруге Вашей,

той, что для Вас была родней сестры,

той, что заботилась о Вас, с кем вместе

переживали Вы печаль и радость.

Всё расскажу, но передать смогу ли,

как подтвердилось мне, что вот –

бессмертны души.

День тишины

У меня сегодня свободный день.

Я могла бы сходить в церковь;

я могла бы поднапрячься и твёрдой рукой

организовать семейство, или друзей, или всех вместе,

на посиделки или какой-нибудь культпоход;

могла бы и просто заняться стиркой-уборкой-готовкой,

мало ли у женщины дел в доме.

Но у меня сегодня не просто свободный день,

у меня сегодня день тишины.

Я прохожу берегом Дудергофского канала,

по парку, ни о чём не хлопочу, ни о чём не забочусь.

Не выискиваю листочков земляники,

не ломаю веточек для своего милого зверюшки,

который живёт у меня дома в клетке.

Иду мимо весёлых компанейских пикничков на обочине,

аккуратно иду, никого не задеваю,
не посылаю улыбок трогательной пожилой паре,
я даже мячика не подымаю пробегающему малышу.
Я сегодня смотрю только для того, чтобы всё это увидеть.
Я сегодня слушаю шелест листьев и щебет пеночки
единственно для того, чтобы это услышать.
И я ловлю аромат поздно расцветшей сирени
лишь для того, чтоб его не упустить.

И дальше, уже у самого устья канала,
где кучами громоздятся большущие камни,
я и устраиваюсь на одном таком.
Вокруг народ скачет разный с деловым видом,
а я на своём валуне спокойно сажу.
Смотрю на голубую гладь залива
и на белые паруса на горизонте,
слушаю плеск волн и шум с соседней стройплощадки.
Да, я ещё и вдыхаю ни с чем несравнимое
благоухание шиповника, цветущего
неподалёку от меня, на откосе.
Я не дёргаюсь, ни о чём не тревожусь.
Сосредоточенно сажу, тихо-тихо,
с сердцем, внимательно раскрытым.
Быть может, сегодня я смогу
ощутить везде присутствие Бога.

Юрий ИВЛЕВ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Морского Технического Университета*

Мореплаватель

В осенний день вдруг выглянуло солнце,
И засветились кроны старых клёнов
В прибрежных парках. Всё было готово
К отплытию в неведомые дали.

Суэта, погрузка запасного
комплекта парусов и карт, и провианта –
Всё позади. Благодаренье Богу,
Я плыву! И быстро исчезал
Из глаз тот благодатный берег,
Откуда путь свой начинал далёкий.

Проходят годы, и давно исчез
Родной тот берег. Нет туда возврата.

Вставали из-за горизонта мне навстречу
другие берега, и я ложился в дрейф,
И вглядывался в очертанья незнакомых
Мысов и бухт, и гаваней укрытых.

Я оставался там, и проходили годы
В сотрудничестве дружеском. Казалось,
Что можно там остаться навсегда

И не ходить гулять на побережье,
А заниматься лучше огородом,
Выращивать на радость всем друзьям
Хорошую морковку и цветы.

Но иногда я выходил на побережье
И всматривался в даль, и думал
Что было нечто важное, зачем
Я вышел в море, и теперь
Быстротекущее растрачиваю время
В уютной гавани, а цель ещё далёко.

Друзья жалели, звали оставаться
И не морочить голову.

Но наступало утро,
Рябь на воде мне обещала ветер,
И паруса ползли наверх вдоль мачты,
И правил я на выход из уютной
И ставшей мне такой знакомой бухты.
А впереди вновь открывалось море,
И где-то там, за дальними мысами,
За неохватным этим горизонтом
Опять вставала незнакомая земля.

Я находил извилистый фарватер,
Ведущий к гавани, и вот уж якорь отдан...

Все это повторялось не однажды.
Я побывал на разных берегах,
И мой неяркий и несмелый след,
Быть может, где-то там ещё остался...

Я всё ещё плыву, хоть износились
Порядком паруса и все в заплатах.
Верёвки постоянно рвутся, и держать
Становится труднее круто к ветру.
В обшивке где-то течь, и в трюме
Плескается вода, не успеваю
Откачивать. Уже на горизонте
Неясно проступают очертанья
Таинственной неведомой земли,
Которая не обозначена на карте,
Где плавание мне предстоит закончить,
И с кораблем своим торжественно проститься.
А там увидим...

Весенним днём иду я по аллее.
Остатки льда и снега под ногами,
И ветви голые дубов над головой.
(Им не пришла ещё пора проснуться.)
А вот и дом. Меня всегда здесь ждали.
Своим ключом я открываю дверь,
Но тихо всё, никто ко мне навстречу
С приветом не спешит. Лишь на окне
Листок цветка чуть дрогнул.
Никого, а впрочем, всё как было:
И стол рабочий с лампою настольной,
И шкаф, и книги, и цветы
На подоконнике... Куда же занесло
Меня во времени? В какие дебри?
В том давнем времени я и не думал

В такую даль заглядывать. Зато
Я знал тогда места, где можно было
Побыть не торопясь, чтобы подумать
О том, что делал, и о том, что нужно,
А то и просто посмотреть бездумно,
Как угасает день, и как трепещут листья,
К которым прикоснулся бриз вечерний.
Теперь тропа перегорожена забором,
поблизости прошла дорога, по которой,
Машин ревушие стада несутся.
В двух непохожих временах теперь живу я:
В одном – аптека, магазин и телевизор,
Где много танцев и развесистой рекламы,
И дюжина солидных мужиков,
Не слушая друг друга, горланят
По поводу международных новостей.
Но иногда судьба мне позволяет
От суеты на время отключиться.
Тогда я прихожу в ту самую аллею,
И захожу в давно знакомый дом,
И достаю заветный ключ от двери
В другое время.
Что же так привязан
Я к тем, всё дальше уходящим временам,
Что не могу никак расстаться с ними?
Наверно, коренится причина в людях,
Безупречно друг другу преданных,
С которыми судьба меня свела,
И поместила между тех двух третьим.
Я жил, словно в магнитном поле,
В сильнейшем поле преданности
Бесконечной и доброты. Но в детстве
Не понимал и думал, что обычно
Так все живут, и лишь потом с годами
Стал чувствовать всю необычность
Этого. А время проносилось,
И вот угас один из полюсов магнита.
Другой ещё немного продержался,

Но с неизбежностью последовал за первым.
 Так всё и кончилось, казалось бы, на этом.
 Но видимо столь сильно было
 Воздействие, что в доме сохранился
 Заряд и преданности той и доброты,
 И времени прошедшего, столь ясный
 Остался след, что, открывая дверь,
 Невольно ожидаешь.... И переносишься
 В иное время.

Ольга ИГНАТЬЕВА

Выпускница Политехнического университета Петра Великого

И быть мне Текстом,
 Выколотой над правой грудью Вечности татуировкой.
 Она прячет меня под одеждой,
 Безуспешно пытаюсь меня свести
 Со своей нежной бархатной кожи.
 Только ничего не поможет:
 Я – вечен, как угрызения совести.

В холода всё становится намного проще
 Потому, что
 Уже не нужно
 Бороться с неизбежным.
 Небрежно
 Наброшена скатерть на хлипкий столик,
 По глиняным плошкам
 Разлит фасолевый суп.
 Последний луч солнца
 Распался на семь долек,
 Упав на полоску
 Сжатых иссушенных губ.

А нужные слова часто приходят
 Последними слезами оловянными,
 Всхлипами медными
 С обречённостью очередного подследственного.
 В некоторой степени посредственные,
 Когда-то необходимые.
 Ни воспользоваться ими,
 Ни прогнать за порог.

Не доросли.
 В глубине души – всё те же недоросли,
 Невзрачные сорняки на маковом поле,
 С рождения немые после
 Очередной эпидемии снобизма.
 И это не мы, а ветер отвечает
 Пьющему Росу
 Вприкуску с иван-чаем.

Просто нас всегда учили таинственно молчать
 И многозначительно улыбаться.
 Теперь на каждом невидимая печать
 И нам некуда деться
 От облепивших подкорку догм.
 Мы безапелляционно уверены в том,
 что мир обезличен попыткой познания.

Идёт дождь. Идёт третий день
 С короткими перерывами на ночлег
 В опустевших патио.
 А нам всё равно.
 Мы живём
 В просторном двухэтажном доме
 С балконом и садом.
 Зимой к нам не заползают крабы,
 А на День Благодарения

Не прилетают ангелы,
Эти старые люди с большими крыльями
И затынутыми патиной глазами.

Великий герой.
Его вечное право
Найти и убить Врага.
Ему поможет
Хмельная бравада,
Если не дрогнет рука.
Ему заплатят
Звонкой монетой
И славою на века.
Но нет покоя.
Покоя нету
И ноша – уже не легка.

Нить Ариадны гниёт на глазах.
Это, наверно, не тот клубок.
Кто подменил его – был неправ,
Но у него есть свой резон.
Время листает Книгу Эпох.
Вот, с Минотавром столкнулся Тесей,
Чтоб Ариадна с кровавым тавром
Стала надеждой планеты всей.

Он был моей Тенью,
Пристёгнутой к спине аппликацией
Из дублёной кожи.
Мне не было дело до его мнения.
Я ему не доверял.
Впрочем, себе – тоже.
Наши пути разошлись осенью.
Я выкинул его за порог.
Часы на ратуше пробили восемь.

Южный ветер дул на восток.
 Он вернулся через год.
 В полночь на Рождество.
 Богат как Крёз,
 Самодоволен как кот,
 Благодушно признавая
 Наше родство.
 Я стал его Тенью,
 Пристёгнутой к спине аппликацией
 Из дублёной кожи.
 Ему не было дела до моего мнения.
 Он мне не доверял.
 Впрочем, себе – тоже.

Я сегодня не с Вами. –
 На то не найду причин.
 Я играю словами –
 В отсутствии лучших игрушек.
 Я б нашёл, что сказать.
 Только ветер шепнул: «Молчи.
 Ведь тебя не поймут.
 Да и честно: кому это нужно?»

Олег ИЛЬИН

*Выпускник исторического факультета
 Санкт-Петербургского Государственного университета*

Крупиной Любе

Под конец ноября в Петербург возвратилась метель.
 Как всегда непонятно зачем, непонятно откуда.
 Ведь, недавно ещё так пленительно таял апрель,
 И весны триумфальной цвело сумасшедшее чудо.

Я звонил тебе летом, я помню – в полуденный зной.
Я сказал, что убит был вчера на каких-то там съёмках.
Наша жизнь, как любовь по сюжету немого кино –
Шевеление губ, лёгкий дым, фортепьяно в потёмках.

А потом в нежных снах неожиданно входит Любовь.
Чтобы вспать обратить непослушного времени ленту.
Чтоб из прошлого счастье опять подарить мне и вновь
Мне напомнить о розовых снах и конвертах.

Алексю Королёву

Детонируя дантовым адом,
Помолюсь о семи жерновах.
Перманентно мудреющим Гадом
Буду греться на новых камнях.

Лицезря пресвятую Софию
Сквозь прозрачный эоновый дождь,
Я войду в бесконечность стихии,
Как валькирий невидимый вождь.

Вечноженственна, невыразима,
О, Любви Мировая Душа!
Ты дыханием вечным хранима,
Наполняешь наш мир не спеша.

Евгений КАЗАРЦЕВ

Профессор НИУ-ВШЭ

Верлибры

1.

Зачем ты снова идёшь скитаться?
Брось, не в твои же годы
Болтаться где-то по пыльным дорогам,
Питаться водой из колодцев.

Не уходи хоть сегодня, останься.
 Не выходи из дома –
 Обещали осадки к ночи. Зачем же
 Мокнуть? Поедешь завтра
 Прямо с рассветом.
 Утро рассудит
 Нас.

2.

Берлин! Бери меня снова!
 Вводи в свой воскреснувший мир
 Со множеством площадей,
 Чинных домов вдоль штрассе,
 В свою меру честности,
 В свою долю скромности,
 Вежливой буржуазности.
 Я не к святой обители
 Иду молить о прощении.
 Я лишь ищу утешения
 В человеческом море. И мне
 Все больше и больше нравятся
 Твои кабачки и бары,
 Твои бутики и лавки...
 Улыбки твоих продавцов.
 Не в них ли сама любезность?
 Не в них ли твоя гуманность?
 Любовь к человеку без святости
 Мне как-то милее варварства,
 Верующего в святош.

3.

Новый Амстердам!* Где ты теперь?
 Твой огромный остров,
 Вытянут так, что взглядом не охватить.
 Нить побережья

* Новый Амстердам – первоначальное название Нью-Йорка.

Ожерельем огней резко взметнулась ввысь,
 Поднимая к небу рваный профиль,
 Горной цепи под стать.
 Скалы, в которых гнездились
 Птенцы разных сословий и рас.
 Шевелили губами, скрипели перьями,
 Стучали на «ундервудах»,
 Порождая волны культуры,
 Наполнявшие розовый смок
 Над Гудзоном.

4.

Поезда на вокзале,
 «Красные стрелы» памяти
 Носильщики, дворники, снег,
 Клинопись птичьих следов,
 Колонны собора, поцелуй,
 Оттепель, ржавый ручей,
 Велосипеды, перелетающие
 По горбатым мостам;
 Солнце, нежелающее
 Склониться к горизонту;
 Светонепроницаемые дворы,
 Ленинградская осень,
 Лебеди в Летнем саду,
 Святой Исаакий и Спас на Крови,
 Стоящий по грудь в лесах, –
 Всё это «имущество» прошлого
 Следует за тобой повсюду,
 Из страны в страну,
 Пересекает океан,
 Поднимается в горы,
 Тянет назад
 И подталкивает вперёд.

5.

С птичьего полёта этот город
С чуждым названием
Выглядит сказочным и
Не родным. Как он встретит тебя
Через четверть часа?
Изменения в его облике или
Приметы прошлого
Уже не повлияют так сильно,
Как это бывало раньше,
Ведь ты ко всему привык.
Приучился подолгу отсутствовать,
Быть гостем в собственном доме,
Говорить на родном наречии
Медленно. Как бы вспоминая слова.
Меняя положение в пространстве,
Надеешься обмануть время.
Но тщетно. Вокруг
Всё меняется быстрее нас.

Только погода здесь, как всегда,
Серенькая. Идёт дождь.
Желтеют деревья, трава.
Пенится залив. Дыхание осени
Как всегда рано
Коснулось этих мест.
Тебе ведь это знакомо?
Вот характерный удар –
Выпустили шасси.
И сердце, замирая,
Ждёт завершения
Посадки.

Евгений КАПУСТИН

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Морского Технического университета.*

*Редактор-составитель международного сборника
современной духовной поэзии «Отзвуки небес»*

Маленький романс

Л.Н.

Что было – не прошло,
Что будет – не пройдёт,
Ни завтра, ни вчера...
И вот:

Меж нами две луны,
Две тихие звезды...
И где-то здесь – твои
Следы.

И наших общих снов
Незримая струна;
И в каждом вдохе – ты
Одна!

Сизиф

Я видел Сизифа. Он сам себя проклял добром.
Его перспективы туманны, труды безнадёжны;
И вечный вопрос: «Сколько платят ему серебром?»
Потомки не верят: «Бесплатно оно невозможно!»

Сизиф – это тот, кто вступить за правду готов.
Он – добрый сосед, убиравший чужие отбросы.
Сизиф на морозе покормит голодных котов;
Сизиф улыбается вслед задающим вопросы.

Сизиф не поймёт, отчего появляется грязь.
Сизиф каждый день проклиная последнюю старость.
Всё против него – и погода, и люди, и власть...
Он делал немало, а нам ещё больше досталось.

Coliseum

Coliseum¹. Ave Caesar!²

Под свинцовым небом – эхо.

Голоса времён притихли,

Им сегодня не до смеха.

По кирпичику – минуты,

И по камешку – секунды...

Рубикон веками пройден

Сквозь седых развалин груды.

Homo³... Via dolorosa⁴...

Lupus est⁵... Memento mori⁶...

От исхода до завета

Сам себя увидит вскоре.

Vox clamantis in deserto⁷ –

Эхо под свинцовым небом.

Все эпохи жаждут чуда,

Сыты зрелищем и хлебом.

Одиночка. Тот, кто видит.

Тот, кто верит. Молча верит.

Ожидает. Tempus fugit⁸.

Для него открыты двери.

Qui dest veritas?⁹ Te Deum¹⁰!

На земле, дождём укрытой,

Ярче зелень прорастает

Сквозь былых империй плиты!

1 Coliseum (Colosseum) – Колизей.

2 «Ave, Caesar, morituri te salutant!» – «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!», приветствие гладиаторов, выходящих на арену.

3 Homo – Человек.

4 Via Dolorosa – «Путь Скорби», крестный путь Иисуса Христа.

5 Homo homini lupus est – Человек человеку — волк.

6 Memento mori – Помни, что [придётся] умирать, помни о смерти.

7 Vox clamantis in deserto – Глас вопиющего в пустыне.

8 Tempus fugit – время бежит, время летит.

9 Qui dest veritas? – Что есть истина?

10 Te Deum laudamus! – «Тебе Бога хвалим», христианский гимн.

Бойцу спецназа

Русским добровольцам в Югославии

В лесной войне, где не было неправых,
Ты знаешь, пахнет кровью место встречи.
Ты сочиняешь, как Шахерзада,
Сто тысяч фантастических диверсий.
Ища следы врага по горным склонам,
Ты, как шайтан, неумолим и точен.
Ты от бедра кладёшь две пули в душу.
Спецназ, ты снова в роли Азраила,
Десантом на земле по воле Неба.
Душа твоя не ведает покоя.
Дрожит свинцовой тяжестью во взоре
Прицельная молитва высшей меры.

Указ царя зверей

(басня)

В зверином царстве как-то раз
Правитель-лев издал указ:
«Зверей, нарушивших закон,
Ко мне вести со всех сторон!
Их всех я должен укусить;
Кто будет жив – тех отпустить».
И вот со всех концов земли,
К царю виновных повели.
А среди них попался ёж...
Повсюду вопли, рёв, галдёж!
И лев уже совсем не рад
Кусать виновных всех подряд.
Но все кричат: «Ты царь у нас,
Ты должен выполнить указ!»

И лев, бледнея и дрожа,
Несмело укусил ежа.
Кому больше – не скажу:
Царю зверей или ежу...

— — —

Мораль сей басни такова:
 Всегда цени свои слова,
 И, чтобы после не страдать,
 Старайся всё предугадать!
 Но, даже зная цену слов,
 К любым сюрпризам будь готов!

Легенда об астрономе и небесном белом городе

I

В той стране, где небо ясно,
 В той стране, где небо чисто,
 В тихой области холмистой
 Жил учёный увлечённый,
 Астрономии любитель,
 Свято преданный науке.

Двадцать долгих лет работал,
 Двадцать лет все деньги тратил
 На постройку телескопа
 И на книги о Вселенной,
 Чтобы перед ним открылись
 Все секреты мироздания
 И загадки небосвода.

Покупал большие стёкла,
 Зеркала и пентапризмы,
 Закупал по спецзаказу
 В разных странах за границей.
 Сам вытачивал он линзы
 Шлифовальным инструментом,
 А потом полировал их
 Мягкой тряпочкой вручную.

Двадцать лет он так старался,
 Двадцать лет здоровье гробил,
 Голодал, ходил в обносках,
 Тратил деньги, тратил силы
 На постройку телескопа –

Уникального устройства,
 Небывалого по мощи,
 Чья оптическая сила
 Позволяет вмиг проникнуть
 В самый дальний скрытый космос,
 За края иных галактик,
 Чтобы перед ним открылись
 Все секреты мироздания
 И загадки всей Вселенной!

II

Астроном однажды ночью
 Вёл научную работу.
 Телескоп он свой направил
 На Туманность Андромеды...
 Он глазам своим не верил:
 Там небесный белый город
 Перед ним открылся ясно!

Астроном сказал: «Спокойно!»
 Отвернулся, отдышался,
 Все параметры проверил,
 Окуляр платочком вытер,
 И опять глаза направил
 На Туманность Андромеды.

Так и есть: небесный город
 Между звёздами открылся!
 Симметричной планировкой
 Поразил воображенье!
 Нет, не может быть случайность!
 Нет, не звёздное скопление,
 Не природные объекты
 В той галактике далёкой!
 Из прямых и чётких линий,
 Из квадратов, перекрёстков,
 Из районов и кварталов
 Состоит гигантский город,

Между звёздами парящий.
Это чудо неземное!

Астроном разволновался –
Так собою он гордился!
Никогда таких открытий
В новом веке не видали!

III

Астроном сидел неделю
В душном пыльном кабинете:
Описал небесный город,
Приложил он фотоснимки,
И добавил все рисунки,
Перекрёстки и кварталы
Аккуратно он измерил,
И теорию построил
Об иной разумной жизни.
Разослал потом он письма,
Бандероли он отправил
В пять научных институтов,
В двадцать пять обсерваторий
Разных стран и континентов.
Долго ждал потом ответа.
Волновался как мальчишка,
Ведь собою он гордился!
Никогда таких открытий
В новом веке не видали!

IV

А однажды тихой ночью
В дверь негромко постучали.
Астроном не ждал подвоха,
И открыл спокойно двери,
И впустил гостей незваных.
Три серьёзных неприметных
Невысоких человека

Предъявили документы.
 Побледнел старик учёный,
 И за сердце вдруг схватился:
 Эти трое – офицеры,
 И собою представляют
 Государственную службу,
 Ту, которой все боятся.

Офицеры обыскали
 Кабинеты, спальню, кухню;
 Все столы, шкафы и полки –
 Всё вокруг перевернули!
 Все бумаги, все записки,
 Все рисунки, планы, схемы,
 Всё, что есть – конфисковали.

Напоследок к телескопу,
 К превосходному прибору,
 Подошли они спокойно,
 Аккуратно осмотрели,
 Начертили, рассчитали –
 И на корпус прикрепили
 Три тротильовые шашки;
 Прикрутили детонатор,
 Размотали шнур подальше –
 И взорвали беспощадно
 Телескоп тот уникальный!

V

Астроном страдал и плакал,
 Пил вино, лежал в больнице...
 Но потом собрался с духом
 И сказал себе: «Ну ладно!
 Всё же, главное – я видел
 Тот небесный белый город,
 Между звёздами парящий,
 Это чудо неземное
 Я вовеки не забуду!»

Ну а нынче тот учёный
 Снова деньги экономит,
 Снова сильно голодает,
 Одевается в обноски –
 Но вытачивает линзы;
 Вновь надеется увидеть
 Тот небесный белый город,
 Между звёздами парящий!
 Но себе он обещает
 Быть сегодня осторожным
 И хранить секреты свято.
 Никому уж не расскажет,
 Что в пространстве он увидел,
 Что на небе вдруг открылось,
 Если люди не готовы...

Восточное предание. Царская щедрость

I

Шёл бедняк своей дорогой
 Вдоль ограды городской;
 Всеми брошенный, убогий,
 Весь раздавленный тоской...

Солнце двигалось к закату,
 Освещая царский сад.
 Урожай сейчас богатый,
 На ветвях плоды висят.

Разрослись деревья летом,
 Но ограда высока.
 Много яблок разноцветных;
 Не достанет их рука...

Голод мучает нещадно;
 Царский сад зовёт на пир.
 За решёткой – вот досадно –
 Сливы, финики, инжир...

Взял бедняк с дороги камень,
 В крону дерева метнул;

Два плода к ногам упали, —
Он поел, передохнул...

II

В том саду благоуханном
Царь со свитой отдыхал...
Вдруг, нежданно-нежданно,
Камень с дерева упал!

Царь лежит, со стоном корчась,
Голова его в крови;
Разбежалась стража молча,
Чтоб злодея изловить.

В той стране законы в силе —
Знают люди всей земли.
Бедняка тотчас схватили,
И к царю приволокли.

— Проходимец ты несчастный!
Покушался на царя!
Смерти жди теперь ужасной! —
Стражи грубо говорят.

Побледнел бедняк, затрясся,
И, дрожа, пролепетал:
— Я не думал, что опасно...
Я не видел!.. Я не знал!..

III

Царь поднялся, и, шатаясь,
Руку приложив к виску,
Кровь платочком вытирая,
Вдруг подходит к бедняку:

— Так сложилось уж веками,
Здесь цветут мои сады...
Значит, ты бросаешь камень,
А тебе в ответ — плоды?

Если дерево так щедро,
 Что же – я, великий царь?
 Разве я не милосердней,
 Чем в саду любая тварь?

Моя слава прогремела
 До заморских дальних стран!
 Если дерево посмело,
 И такой урок нам дан...

Мы казнить тебя не можем!
 И ты будешь долго жить!
 Отпустить тебя я должен,
 Да по-царски наградить!

Принесите нам скорее
 Два больших мешка монет!
 Пусть все скажут, что щедрее,
 Пусть все скажут, что добрее,
 Пусть все скажут, что мудрее
 Никого на свете нет!

Артур КАРИМОВ

*Аспирант Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Петербургская легенда

– Мы прокляты: родительский запрет
 Лежит на том, чтоб мы любили, и
 Тебя увозят, не вернуть билет.
 Побудь со мной, – промолвил Карл Эмилии.

– Как воды гладкие полночного ручья
 Не отделить от отраженья звёздной пыли, я
 От той быть не могу отдельно, чья
 Ладонь сейчас лежит в моей, Эмилия.

Работа Дарьи Войновской

– А если я – звезда, ты – свет мой, Карл!
Но в жизни звёзды нас не пощадили, и
Мой паровоз уже разводит пар,
И скоро жизнь померкнет для Эмилии.

– Забудь про всё в росистой роще, тут,
Пока светила в небе не остыли, я
С тобой.

– Но как, они же нас найдут!
– Мы спрячемся, о милая Эмилия.

И ключ от вечности он вынул – пистолет.
Рассвет увидел две кровавых лилии.
Тела нашли, а их самих – о, нет, –
Гласит молва о Карле и Эмилии.

Елена КАЧАРОВСКАЯ

*Член Союза Писателей Санкт-Петербурга
Руководитель поэтического семинара имени Галины
Сергеевны Гампер в Доме Писателя*

Галине Гампер

*В храме снег идёт, вы же видели,
В храме медленно снег идёт.*

Г.С. Гампер (1938-2015)

В часовне снег и птицы отлетели,
А мы уже на разных полюсах
Не объяснимся больше. Еле-еле
Вливаются незримые свирели
В последний акт на вмерзлых небесах.
Твоя душа субстанцией парящей
Поблизости воркует и кружит.
Сжимает сердце – бестолковый хрящик,
Но нет тебя, закрыт почтовый ящик,
Хоть выплачь всё, хоть вой, хоть ворожи.
Но ворожит метель, не утихая,
А мы молчим, печали пригубя,
И молимся за чистую тебя
Твоими невесомыми стихами.

Кстати о скво

Сижу, как скво, начистив перья,
Но что-то прерия тиха.
А я уже, уже в предверья,
И что-то тянет на «ха-ха».

Стоят безликие вигвамы,
И ни бизонов, ни котов.
(Вот так случается, когда мы
Сценарий пишем не про то).

Насыщен воздух и эфирен
Какой-то тайною враждой,
А так хотелось перемирий,
И, собственно, дожждаться до

Времён, где сотни звёзд по-птичьи
Взлетят, как рыжая зола...

P.S.

Жених мой детский – Гойко Митич
Скакал не там, где я ждала.

Кстати о свиданиях

У Клавы только пять зубов,
Но в этом есть очарованье,
Она готовится к свиданью:
Пришла пора познать любовь.

Средь арсенала верных средств:
Чулки, ривгошева помада,
Пломбир и плитка шоколада,
Но Клава держится – не ест.

Она согласна в клан невест –
Почти, как агнец на закланье.
В деталях, как пройдёт свиданье,
Переживает весь подъезд.

Но он, коварный, всё нейдёт,
Не суждено дознаться Клавке
Причин и следствия неявки,
А потерпевшим выйдет кот.

Избранник же поставлен в угол
За то, что влез без спроса в гугл.

Вот так низводит Интернет
Все чувства нежные на «нет».

Вы говорите: «Жанры»
Мне слышалось: «Жабры»
Каждый слышит и говорит – что хочет,
Женщины, жабы, всякие неземные и прочие...
Вот же! Какая напасть!

Слышать неслышное и непослушное
 Слуху...
 Кому-то выдано нечто, чем хорошо дышать,
 По третьему глазу, четвёртому уху.
 Кому-то – слыть неслухом,
 Треуголку носить под
 Фуфайкой и треухом.

Стройные ноги – тоже искусство!
 А удалённое чувство?!
 (Так заманчиво и очень греет,
 Когда подмерзаешь в апреле...)

Где Вы, сударь, шерстите пятки,
 Если в погоде есть неполадки?
 У камина?
 Топя коньяками или дровишками?
 Вот бы согреться,
 Но тёплые мысли бывают
 Излишками...
 А Вы холодно говорите:
 «Жабры».

Про лося

Где туманами нежность разлита по чашам,
 По предплечиям сосен рыбёшки дождя
 Бьют хвостами. На пнях петушатся опята.
 Сорочиныные мамы о детях галдят.

Где тропинка ведёт в мухоморное место,
 Раздобрел боровик и вертлявы ужи,
 Спит в кленовой сорочке ежика-невеста,
 И колючий жених её сон сторожит.

Лось не знает, что станет звездой ютуба,
 Унося на рогах пару старых штиблет.
 Леший ловит дождливую мелочь беззубо
 И хохочет, пугая любой Интернет.

Лицемерик о пифосе и пафосе

На песке чьё-то тело без денег
Возлежало с утра в понедельник,
И, завидуя телу,
Все вокруг то и дело:
Восклицали: «Прохвост и бездельник!»

Чьё-то тело не просто лежало,
Совмещаться с толпой не желало,
(Сей нагой девиант,
Чей не взвешен талант.)
О началах начал рассуждало.

А с закатом оно разместилось
С глаз назойливых в глиняный пифос*
И воспринял Платон
Бочку, как моветон,
Прорицая хулу и немилость.

Тот поймёт, кто умом не калека,
Едут греки в забвения реку.
День расцвёл, но бунтарь
Направляет фонарь:
Сквозь толпу:

«Я ищу человека!»

Кое-что о коммуналках

Бедняжке Раисе Павловне не спалось,
Предохраняло всякое выпасть в анабиоз:
Метеобуря, на теплотрассе авария, мистера икса ария
Из коммунальной ванной.
Ужжж!!!! Там акустика явно лишняя!
Оперу Быкову в полночь – по кайфу душ,
Хотелось, чтоб все слышали.
Прости его, Господи, грешного!

* Пифос – большой древнегреческий кувшин (мог быть размером с человека и более), сосуд для хранения продуктов — зерна, вина

Выше блажил ребёнок, справа соседка шила,
 Раиса в мыслях всё больше и злей грешила.
 Всё ярче и чётче себя представляя в ванной,
 В позе весьма не гуманной.
 Прости её, Господи, грешную!

Шьющая дева Зоя между шитьём и скандалом
 Иногда пребывала в запое, тогда ей перепало
 В смысле разных любовников: их случалось по двое.
 Впрочем, под утренний зов и клёв они утекали от Зои.
 Прости её, Господи, грешную!

В четвёртой комнате-зале звуки случались редко,
 Но там подпольно гнезвился в четверг прозаик-поэт Самоедков,
 Кильки вкусив и грелку подмяв под тощенькое бедро,
 Назло трудовому народу, он страстно елозил пером.
 Прости его, Господи, грешного!

Раису бесил безработный пиит, что вечно грезил о Музе,
 Но оба делали глупый вид, что в цимесе и союзе.
 Зоя мечтала, что выйдет в свет, а опер о новом званье,
 Каждый соседский себе сосед находил в самопознание.
 Прости их, Господи грешных!

И ежели, боже, тебе не жалко,
 Дай им больше тепла и любви
 И рассели,
 Рассели
 Эту чёртову коммуналку...

Прости меня, Господи, грешную...

Богадельня

Ветрище — сумасшедший мельник
 Вращает крылья деревьям,
 В саду забытой богадельни
 Наводит ужас и бедлам,
 Швыряет ветки на дорогу
 Зброшенную к старикам:
 Мол, нечего просить у Бога,
 Тревожась всё по пустякам.

Газетками разносит души
Поочередно, в тот конец,
Где задремал, воткнув беруши,
На миг умаявшись, Творец.

Кстати о полиглотах

Переходишь на иксы да игреки,
На иврит, суахили, латынь,
Я напугана, мне не до лирики,
Так боится поклёвки мотыль,
Схоронившийся крот – освещения,
Егерей – милый крошка-енот.
Я бегу твоего просвещения,
Слов неведомых, друг-полиглот.
О, позволь заварить мне улунный чай,
Распустить сто косичек в ночи,
Поворкуем, но только не умничай,
Не расклёвывай мозг, промолчи!
Есть особая прелесть в молчании,
Наша связь из астральных петель.
Уходя, обниму на прощание,
И поправлю нежней тюбетей.

На душе всё же как-то невесело,
Говорила мне мать: «Не форси,
Об амурах не думай – о сессии!»
Буду думать О НЁМ на фарси.

Алиса КЛИО

*Выпускница Санкт-Петербургской государственной
лесотехнической академии им. С.М. Кирова*

Твоя рука протянется ко мне
Так нежно-робко – но чего уж там, казалось...
Все эти годы, наяву или во сне,
Смиренно, пылко ли, она меня касалась
Наверно, столько раз, что в небе звёзд
Куда как меньше! Помнишь, мы однажды

Сидели вместе и считали их, всерьёз
 Намереваясь долететь до каждой?
 Две странных бабочки! Но крылышек пыльца
 С годами пыль звезды в себя впитала...
 Коснусь губами твоего лица,
 Как раньше никогда не целовала.

В. Манченко

В Инете жизнь кипит – кочуют смайлики стадами,
 Гнездятся «лайки» на страницах попеременно с матюгами,
 Кому-то баллы начисляют, оффтопят одухотворённо,
 В театре каждого актёра нынче зрителей – миллионы!
 Здесь побеждают в конкурсах, спеша порвать друг друга,
 И каждый, КАЖДЫЙ получить желает по заслугам –
 За ник, за «смайл», за «имидж-стайл» и прочие «волшебства»...
 А мне сердечко алое досталось –
 за моё несовершенство!
 ...и вот сижу, смотрю в окно на день дождливый,
 И думаю, что вряд ли, ВРЯД ЛИ это справедливо.
 «Да, вряд ли!» – думаю
 (стараюсь всё ж не улыбаться!)
 А на душе так хорошо, как будто май, весна и снова двадцать!..

Дракон в золотой шубе

Сыну Ярославу, как обещала

Живёт в окружении пасмурных гор,
 Огромный, как они сами.
 Глядит свысока на людской сыр-бор
 Опаловыми глазами
 Дракон в золотой шубе.
 В элитном драконьем клубе
 Его не пустили бы на банкет.
 Но клуба такого нет.

А всё почему? Потому что драконы
(запомни, дружок!) не едят макароны,
За стол не садятся, газет не читают,
И, между нами, мало кто знает,
Чем они заняты ночь напролёт!

Вот потому он один и живёт,
Дракон в золотой шубе.

Но если ты скажешь дракону: «Постой!
Откуда ты взялся такой золотой?»
Тебя он проводит в резные палаты,
И там вы застрянете с ним до заката.

Тогда он покажет семейный альбом.
«Без родственных связей
ты хуже, чем гном!» –
Неписанный кодекс драконов, и здесь
Скрыта их мудрость, и совесть, и честь!

Но ты – не они, и тебе невдомёк
Всё это. И пустишься ты наутёк
На пятом часу, с улыбкой любезной
(в общении с драконом
подчас бесполезной!),
Лоб утирая дрожащей рукой...

Не любит компании – он такой,
Дракон в золотой шубе!

Путешествие за край

I

Там, вдалеке, за синей стеною леса, –
Мир, до сих пор не изведанный, но желанный.
В тёмные волны уходит, пружиня, леска,
Лодка легко скользит по реке туманной.

Будто из шёлка соткано покрывало
Тихой воды – в ней мерцают ранние звёзды.
Больше нигде такой красоты не бывало.
Скажешь – тебе не поверят, и, значит, поздно,

Время ушло – и слова не имеют силы,
Мыслям привольно – ничто на земле не держит.
Только скрипят под ногою доски настила,
И раздаётся мерный уключин скрежет...

...в лодке охапка кувшинок лежит у борта:
Клонят к воде головки, качаясь томно.
Старый рыбак поглядит хитроватым чёртом,
Важно кивнёт – как давней своей знакомой...

За полосой камышей, кувшинок и ряски
Видится берег. Валун на песчаном откосе.
Камень неспешно минуешь –
окажешься в сказке,
В сердце чужом застрянешь, словно заноза...

II

Если пойдёшь тропинкой к осеннему бору
После обеда, вернее всего – на буднях, –
Можешь увидеть тролля, бредущего в гору.
Он затаится – ему рассказали о людях,

Или он сам, лелея дремотную думу,
Вдруг услышал –
то, что было пугающе странно:
Кто-то совсем не великий, но здорово шумный,
Глыбы с обрыва кидал, хохоча непрестанно.

Грохот обвала встревожил усталое сердце.
Каменное –
когда-то
было оно ранимым.
Лучше, как в зеркало, в ту тишину глядеться,
Где ни пятна, ни морщинки, и всё поправимо.

Память нельзя ворошить, точно угли и землю,
Память – она ведь странная штука такая.
Троль уходил за леса, насторожённо внемля:
Может быть, так хохотал ледник, наступая?..

Позже, в пещере, в объятьях тепла и уюта,
Он всё поймёт. Но вернуться уже не захочет.
В мире не сыщется прочного абсолюта:
Камень сдаётся, когда его капля точит...

III

К дому направишься в сумерках, по тропинке,
Став существом чужой, драгоценной масти,
Родственной всякому камню, песку и былинке,
Что ж, погружённость в сказку – особое счастье.

Можно шутя не принять и отвергнуть словами,
Но тяжелее – вырвать из сердца занозу,
Данную волей реки, управляющей снами,
В чьей глубине живут одинокие звёзды.

Чудеса появляются редко,
Если держишь закрытыми двери,
Но на это бывают причины:
Неудачи, невзгоды, потери.
А в ответ – возрастные мигрени
И желание спать беспробудно.
Вот тогда появляется нечто
Не похожее, в общем, на чудо,
Но оно озаряет твой утренний сон,
И навеки становится частью тебя,
Это лучшее, что происходит сейчас,
Только больше чем чудо.
Это – судьба.

Красота на все времена

I

to «Ophelia»

(Лиз)

Лёжа часами в чужой остывающей ванне
 И размышляя меж делом о чистом искусстве,
 Ты наблюдаешь, как медленно гаснет надежда.
 Вьюга кружит за окном...
 Рыжие волосы – вот что тебя погубило,
 И – парадоксом – любовь куртуазного века,
 Скрытого пеплом безвременья, как сединою,
 Только была ли она?..
 Гамлет и Данте – мужчины, влюблённые в Музу, –
 Оба сегодня твои. Но смертельной ловушки
 Не избежать, не возникнуть из мрака забвенья:
 Тело на дно оседает, влекомое платьем,
 Душа устремляется ввысь.
 Слишком здесь холодно и по-музейному стыло
 Для настоящий любви. Настоящих объятий.
 Здесь нет живых. Только вечный Художник и Муза.
 В этой компании третья лишняя – ты.
 Но не время для слёз!

Ты не успеешь привыкнуть...
 И скоро лицо на портрете,
 Что унаследует жизнь и улыбку твою в одночасье, –
 Тайно кому-то прошепчет: «Она здесь была!..»

А душа устремляется ввысь...

II

Музе

*Порвалась ткань с игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня,
«Беда! Проклятье ждёт меня!» –
Воскликнула Шалот.*

А. Теннисон

Это довольно непросто – быть элементом декора.
Внешне – красивая сказка, внутренне – трудная быть:
экстренный курс по визажу, крем, что сужает поры.
И недовольный мужчина (рядом – штатива костыль)
в руки возьмёт потёртый Canon (или Olympus!)
и отойдёт в сторонку, будто тебе чужой.
Вас разделяют метры. Плюс вырождается в минус.
Целится объективом –
что у него за душой?

...Джотто, Ван Дейк, Леонардо,
Гойя, Кранах и Россетти –
вместе звучат упоительно – как хоровод богов!
Ты, словно Леди из замка, с песней сплетала сети,
глядя на мир в преломлениях образа своего.
Зеркало не разбилось... просто сошла позолота.
С глаз пелена упала. «Боже, да что со мной?»
Взглядом поймав отражение храброго Ланселота,
ты убедилась: художники видели Мир Иной.
Чутко они ловили томной весны поветрия –
птицы под кистью пели, благоухали цветы.
Как бы шутя, дарили Музам своим бессмертие,
Воссоздавая лица ангельской красоты.
Холст был водой и твердью, творчество – самоцелью,
мир возрождался по новой,
всё – от начал – повторив...

...твой же Творец по-прежнему ловит тебя в прицеле,
будто ему до форточки, что у тебя внутри!
Просто – душа не смотрится, значит, не продаётся.

Так ей, душе, положено, с этим и надо жить.
Значит, рука не дрогнет, палец с курка не сорвётся,
и твоего гобелена не оборвётся нить...

В неэстетичных потёках пол. Сигаретный пепел.
В жёлтом дыму силуэты – боги или герои?
Может быть, ты и Муза,
но для него – просто мебель,
а не Даная, Джоконда, или Елена из Трои.
Ждёт у дверей поклонник –
клянчить пришёл автограф.
Ты запахнёшься в шубу. Холодно в феврале.
Чашечку капучино вот бы принёс фотограф!..
Может, тогда прибавится мира на этой земле?..

Послание

Дорогая, я снова тебя люблю.
Нет, я больше не пьян – да с какой это стати?
Если хочешь, я в мутной тоске утоплю
всю свою гениальность?.. Ведь этого хватит,
я надеюсь? Вернуть тебя в маленький дом,
где когда-то была ты живою картиной –
стало б самым большим, непростительным Злом,
не любви я тебя... В этой жизни недлинной
кто сумеет предвидеть – и предвосхитить
повороты судьбы? И кто будет в ответе?!
...не сердись, ты права. Я бы мог позвонить
(если б жили мы, скажем, в двадцатом столетии).
Но живём мы в безвременье. Это не Рай:
адрес почты – другой, а читать я умею.
Говорят, мы хватили с тобой через край,
но безверье, должно быть, ещё тяжелее.
Я предчувствую нежность касаний твоих.
Приходи посмотреть на меня на закате.
Поздний свет – самый лучший. Не слушай других.
Я люблю тебя.
Жду тебя.
Вечно.
Твой Данте.

*И зазвучала речь её
В бездонной тишине,
И голос был – как пенье звёзд,
Поющих в вышине.*

Д.Г. Россетти

Я ветреную ткань тумана
Ношу, как плащ, стянув на шее,
Когда белеют истуканы
Во мраке тисовой аллеи.
Моё дыхание неслышно –
Так травы дышат.
Праздным оком
Луна мерцает, страж всевышний,
Дрожащий луч
скользит по строкам
Надгробий мраморных
старинных;
Я каждого рукой касаюсь:
Ряды имён неповторимых...
...была я первой из красавиц,
Но память – тропка редколесья
Над чёрным зевом бездны ада.
Я воскресаю только в песнях
Того, кто знал меня когда-то,
Кто вызывал меня из тени,
Кого желала я так слепо,
Что не взглянула на ступени,
Той лестницы, ведущей в небо...
Подобно звёздному кристаллу
За шаг до Вечности, у края
Его любовь ко мне сияла,
Всё остальное затмевая
Навек. Одарит ли сонетом –
Слова, как бусины, нанижет.
Его глаза лучатся светом,
Он – словно Бог,
но только ближе...

...ночь провожая на восходе,
 На плитах, временем потёртых,
 Он безошибочно находит
 Мой профиль –
 между ликов мёртвых.

Игра

*Моим критикам
 «Когда бы вы нашли во мне поэта...»*

В. Антипенко

Не опускаясь больше до высот
 Поэзии, я телеграфным стилем
 Пощекочу вам рёбра и живот;
 Там сократим, а тут –
 чуть-чуть размылим.

И не беда, что взгляд исподтишка,
 Укрытый за короткою строкою,
 Не сделает мне имя на века,
 А вам – не даст желанного покоя.

Моей упрямой музе было лень
 Оправдываться
 в собственном ехидстве:
 Конечно, не бела она, как день,
 Но далека от фальши и бесстыдства.

И я пойму: иначе не могли,
 Наверно, на меня вы обижались –
 И те, что «здесь поэта не нашли»,
 И те, что в дверь открытую стучались.

Отвечу вам: стихи – вот соль всего,
 Я в них жила. И в них – играла с вами.
 А нынче не осталось ничего,
 Что может быть рассказано стихами.

Григорий КНЯЗЕВ

*Выпускник Филологического факультета
Новгородского Государственного университета*

На кладбищах, заняв пеньки,
Пылится хлеб и стынет водка.
В полупрозрачные деньки
Есть молчаливая работка:

У мёртвых милости просить
За все грехи, за все ошибки.
Траву забвения косить –
На их портретах ждать улыбки...

И улыбаться, и шептать,
И не стыдиться слёз и смеха –
Как бы иллюзию питать,
Что смерть меж нами – не помеха,

Что каждый – бесконечно жив,
И нет сознанию предела,
И только душу обнажив,
Мы побеждаем косность тела!

Только черёмуха отцвела –
Уже зацвела сирень.
Тем Земля до поры и цела,
Что прибавляется день.

И нескончаем круговорот
Праздников наших и дел,
И нескончаем духовный род –
Не тем ли живущий цел?

Ты ли, мой Бог и мой Господин,
Тоскуешь поверх пути?
И он – из всех перспектив – один,
И лучшего – не найти?

Или творится здесь и сейчас
 История наобум,
 А нам лишь цвет – на радужках глаз,
 Во внутреннем ухе – шум?

Под фонарями – искры дождевые,
 Огнями сумерки засорены...
 Мне кажется: мы больше, чем живые,
 Когда со всех сторон озарены!

Дождь кончился – и только отголоски,
 И только праздничная мишура.
 Как ящики огромные, киоски...
 Дождь кончился – с ним спала и жара.

Тебе отдам я куртку: «Не промокла?...».
 То серью отдаёт, то серебром.
 Машин запотевающие стекла
 Шепнут о лёгкой смуте под ребром.

Шаг и дыханье делаются песней.
 Вдруг «скорая» пронзительно промчит –
 И воздух, что тумана легковесней,
 Так терпко и неистово горчит.

На низкой ветке лист в лицо целует.
 Ни зонтика не надо, ни плаща...
 Мне кажется, что жизнь меня балует,
 К тебе и ко Вселенной приобща.

Наталье Медведевой

Люблю я краски акварельные:
 Они способны передать
 Не то чтобы штрихи отдельные,
 Но плавность черт – волнение, гладь.

И в цвете что-то есть наивное –
 На грани осени, весны,
 Мгновенное и неизбынное –
 Мечты, что переходят в сны.

Светло, свежо, легко, естественно
 Могу запечатлеть мираж –
 Не так фактурно и торжественно,
 Как масло на холсте, гуашь.

Но с тонкой и неподражаемой
 Грустинкой «раз – и навсегда» –
 Творимый мир и разрушаемый,
 Как на поверхности вода...

Материю выводят тщательно.
 Душа – поверх частиц – волна.
 А грустно то и замечательно,
 Что плотью стать душа вольна.

Абсанс

Лёне

В задумчивости полусумасшедшей
 На языке неведомом бормочешь
 И ноги в луже, не заметив, мочишь
 В печальном сквере юности отцветшей...

И копится, но вмиг приходит старость.
 На тот ли свет дорогу перешел ты?..
 Все те дома – к безумию, что жёлты,
 И осень тем страшна, что в цвете – ярость.

Земля сужается – и, крупным планом,
 Ворона тянется к другой вороне.
 Не думая о самообороне,
 Ты хочешь их разнять, хоть не был пьяным.

Всё – мимо! Спит лицо, не выражая
 Ни одномерность сна, ни многогранность.
 Вдруг родственница, чуя эту странность,
 Окликнет, с виду – женщина чужая.

Кругом спешат, одеты и обуты,
 К любому можно подобрать эпитет...
 Едва чужой увидит и обидит –
 Хоть чёрный крестик выплюсуй на лбу ты!

Ну, вот уже один ты на аллее.
 Миг, западая, вечности подобен.
 Очнёшься от удара меж колдобин –
 Тревожнее, прозрачнее, светлее...

Нынче разве что снег этой ночью не выпал!
 Звёзды выпали – небо украсить, как купол.
 В одеяло я крошек, голодный, просыпал,
 Взял котов, уложил, как дитя – своих кукол.
 Но коты убежали на холод лиловый.
 Снам, наверно, просторней в широкой постели.
 А проснусь – неожиданно-пустоголовый –
 В мир, где август ещё, но уже – на пределе...

Песня грусти разлилась по свету.
 До меня домчался этот зов.
 Хаос вечный рвётся из низов,
 Разум тянет к хрупкому сюжету.
 Волны крыш, и волны крыл – над ними.
 В местности неясных перспектив
 Время в полувремя обратив,
 Маюсь над виденьями своими,
 Маюсь над телесностью своей...
 И не в шутку нынче каламбурю.
 Поднимает ледяную бурю
 Вмиг пустынный ветер-суховея.
 Бурям, как плотинам, – свой резон.
 Улеглось бы – зажили бы ранки...
 Всё живое требует огранки,
 Пусть такой огранкой служит сон.

Какой тяжёлый ветер поднимается!
С ним поднимается и лай, и крик.
Вот-вот как будто что-нибудь сломается,
Разломится как будто материк.

Небесная уходит в землю трещина,
Глухое в ад прорублено окно.
Неужто мне иная жизнь завещана,
И на душе, а не вокруг темно?

Тревога, хуже трепета, смертельная,
Не просто мрачный атмосферный фронт.
Так даже не дымит зимой котельная;
Слепою зоной смотрит горизонт.

Сентябрь, так странно: тьма – позднеосенняя.
Хоть страхом Божиим сердце изнури,
Но, дай нам Бог, в надежде на спасение
И в чёрный час светиться изнутри!

...Всё обошлось, пусть время и расколото.
Дождь – груб, а почвы без дождя – черствы.
Но вот уже в просветах солнца золото
Качается на золоте листы.

Я вышел на балкон – парит.
Тепло, движение не стихло.
Оно, конечно, не Париж –
Живёт наш город смутно, рыхло,

Особенно когда темно,
И свет огней вдали – мгновенный,
Но всё рассчитано умно
На жизнь и смерть в моей вселенной.

Вот инвалида без ноги
Провозит женщина в коляске,
Вот чьи-то пьяные шаги...
Так предаётся жизнь огласке.

Свой город слышавший не раз,
 Скучаю, радуюсь, тоскую,
 Пытаюсь по лазейкам фраз
 Проникнуть в душу городскую.

То ли досужий интерес,
 То ли насущная задача –
 Понять, хоть сил и средств – в обрез,
 Весь мир, что длится, столько знача!

Я жив, пока есть дело у меня,
 И пусть я обрастаю этим делом,
 И, что ни время, голову склоня,
 Цветное чёрным вывожу на белом.

С покоем, равным полному нулю,
 Бороться – так ли, этак – призван каждый.
 Но разве жажду жизни утолю,
 Когда пустыня смерти мучит жаждой?!

Я – дилетант: дела – лихи, глухи,
 То скучно, то беспечно мне живётся.
 Одиннадцатый год пишу стихи:
 А много ли под старость отзовётся?

Мечтаю жить всем телом, всей душой
 С великим вдохновением в кармане –
 Судьбы же искромётной и большой
 Боюсь, и снова маюсь в глухомани...

Но внутренняя эта глухомань,
 В ней рядом сиротеют домочадцы.
 Как тут ни шарлатань и ни шамань,
 Весь труд – умом и сердцем утончаться.

Лидия КОКОРИНА

Peace

Утро, ветер... что за чудо,
Новый день настал для нас!
Вдруг, возмись, и ниоткуда,
В душе моей звучит радостный джаз!
– Солнце светит? – Нет. И что же?
Грусть, печаль и лень в глазах?
Солнцем быть ведь каждый может,
Если любит в первый раз.
Как в первый раз, он любит небо,
Любит близких и друзей,
Любит дождь, и снег, и негу
После сладостных ночей.
Любит звук машин гудящий,
И дворнягу у метро,
Каждый день – он настоящий,
Надо жить его «от и до».
Оглянись скорей, дружище,
Сколько радости вокруг,
И увидишь, как прекрасен
Мир, которому ты – друг.

Когда в апреле снег...

Мороз и солнце – день чудесный,
Так говорил один поэт.
Но, согласись, весны прекрасней
На свете ничего уж нет!
Когда щебечут птицы громко,
И светит солнце прямо в глаз,
И каблучки постукивают звонко,
И слышен звук весенних фраз.
И люди, словно те же птицы,
Воркуют меж собой весь день;
Добрее и приветливее лица
Прохожих, близких и друзей.

Проснулся город, шум вокзала
 Пленит, чарует и влечёт,
 И в целом дне нам места мало,
 Часы идут наоборот...
 Пойдём гулять в шумящий город,
 Зажёг он все свои огни!
 Сегодня Невский нам роднее дома,
 Ведь мы – ребята из Saint-Pe... !

Как будто не осталось слёз,
 Чтобы оплакать всё, что происходит «вскользь».
 Зачем ты, Боже, посылаешь то,
 Что всё равно уж не исправишь.
 Зачем глаза всё видят, уши слышат,
 А человек живёт и жадно дышит?
 Живёт и дышит, и не знает,
 Что с каждым днём он умирает.
 Он умирает, рождаясь вновь
 Из-за того, что есть Любовь.
 Любовь – наш дом, любовь – наш храм,
 Любовь дана от Бога нам.
 Любовь помилует, простит,
 И гордость сразу замолчит.
 Где нет любви – там Бога нет,
 Там только боли, страха след.
 Согрей меня, Любовь Отца,
 Не отврати меня от Своего Лица.

Юлия КОЛТЫШЕВА

*Студентка Национального Исследовательского
Университета – Высшая Школа Экономики*

Похоже, правда такова:
Что скажешь, не исправить.
Я просто знаю, что слова
Способны больно ранить.

Когда вонзятся без труда
Они иглой под кожу,
Я обещаю слёз не лить,
Пусть всех ты был дороже.

Осколки глубже уберу
На дно своих мечтаний,
Развею пепел на ветру
Сгоревших обещаний.

Неспешно подведу итог,
Вдохну февраль украдкой.
Опять переверну листок
В потрёпанной тетрадке.

Открою снова настежь дверь
И отпущу печали.
Мне было больно, но теперь
Я даже не скучаю.

За стаей вдаль летящих слов
Поступки ввысь взмывают,
И с каждым шагом вновь и вновь
Они наш мир меняют.

И пусть неспешно, пусть едва,
А всё же есть движение:
Все действия и все слова
Имеют продолжение.

Одни «хочу» наносят вред,
Другие – вроде шутки.
Как ни крути, да только след
Оставят все поступки.

Способность что-то поменять
У каждого в кармане.
Свобода делать и желать
Без клятв и обещаний.

И в мире, в сущности, слепом,
Вопрос наружу просится:
Свобода разве только в том,
Чтоб делать то, что хочется?

А кто же будет отвечать
За жертвы и последствия?
Так важно каждому понять
Свой груз, свою ответственность.

Ответственность за всё, что мы
Сказать, свершить успели.
Даже за то, чего, увы,
Мы делать не хотели.

И стоит помнить вот о чём,
Шагая по планете:
Мир слов и действий – общий дом,
Где мы за всё в ответе.

А знаешь, мы ведь могли
С тобой притворяться и дальше.
Но маски коснулись земли.
Теперь уж не будет как раньше.

Под тенью избитых обид,
Под бликами искренней фальши
Не скрыться. Отчаянье спит.
Теперь уж не будет как раньше.

Признание, как резкая боль,
Меж рёбер застынет. Оставь же.
Ты просто сыграл свою роль.
Теперь уж не будет как раньше.

Душа, занавесив окно,
Заплакала, кровь вытиравши.
Повсюду разбито стекло.
Теперь уж не будет как раньше.

Сжигая нещадно мосты,
Сидела, колени обнявши.
Теперь наши чувства мертвы.
Теперь уж не будет как раньше.

И, знаешь ли, мы ведь могли
Жить днём бесконечным, вчерашним.
Но, видишь ли, нет больше «мы»
И нет больше нашего «раньше».

Бывает так, что лишь мгновенье
Вдруг делит жизнь на ДО и ПОСЛЕ,
И мыслей бурное течение
Понять в тот миг совсем непросто.

Услышать, что расскажет сердце,
Увидеть, что другим незримо,
И в холоде твоём согреться
Так сложно и необъяснимо.

Молчать, когда внутри, пылая,
Горят и жгут упрямо чувства.
Дойти до самого до края
И осознать, как дико грустно.

Как пусто там, где сквозь преграды
Спешат убиться прочь в сомнениях
Твоя несказанная правда,
Моё немое сожаленье.

Как разбиваются о стену
 Все мысли и противоречья,
 Как всё несётся кровь по венам
 Во время каждой нашей встречи.

Как вновь проносятся сюжеты
 И лишь мгновенье встречи в мыслях,
 Что наполняет душу светом
 И новым бесконечным смыслом.

Искра в глазах. Тепло под кожей.
 Одно мгновенье. Так по-детски.
 Ты стал как будто бы дороже,
 И я открыла настежь сердце.

Ты —

Когда мне плохо и тоскливо,
 Когда вокруг темно и пусто,
 Когда отчаянья приливы
 Уносят прочь иные чувства,

Когда порой гнетут сомнения,
 Когда надежды гаснет свет,
 Когда терзают опасенья,
 Меняя разом жизни цвет,

Когда ютятся одиноко
 На склоне пропасти мечты,
 Вдруг, растворяя все тревоги,
 В мою судьбу приходишь Ты.

Так часто случается видеть,
 Как люди, живущие рядом,
 Друг друга почти ненавидят,
 Кусаясь придиричивым взглядом.

Чужие по факту и чувствам,
 Родные по штампу, формально.

И, вот что действительно грустно,
Все думают, это нормально.

Все думают, так ведь привычно:
Работа, семья, занят каждый.
Случился ребёнок? – Отлично.
А что без любви – да, не важно.

И так продолжается вечно:
Измены шагами большими,
Любовь задыхается в желчи...
Давайте не будем такими?

Так часто случается видеть,
Как люди, живущие рядом,
Друг друга почти ненавидят,
Кусаясь придирчивым взглядом.

Чужие по факту и чувствам,
Родные по штампу, формально.
И, вот что действительно грустно,
Все думают, это нормально.

Все думают, так ведь привычно:
Работа, семья, занят каждый.
Случился ребёнок? – Отлично.
А что без любви – да, не важно.

И так продолжается вечно:
Измены шагами большими,
Любовь задыхается в желчи...
Давайте не будем такими?

Александр КОРОЛЁВ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
Педагогического университета им. А.И. Герцена*

Теперь здесь зима и сугробы,
А мне горевать об одном,
До боли знакомые тропы
Заносит седым полотном.

Из самых изысканных кружев
Узорное это шитьё.
Завьюжит, заснежит, закружит
И снова впадёт в забытьё.

И вправду нежнее не чаял
Найти, чтоб ответить слов:
«О чём под покровом печали
Ты грезишь в объятии снов?»

И вправду, мне было так странно,
Когда разглядел впереди, –
Казалось, зажившие раны
Опять желтизной бередит.

Из золота или латуни,
Усыпано мелкой листвой.
Казалось, ещё накануне
Справляли своё торжество.

И только пред тем, как пуститься
В судьбой предначертанный путь,
Проститься и снова забыться
И молвить своё «Не забудь!»

Под знаком злобы и разлада
Проходят медленные дни,
Но сожаления не надо,
С улыбкой странной вспомяни

Судьбы изменчивой причуды,
Дела, ненужные на треть.
Клянусь тебе, и я не буду
Об этом больше сожалеть.

Ночь

Ночь. Цветов пьянящий запах.
В этот час она сама
На кошачьих мягких лапах
Пробирается в дома,

Половицей под ногами
Вздрыгнет, клонится ко сну,
Осторожными шагами
Потревожив тишину.

По стене крадутся тени.
Пляшет тень под потолком.
Разноцветных сновидений
В это время полон дом.

Под покровом тёмной шали,
Чёрным бархатом шурша,
Коридорами печали
Проплывает не спеша.

Затишающие речи
Погружаются на дно.
В окнах трепетные свечи
Угасают по одной.

Уходящий день привычный,
Рассыпающийся в прах,
Отражается вторично
В потускневших зеркалах.

Лунным холодом согрета,
Созерцает с высоты
На таинственных портретах
Полустёртые черты.

В последний миг отпрянуть от огня.
Неверный шаг. Должно быть, показалось.
Её руки едва касалась.
Её растает тень со светом дня.

Неверный жест, прозрачный как вода.
Полуотказ. Подобные приказу
Её слова в одну сливались фразу:
— Иди за мной, исчезни навсегда.

Не осознать доподлинно вину
За то, что был, что оказался рядом,
За то, что смог неосторожным взглядом
Далёких глаз измерить глубину.

Но близок день. Ясней его лучи.
Растает тьма. Исчезнет наважденье.
Осталось ждать с невольным наслаждением
Когда зловещий голос замолчит.

Над сопками закат едва румянится.
На склоне угасающего дня,
Моих печалей поздняя избранница,
В чужом краю не забывай меня.

Чуть солнце постоит, уже закатится.
Тогда при нарастающей луне,
Моей надежды первая красавица,
В другой стране, подумай обо мне.

Наш долгий путь отмечен днями пёстрыми.
Тогда, при столкновениях любых,
Дороги измеряли мы не вёрстами,
А силою превратности судьбы.

Куда б не завела судьба неладная,
Не проклиная рок и не кляня,
В чужой стране, родная, ненаглядная,
В тяжёлый час забудьте про меня.

Как трудно вымолвить: — Уйди!
Не показав при этом вида,
Что сердце замерло в груди
И жжёт вчерашняя обида.

Увидеть лёд в глазах пустых
И понимать, что вероятно,
Горят последние мосты
И не найти пути обратно.

Должно быть некого винить
Когда и так до боли ясно:
Порвалась нить, порвалась нить
И всё прошедшее напрасно.

Последний лист срывается с дерев.
Небесный свод прозрачнее и чище.
Как хорошо, однажды всё прозрев
Себя воспринимать больным и нищим.

Тяжёлый шаг окажется трудом.
Прошедших лет всё непосильней бремя.
Надёжное убежище — свой дом
Становится пристанищем на время.

Легко понять, что время истекло.
Дальнейший путь отыщется едва ли.
Осенний день — прозрачный, как стекло,
И сквозь него видны иные дали.

Протяжный взгляд за горизонты лет
Вернёт почти утраченное зренье.
Из глубины качнётся силуэт
И тонких губ проявится презренье.

Преодолев невидимую грань,
Медлительной походкой, чуть помешкав,
Она войдёт, роняя, как герань,
На чёрный шёлк, усталую усмешку.

Из полустёртых снов, из забытья,
Пророчество, не ставшее судьбою,
Превозмогая тщетность бытия,
Она зовёт и манит за собою.

Алексей КОРОЛЁВ

*Доцент кафедры математики
Национального Исследовательского университета –
Высшая Школа Экономики*

Сказитель Олег

Олегу Ильину

*Были, братья, времена Траяна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.*

Н.А. Заболоцкий

Мы ехали шагом вдоль речки
Смородины ранней порой.
На липах дрожали сердечки,
И пахло сосновой корой.

Вода на реке зеленела,
А вот и калиновый мост.
О, как заломило всё тело,
Как будто к седлу я примёрз,

А там, за мостом, шевелилось
Чудовище в тёмных кустах.
– О, Боже! Яви Твою милость!
Спаси меня, Господи! Ах!

Большой крестовик – паучина
Мне в волосы метит попасть,
А подле моста из пучины
Воздвиглась змеиная пасть.

Пошли мне Олега – титана,
На борзом коне принеси.
От самой эпохи Траяна
Таких, как Олег, на Руси

Могу перечесть я по пальцам,
И ныне он, вещей, один,
А мне – к фолиантам, да к пядьцам,
Какой из меня паладин?

Вдали, за развалом акаций,
Раздался охотничий рог,
И всадник спешил приподняться
Над пылью скрещённых дорог.

Тот витязь в червлёном зеркале
На змея легонькодохнул,
И чудища робко пропали.
Он терлик, смеясь, распахнул,

И молвил тепло и сердечно
Сказитель прекрасный Олег:
– Ты можешь и в поле прилечь, но
Езжай же ко мне на ночлег.

В бочонках и огонь, и отрада,
Меды нашей Русской Земли,
Из стольного Киева-града
Намедни друзья привезли.

Истаяли страх и тревога,
Истаяла речка вдали.
Мы ехали, славили Бога
И в терем Олегов вошли.

Екатерина КРЫЛОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

как можно не слушать, как ты поёшь,
как во сне говоришь,
не заботиться, что ты ешь,
где спишь,
и на что живёшь,
не смотреть, как танцуешь
плие, батман,
знаешь, я был безмерно счастлив
и вечно пьян.
как было не любоваться,
как греешь ладошки,
как гладишь кошку,
куда ушла ты,
куда выкинула мои цветы.
уже восемь,
девять,
одиннадцать,
скоро полдень.
я по своей воле
о тебе постоянно помню

золотые косы её распущены,
да раскинуты по плечам.
по девичьей своей глупости
поддавалась твоим речам,
одарила тебя покорностью,
завлекала своим молчанием.
любовался ею, не понимал:
то ли глупая, то ли печальная.
на войну зовут братья с севера

с людоедами, великанами,
 а она рыдает: «может, живой
 вернёшься, да с тяжкими ранами»,
 говорит: «снилось мне, как плакала
 на реки окровавленном берегу,
 потому и молчала, мучилась,
 боялась навлечь беду».
 золотые её гладишь волосы:
 «со щитом ворочусь, будет пир по нам»,
 да кидается в ноги она к тебе:
 «не отдам тебя им, не отдам».
 ты уходишь с душою тяжкою,
 злые ветры гонят от дома прочь.
 тебе хочется своей суженой
 чем-нибудь да помочь.
 начинается бой жестокий,
 великаны сильней в сто крат,
 один смотрит в глаза тебе,
 разрезает тебя пополам.
 золотые остригла волосы,
 поселилась в монастыре,
 её сердце надвое разрезали
 на той войне.

Honey, Honey
 что ты делаешь в этом доме?
 тут плафоны
 буквально в сугробах пыли,
 что за хлам в кладовке,
 что за женщины,
 практически, в голом виде?
 Боже правый, тут в одной кружке
 были кофе, вино и виски.
 я не злюсь,
 я просто боюсь до дрожи,
 здесь тени смерти

безумно близко.
милый, скажи, ты меня хоть
помнишь?
вот мои губы, глаза и руки,
или ты даже плоть мою
позабыл в разлуке?
заберу тебя, слышишь, darling?
раз не сегодня-завтра,
то через месяц
нас будет ждать автобус или корабль.
ты со мной уедешь,
но давай сейчас, пока можем, с миром,
Зло всё спит
на своих грязных койках.
я не просто так
себя для тебя хранила
и писала имя твоё
на моих обоях,
солнце светит над этой крышей,
доверяй мне,
а то я устала плакать.
у меня был знак быть с тобою
свыше,
у меня есть место,
чтоб тебя спрятать.
мы на улице, видишь,
как тут красиво,
и цветут сады, и летают птицы.
мы спешим,
и пока что проходим мимо,
но они успеют тебе присниться.
вот твой поезд, милый,
садись, не бойся.
проводник уже просит лишних
уйти из вагона.
я пока не могу это дело бросить
и тебе рукой помашу с перрона.
я пойду, отомщу за тебя,

мой мальчик,
 твоя жизнь должна
 быть мною хранима.
 если я не вернусь к тебе,
 просто значит,
 это было Вселенной необходимо.

чем наполнены твои ночи?
 доступными дамами,
 наполненными бокалами
 или далекими звёздами
 и её косами?
 чем наполнен твой воздух?
 луговыми травами,
 морскими причалами,
 или её духами
 и волосами?
 чем наполнены твои полки?
 зарубежными книгами,
 дорогими напитками,
 или совместными фотками
 и её заколками?
 чем наполнена твоя жизнь?
 скучными ворками,
 новостными сводками
 или кучей друзей
 и любовью к ней?

в школе я плакала, когда получала тройки
 теперь я плачу, когда порно
 не кончается свадьбой
 мне двадцать
 и я ненавижу религию, фашиков, бабки,
 мне в кайф, когда есть сушки с мёдом и мои ленинградские парни
 я студентка, и я не знаю, зачем мне вышка

мне бы сидеть на падики, пить винишко, да обсуждать книжки
 посмотрите — я девушка, это явно прячут мои найки,
 но я, честное слово, люблю носить без лифчика белые майки
 я живая. и мне очень тяжело с моей ручной кладью,
 пойдём в бар, и я расскажу, как в моём порно играют свадьбу

Бог забыл про тебя. Смирись и ложись в кровать.
 Тебя там ждёт девочка хрупкая, как хрусталь.
 У неё ладошки мягкие, словно шёлк.
 Наверно Господь с тобою был, когда ты её нашёл,
 а она отважная. Дикий маленький Питер Пен
 слонявит палец, листая доки твоих проколов,
 говорит: «нет, они ничего не стоят,
 и скинь с себя этот чёртов набор проблем»
 и она хохочет и просит с ней поиграть в йо-йо,
 кажется, всё это время просто бог заменял её.

море дарит только цунами
 между нами
 ты сидишь на кухне
 и пьёшь портвейн
 я бы тебя променяла на новый спектакль
 но никогда на других парней

от господина N мне приходят письма
 по выходным
 падали листья
 мистер N писал:
 «я как всегда один,
 между нами несколько гор и скал
 я с тебя срисовал несколько пар картин»
 и он пишет:
 «когда падают звёзды, я загадываю тебя

самолёты к тебе вылетают поздно
и ещё я терпеть не могу поезда»
я читаю в марте:
«я встретил такую как ты,
но она носит хвост
и готовит с утра олады
между нами как будто построен мост
и знаешь, мы с ней прекрасно ладим»
снова листья
мистер N говорит:
«ты чудесный друг»
у меня в голове ни мысли
лишь сердца стук
он твердит:
«я люблю тебя
и внутри горит
а она твоё отражение здесь
знаешь ли посбивает спесь
когда говорит –
пред делом всё хорошенько взвесь»
напру new
я беру
конверт. Только пара строк
и бумага пропитана имбирём
«я женюсь на ней.
расскажу потом»
не читаю год
на мой адрес исправно приходит на воду счёт
и на газ
а потом он пишет:
«я вспоминал о тебе
пару раз
пару сотен раз»
и мой свет погас

знаешь, я не хочу без тебя любить море
 будь доволен
 рома
 мне кажется: вот сейчас я дома
 но если б ты объявился
 я бы сказала всем: дом
 это там где он
 и это была бы воля
 друзья говорят – ты дура,
 а я бы за это
 вбила бы кол в амура
 ради тебя, знаешь
 забила б на все загоны
 встречала б твои вагоны
 помнишь
 ты просил
 показать мой питер,
 а, пропащий мой ветер,
 он готов
 и если ты меня помнишь/любишь
 ты не ревнуй
 я бы тебе продала свою девственность
 за поцелуй

Я не вечна –
 Я не могу ждать у моря погоды,
 Попутного ветра...
 Ветер есть в голове
 Тебя у меня воруют не годы,
 Тебя убивает моя же
 любовь в тебе.

Забиты окна в домах
 В именитом моём безымянном городе
 Есть люди и в них есть страх
 Что помладше лишь в холоде, да и в голоде
 Ведь маленьким не понять, почему их мать
 Жмётся к стене и просит у них потише,
 Но, к сожалению, тут принято убивать
 Всех кто хоть на герц, но погромче мыши
 Утром народец встает на марш
 И поёт про славу своих царей
 В моём маленьком городе нету краж
 И ценников, где меньше пяти нулей
 А людишки у власти кричат с трибун
 Про свободу слова, демократизм
 В моём маленьком городе каждый бунт
 Враз превращается в терроризм.

Твоё имя смотрелось бы на небе осени.
 Но сейчас зима.
 Пойми сейчас ты не для меня.
 Но нравишься.
 А твой голос так вовремя,
 Как чашка чая с утра.
 И мне пора! Пора!
 Но пью до самого дна.
 И одурманена, как от бутылки вина.
 Ты бесподобен от кончиков пальцев и до ресниц.
 Я падаю ниц.
 Как ты чудесен!
 И как ты заставил заплакать такую, как я.
 Уже четвёртую ночь.
 Прочь! Пожалуйста, прочь!
 Я ненавижу таких бесподобных, как ты!
 Что появляются только от темноты.
 И только во сне.
 Но снись подольше.
 И только, пожалуйста, мне.

Мария КУДРЯВЦЕВА

*Профессор Гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Баба Яга

Пролетает над городом спящим
В тихих сумерках Баба Яга,
В своей ступе устало сидящая,
Повидавшая виды карга.

Ступа низко летит – перегружена –
Под скамейкой Брокгауз и Эфрон.
Вот, моторчиком старым разбужена,
Вдруг раскаркалась стая ворон.

И профессор из дома престижного
Пробудился, тот крик услышав,
И волнение почувствовав книжное,
Устремился проверить свой шкаф.

Ах ты, старый профессор, растяпа!
Ах ты, старый профессор, ворона!
Побывала в шкафу чья-то лапа –
Ни Брокгауза тебе, ни Эфрона.

Из твоей теперь энциклопедии,
Что была так тебе дорога,
Извлекать будет разные сведения
Любопытная Баба Яга.

Фирс

А я остался седым одуванчиком
Долгих лет мне своих не считать,
И на плюшевом старом диванчике
Мне осталось сидеть, да лежать...

Ох, прилягу, свернусь я калачиком,
Плед накинута ветхий и рваненький,

Да припомню, как прежде, мальчиком
Убегал я из дому раненько.

Я на речку бегу, а за речкой той,
Что не помню, как называется,
Там, за лёгкой волной, за холодной водой
Солнце дымное поднимается.

Холодна вода, неуютно мне,
Старый плед дырявый не будет греть,
Да и к солнцу мне в том последнем сне
Нет подняться сил, да всё не взлететь.

Вот и жизнь прошла, как мелькнула тень,
Словно вовсе я и не жил.
Это, верно, сон, что я в жаркий день
Молоко холодное пил?

О себе

А прикинусь я грязным пляжиком
С туристическим мусорком,
С жирно-скомканными бумажками,
С покосившимся старым грибком.

И пускай меня топчут пятками,
Мой заплёванный жёсткий песок
Покрывают цветастыми тряпками
Те, кто в Сочи поехать не смог.

Это странное ощущение –
В мире радостном, поднебесном,
В своём пляжном оцепенении
Быть сыпучим и бессловесным

Сон

Как мучают меня
Эти лестничные пролёты,
Обрывающиеся внезапно
И ведущие никуда...

И обломанные перила,
И странные двери,
За которыми нету квартир,
И такая же прочая, казалось бы, ерунда.

Но бывает и хуже – лишь след на стене,
А лестницы нету,
Так, иногда,
Оставшиеся две-три ступеньки
На арматуре железной висят.
И куда, неизвестно,
Опять-таки двери.

Однако же надо пройти,
Хотелось бы также понять:
Зачем такое сосущее чувство утраты,
И откуда
Такое безмерное чувство потери?

Валерия КУКА

*Студентка Национального Исследовательского
Университета – Высшая Школа Экономики*

Скорости нет, нет и дыхания
Каждый мой вздох, как в спину пиханье.
Если хотите услышать мой смех,
Спойте, спляшите, скажите за всех –

Кто из вас будет просить прощенья?
Кто из вас будет ждать седины?
Гулкий и мягкий стон отмщенья
Покажется сгустком травы-белены.

Люди, послушайте, мы здесь задержались.
Каждый из нас что-то хочет в ответ.
Руки-крылья давно отправлялись
В край далёкий... Как мошки на свет...

Пускай я буду один, как слон в посудной лавке,
Считая конверты, коробки, тетради, листы...
И, как индеец, буду носить на своём томагавке
Имя, написанное словом, которому будет знамя – ты.

Люблю любимой быть любовью,
Но не запятнанною кровью,
Как спросит кто-то, скажет с болью
И потихоньку отойдёт.
Люблю красивой быть без сказки
И без пристрастия биться в ласке
Безумных солнечных лучей.
Я выбираю быть прекрасной
Красивой, милой, даже страстной,
Отзывчивой и добродушной,
Ведь ничего в ответ не нужно
Ответ он есть, ответ есть я.
Ответ за мной за все подсказки,
Что миру я дарю, но не напрасно.
Я выбираю жить, а не желать,
Я выбираю быть и быть прекрасной.

Юлия КУМБАШЕВА

*Доцент кафедры русского языка и литературы
Санкт-Петербургского Политехнического
университета Императора Петра Великого*

Такая осень – трудно различить:
Уже сентябрь справляет новоселье
Или последние закатные лучи
В прозрачной дымке золотой осели
На кроны – и сумели приручить
Своим теплом и светом эту зелень,

Заставили её гореть и греть
 Огнём своим – пустые дни и ночи,
 Но август – их живительный источник
 Давно иссяк, давно уже просрочен –
 А позолоту с листьев не стереть:

Они горят, и их простой подстрочник
 В текст осени вплетается как в сеть.
 Уже не перечесть её примет.
 И лёгкий отсвет золотисто-жёлтый
 Не просто блик случайный, отражённый,
 Но листьев собственный осенний свет,
 В таинственную страсть преображённый.

Чтобы быть ближе – нам нужно держаться дальше.
 Чтобы не лгать – недосказанность нам порукой.
 Чтоб не сорваться – немного дешёвой фальши,
 Шероховатости в ноты, и пепла – в руку.

Чтобы не впасть в обманчивый сон идиллий,
 Нужно, чтоб боль подсвечивала тенями
 Всё, что мы так безропотно находили,
 Всё, что мы так светло и легко теряли.

В каждом уходе – бесчисленность обещаний.
 В каждом возврате – единственность, без оттенков:
 Мир тяжелеет условиями и вещами –
 Мы уходили прочь из его застенков,

Не обретая опыт, не привыкая.
 Но на мосту, ведущем обратно в кому
 Взглядом встречаясь, дыханием и руками –
 Как в первый раз открывали себя другому.

Жизнь распускалась навстречу – цветком, кострами,
 Снегом, туманом, молчанием или танцем.
 Мы засыпали в распадке между мирами.
 Мы просыпались в глуши неизвестных станций.

...Если всё кончится – острой алмазной гранью,
То с полотна облетят тёмной пылью титры
К играм, в которых мы жили, а не играли,
К жизни, в которой бывают такие игры.

Выйди из комнаты и соверши ошибку.
И совершай её тысячу раз подряд.
Сбрось все настройки и поменяй прошивку,
Глупо купись на подделку или фальшивку.
И пусть все баллы и бонусы к чёрту сгорят...

Может быть, если однажды – не быть собою,
Именем незнакомым дразнить судьбу,
Где-то в самой программе случатся сбои,
Рухнет система. Выйдет портал из строя,
И мы победим – без выстрела и без боя,
Так, что сорвёт нам крышу. Или резьбу.

К чёрту условности, рамки, обломки, части...
Если есть выход – он, несомненно, в том,
Чтобы не соответствовать, отличаться –
Может, только тогда и случится счастье
С нашим – таким несбывшимся – на контрасте.
Только бы не пожалеть ни о чём потом.

P.s

Скажешь, что это не я? Не такое кредо
Стоило бы избрать? Всё, конечно, так...
Я проиграю. Да я и не жду победы.
Я отступлю, поддамся или уеду,
Да, я уже купила билет на среду.
Вышла из комнаты.

Далее – пустота.

Он не был принцем или драконом, она – принцессой.
 Они не жили в волшебном замке и в чаще леса –
 Всё было проще: кленовых листьев сияли звёзды
 Над тихим счастьем. Над тихим садом. Всё было просто.
 Не то что скучно – но однозначно и однотонно...
 И платье белым уже сияло – к весне – бутоном,
 И он подумал: «И это всё, что даёт мне случай?
 А ведь там дальше – вдруг будет больше? Вдруг будет лучше?»
 Ему хотелось – земли в пожаре, небес в алмазах,

Чтоб не тихонько, чтоб в полной мере, чтоб всё и сразу,
 До бессознания, опустошения и до упада!
 А ей – оставить и звёзды листьев, и горечь сада.
 Да, повиниться, да, отступить, да, распрощаться,
 Чтоб после просто идти свободно навстречу счастью.

.....

Пройдёт три года с тех пор как он отступил и бросил.
 Увянет платье на старой ветке, наступит осень,
 Сады в сквозные резные арки преображая.
 С ним не случится небес, алмазов или пожара.
 С ним не случится любви безумной и страсти жгучей,
 И та, чьё платье давно увяло – вдруг станет лучшей,
 И тихий сад её (звёзды листьев, плодов корзины) –
 Как раз то место, где он хотел бы прожить всю зиму.
 Вернуться, сдаться, встать на колени, остаться вечно,
 Не сомневаясь, что всё простится ему, конечно,
 Что эти годы его любили, его здесь ждали,
 Пока иные искал он где-то миры и дали...
 И эта горечь в её уставшем, поникшем взгляде
 Пройдёт, как только он нежно руку её погладит.
 И всё вернётся, всё станет лучше ещё, чем прежде!
 И он подходит к заветной двери в слепой надежде
 Попасть обратно в тот сад, что вечен, надёжен, прочен...
 Но сад покинут. Опали звёзды. Дом заколочен.
 Лимит исчерпан, момент упущен, билет просрочен...
 И только горьким осенним дымом сон оторочен...

Лабиринт Мёнина

(Из Макса Фрая)

Вы, отправляя в путь нас, сказали: «Там будет пекло».
В сущности, так и было – мы верили в ваше слово.
Нас поглощало море. Солнце нас жгло – и блекло.
Мы умирали вместе. Мы воскресали снова.

Всё, что случилось с нами – не вытерпит и бумага.
Кто я, чтобы чужие ей предавать секреты,
Тайны иных вселенных, тайны запретных магий –
Кто я, чтоб ваши, учитель, мог нарушать запреты?

Как вы сказали – было: и бело, и беспросветно.
Мы сами строили двери там, где не было двери,
Изобретали законы, придумывали приметы,
Лишь было б, на что ссылаться, было б,

во что поверить...

Он состоял из улиц, парков, садов и комнат –
Даже не то чтоб страшных, но точно, совсем нездешних,
Ваш лабиринт, в котором мы забывали, кто мы,
Путались в днях и датах, в поисках безуспешных.

Но принимали данность, чтили закономерность:
Видно такой уж жребий был нам судьбой назначен...
Видите ли, учитель, так мы хранили верность,
Мысли не допуская, что может быть и иначе...

...Если бы мы угадали, если бы мы сумели,
Если бы вы, учитель, не предрекли нам муки
В странствии нашем странном и в достиженьи цели –
Может быть, нас вели бы встречи. А не разлуки.

Может быть в первом мире, в первом уютном баре
Нам принесли б напиток – тот, что так дивно пахнет
Яблоками и хвоей – и мы бы в хмельном угаре
Путь продолжали лёгкий без суеты и страха.

Был бы не мором – миром каждый наш миг
и праздник...

Мы ж их растратили в страхе, в ужасе, безрассудстве...

Вы предрекли нам смерти, обмороки и казни.
 Так мы и жили, Джуффин.
 Как нам теперь очнуться?..

Мы больше ничего не будем ждать.
 И сразу станет просто и возможно
 Принять как данность и как благодать
 Всё сущее, отмерянное, Божье.

Вот так, как свет струится сквозь окно,
 Как скрипом отвечают половицы
 Моим шагам – мы всё, что суждено,
 Переживём. Иного – не случится.

Не будет ни страшней и ни больней,
 Чем Бог судил. Я руку разжимаю,
 Я оставляю у подножья дней
 Туманы ноября и сумрак мая.

Там, где мы будем, этого с лихвой!
 Там каждый гость любим, желанен, прошен,
 Я это понимаю головой...
 Но можно ли остаться здесь, живой,
 Сложив с себя привязанностей ношу?

Нет, никому из нас здесь не дано
 Сдаваться, отступаться добровольно.
 И свет уже струится сквозь окно,
 И нам пора. И нам совсем не больно.

И мы пройдем – как будто по мосту,
 По тонкому надмирному карнизу,
 Минуя высоту и пустоту...
 И мы очнёмся, перейдя черту,
 На новом свете, щурясь на свету,
 Где ждут нас те, кто раньше нас был призван.

Жизнь неслась впереди в лёгком танце: обманка, приманка,
В звоне бус и браслетов, в цветочном цветастом венке,
Так безумно-бездомно: бродяга, гадалка, цыганка,
Без вещей и условий – бессмысленно и налегке –

В лёгком ритме то рэпа, то старого доброго джаза,
Жизнь неслась, глядя ввысь через розовые очки.
Жизнь неслась впереди, так и не обернувшись ни разу,
Так и не протянув опоздавшим, уставшим руки.

А за ней – словно в трансе, не смея приблизиться слишком,
Но не в силах отстать и не слышать шагов её звук
Я тащился, давно самой слабой надежды лишившись,
Хоть когда-то войти в этот солнечный избранный круг.

Я мечтал: только шаг, я её догоню наконец-то,
Я решусь, я вольюсь в этот танец и в этот мотив,
Всё начнётся – точнее вернётся – и радость, и детство,
Я смогу их прожить, все события вспять обратив.

А потом оказалось, что поздно. Что в лёгком безумстве
Мне за ней не брести, попадая то в такт, то не в такт
Лёгким ритмам её, и под тёплым дождём – не разуться,
Не собрать из цветов ни букет, ни магический знак.

Как я мог упустить эти ритмы, уловки, улыбки,
Эту невыносимую лёгкость её бытия,
Не пройти босиком по границе, размытой и зыбкой,
Где любовь и свобода и искренность – через края...

И я замер на миг, и мечта моя крылья сложила.
Я смотрел, как смеясь, ожерельем стеклянным звеня,
В лёгком танце хмельном, равнодушно и недостижимо
Жизнь моя уходила в рассветный туман от меня.

Вот и опять густой медовый август
В сиянии и спешке миновал –
Всё на одном дыхании, без пауз,
А дальше – снова осень и провал.

Остановись, мгновенье, ты прекрасно,
 По самой грани осени скользя.
 Но я пытаюсь удержать напрасно
 Всё то, что удержать никак нельзя:

Кружение ос над кофе с белой пеной,
 Парк, воплотивший золото в лучи
 Своих аллей, где август постепенно
 Отходит и почти мироточит,

Как свет голландских золотых полотен,
 Как хрупкие песочные часы.
 И мир безлюден и уже бесплотен,
 Замедленный движением осы.

Здравствуй, Друг! Я пишу тебе – знаешь? – из Рима...
 В наших питерских вёснах всегда есть какой-то подвох,
 Ну а здешние вёсны – незыблемы, неоспоримы,
 Как цветение роз и жасмина. Как выдох и вдох.
 Всё отсюда как будто иного масштаба, калибра.
 Из вчерашних дождей, опозданий, метаний, простуд
 Выхожу переулком на берег зелёного Тибра,
 Над которым густые сквозные каштаны растут.
 Сколько раз от меня эта зыбкая цель ускользала...
 Оказалось – всё проще, и заговоры не нужны.
 Триста баксов, билет и отель прямо возле вокзала.
 Просто сесть в самолёт – и очнуться за гранью весны.
 Меня сводят с ума эти улочки, пята, палаццо,
 Мрамор пышных фонтанов – и ветхость облупленных стен,
 Запах кофе повсюду, живые скульптуры, паяцы,
 Даже пицца! И шпицы! Ей Богу, ты можешь смеяться –
 Это счастье! Вот так вот бездумно, бесцельно болтаться,
 Ничего не хотеть и совсем ничего не бояться,
 Ничего не просить пустоте этой полной взамен...
 Это глупость, конечно – еда, переулки, собаки,
 Разноцветье ажурных балконов – с цветами, с бельём...
 А ещё здесь растут восхитительно красные маки!

Было б здорово, знаешь, найти их однажды вдвоём.
 ...Будут будни стучаться ко мне во все почты и чаты,
 Номер мой набирать, и писать, и названивать в Skype.
 Я уехала в Рим. Мой пустующий дом опечатан.
 Жаль, что ты не со мной. Правда, жаль. Остальное – пускай!..

Ксения ЛАВРЕНТЬЕВА

Купанье Красного Коня
 На алой зорьке у обрыва,
 В затоне – отблески огня,
 Он жадно пьёт на склоне дня,
 Рубином отликает грива.
 Гольмдорфский лес,
 Седой родник –
 Былых пиитов вдохновение,
 И кречета протяжный крик –
 Один он царствовать привык
 Над беззащитностью мгновенья.

Рельефы красных берегов
 И вдалеке идущий поезд:
 Здесь седовласый Гончаров
 В тиши осенних вечеров
 Слагал любви земную повесть.

Купанье Красного Коня –
 Петрова-Водкина шедевры,
 И силуэт в урезе дня,
 И капли падают, звеня,
 И ржанье будоражит нервы.

Смотрю вослед из-под руки...
 Но тени прошлого ревнивы.
 И души предков – мотыльки –
 Взлетят, прозрачны и легки,
 Над безысходностью Обрыва.

Меж роковой ошибкой и простой
Так долог и непредсказуем путь.
Октябрь дорогу преградил листвою,
А ветер шепчет: Прошное забудь!
Забудь! – звенят стальные провода,
Забудь про свой единственный приют,
Не пересечься рельсам никогда,
Следы в пустыне ветры заметут.
Не прорастёт через песок трава,
Уйдёт на дно заветное кольцо,
И канет в лету юности пора,
И станет маской нежное лицо.

Две тени с фотографии сойдут,
Когда весь город погрузится в ночь,
Как призраки вдоль зданий проплывут
И нежности не смея превозмочь,
Сплетутся пальцы в гулкой тишине,
Уста сольются из последних сил.
И в этот миг ты вспомнишь обо мне,
И я пойму, что ты меня простил.

Memoria

Стало вновь одиноко и жутко
После зимних метелей и вьюг,
И холодной блестящей шуткой
Тонет в белых ночах Петербург.

Он рукою из меди и стали
Нас уводит в туманную даль.
Светотенью на бледной эмали
Вековая ложится печаль.

В сердце след от былых наводнений,
И видны сквозь парадный амбир
Изнемогший на камне Евгений
И летящий в доспехах Кумир.

На грани двух тысячелетий

На грани двух тысячелетий
Земля свой замедляет ход.
На грани двух тысячелетий
Мы переходим реку вброд.

А с фотографии истлевшей
На нас свой устремляет взгляд
Осколок, чудом уцелевший,
В дверях истории зажат.

Иные молят нас остаться,
Но мы идём, идём вперёд,
Чтоб перед теми отчитаться,
Кто переходит реку вброд.

Поезд

Плацкарт. Боковая полка.
Чуть дрогнул последний вагон.
И снег оседает колко
На опустевший перрон.

Окурков пустые гильзы
Разбросаны здесь и там,
А ветер сдувает искры,
Затёртые по углам.

А поезд всё мимо и мимо
Железнодорожных постов.
Безжалостно, неумолимо
Мелькают пролёты мостов.

Сипит и гремит железно.
То вправо, то влево крен.
А посередине – бездна
И ничего взамен.

А дальше – тоннель без света.
Проклятье... Остановись!
И эхом обрывки ответа:
«Нельзя! Это Ваша жизнь».

Прощание с музеем в пос. Сиверский

Из сплетённых корней ступени
Поднимают нас выше и выше,
А над пропастью носятся тени,
Заповедное Прошлое ищут.

Здесь рябиновые закаты
Сторожат в каньонах туманы.
До свиданья, родные пенаты,
«Лялин луг» и «Жаркие страны».

Вы простите мечту сумасбродки –
С косогора к реке скатиться,
Побродить вокруг «Сковородки»
И увидеть синюю птицу,

Постоять на краю обрыва,
Глянуть вниз, не теряя рассудок,
Где качается неторопливо
На волнах букет незабудок.

Электричка

О, роковая электричка,
Где сломано одно сиденье.
Сгорело прошлое, как спичка,
В одно мгновенье,
В одно мгновенье.

Зачем исполнилось желанье
Так скоротечно,
Так скоротечно,
А данное взамен страданье
Так бесконечно,
Так бесконечно.

Сойти б на первом полустанке,
Ища спасенья,
Ища спасенья,
Но знает всё судьба-цыганка
Без исключения,
Без исключения.

Неужто надо покориться?
Оставь вопросы,
Оставь вопросы!
А электричка дальше мчится...
Стучат колеса,
Стучат колеса...

Татьяна ЛАПИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

У берегов Английского пруда

У берегов Английского пруда
На бликах солнечных покачивались лодки,
Ласкал портвейн студенческие плотки.
Мы были молоды и счастливы тогда.

На берегах Английского пруда
Теперь дорожки строги и линейны,
Сирень сиренева, а лилия лилейна,
Не рвать, не мять, не заходить туда.

По берегам Английского пруда
Траву равняют аккуратной грядкой,
Так и у нас по строгому порядку
Разложены десятками года.

В каких морях сегодня та вода?
И лодки те в каком уснули месте?
Какая разница, когда мы снова вместе
На берегах Английского пруда.

Как я провёл лето

Вот и лето пролетело,
Проскакало, просвистело
И песком прошелестело,
И волною протекло.

В сотый день с начала мая
 Некто, губы поджимая,
 Процедил, часы снимая,
 «Ваше лето истекло».

Да. Оно качелью пело,
 В небо, ухая, летело,
 Кувыркалось, как хотело!
 Пролетело – что за дело!
 Хорошо – не проползло.

Репино

Кто наколол щипцами этот лёд
 И аккуратно уложил на край залива?
 Кто подчеркнул сосновым перелеском
 Наивную полоску горизонта?
 Под этим ракурсом видней, что жизнь идёт
 То кривобоко, то в галоп, то суетливо...
 Мы строим стены льда, чтоб перелезть их,
 И нету никакого дела нам до сосен.
 Мы движемся с заливом по соседству
 С лентой. Иль с негой. С наслажденьем томным
 Потягиваем через трубочку беседу,
 Что вспомнится, а может нет, потом нам.

Декабри

Сергею Степанову, 2007, декабрь

Утро, вечер, понедельник,
 Лето, Новый год.
 От недели до недели
 Стрелки жизни, что поделать,
 Ускоряют ход.

Ты ещё не стар, конечно,
 Что там говорить,
 Но уже ведёшь поспешно
 Счёт на декабри.

Щёлкнут счёты,
 Спросят: «кто ты?»
 Годы у дверей.
 Ты ответишь: «Я и рота.
 Рота декабрей».

Соло

В Летнем саду белой ночью
 Нет свободных скамеек.
 В Летнем саду белой ночью
 Белой сирени цвет.
 Стану на главной аллее
 И, тайну хранить не умея,
 Выпишу пальцем на небе
 Свой наивный сонет.

В Летнем саду белой ночью
 Я выступаю соло.
 Грустная это задача –
 Где мне второго взять?..
 Буду играть на решётке,
 Словно на арфе Эола,
 Золотом кончиков копий
 Музыку вальса вязать.

Картина

Нарисуй картину –
 Чтобы пахло морозом,
 Чтобы кололись иголки
 Синих еловых лап.
 Нарисуй картину,
 Чтобы небо беззвёздное
 Осветилось тысячью
 Маленьких ламп.
 Нарисуй картину –
 Чтобы в синий вечер
 Затаили дыханье

Двое в трепетный час.
 Нарисуй картину,
 Чтобы верилось в вечность,
 Чтобы знать, что счастье –
 Это сейчас.

Синий вечер

Наступает синий вечер,
 Синий-синий,
 Но сначала голубой.
 Там осина сине стынет,
 Так бы стынуть нам с тобой.
 Так бы стынуть
 или сгинуть,
 иль пропасть –
 Чтобы вечер.
 Чтобы синий.
 Чтобы всласть!

Мария ЛЕОНТЬЕВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
 Института Культуры, Арт-эксперт*

Я открыл океан

Я открыл океан – он шептался в ладонях,
 Он свивался в барашки доверчивых волн.
 И краснел маячок на лазоревом фоне,
 Или это маяк для стихии был фон?

Рыбы мне улыбались, вздымались их жабры
 В такт биению подводных холодных ручьёв.
 И взрезал тело волн свежеспущенный якорь,
 Он метнулся в пучину от вечных оков.

Океан мой приветствовал шёпотом стены
Тесной кухни и вид на соседский чердак.
Я с трудом оторвался от водной вселенной,
Убирая ракушку в свой школьный рюкзак.

Цель

Я дошёл бы до края земли,
Хоть дороги все заросли.

Я дошёл, не жалея б стоп,
Забывая про автостоп.

Я дошёл бы за пару лет,
Под рукой если Интернет.

Я дошёл бы без всяких карт,
Ориентируясь на закат.

До тебя не дойду никак,
Я в пути не сбавляю шаг.

Может, ты где-нибудь не здесь,
Если только ты вправду есть.

Предчувствую

Предчувствую: в грядущем нет обиды
И пустоты сгустившихся теней.
Разгонит тучи, грозовые с виду,
Холодный ветер по пути к весне.

Очистятся протоки и каналы
От грусти зимних маленьких чудес,
И зазвучит над городом хрустальный
Сосульковый и воробьиный лес.

И всё предстанет ясным и открытым,
Как широко распахнутый мешок,
И в половодье солнечном умытый
Сияет чистый стихотворный слог.

Как вывеска над булочной лавчонкой,
 Калач румяный над вселенной всей,
 Приветствует весну синицей звонкой
 И стаей прилетающих гусей.

И гармонистом у дороги шумной,
 И ожиданьем долгих выходных.
 И так свободны и просторны думы
 У самого приветствия весны.

Наш боцман

Наш боцман – разъярённый бык
 Был к убеждениям глух.
 Он ром с утра принять любил
 И спал порой до двух.

Был капитан, как чёрт, хромою
 И, точно боцман, пьян.
 Украшен жёлтой бахромой
 Сверкал его кафтан.

Внушал нам капитан: вперёд!
 Всех победим врагов!
 Наш кок уже готовит торт
 Из старых башмаков.

Врагов разбили мы легко,
 Пора и по домам.
 А добрый торт из башмаков
 Едва ль по вкусу нам.

Но вовсе не осталось сил,
 Наш стал ужасен вид.
 У самых берегов родных
 Корабль был разбит.

Ропщут призраки в Ропше

Ропщут призраки в Ропше
Наяву и во сне,
Нет печальнее ноши,
Тяжелей и страшней.

Так, минуя столетья,
На цепи, точно псы,
Стонут призраки в клетки,
И вздыхают в усы.

Может, был император,
Может, грубый лакей,
Смерть поставила рядом
Дедов и сыновей.

Здесь турист лишь задержит
Взор на груде камней.
Всё прекрасное прежде
Ныне – царство теней.

Говорили горы

Говорили горы: мы сильны,
не боимся неба и земли,
на вершинах наших гордых замирают сны,
что родились в зелени долин.

Говорили горы: реки точат нас,
вести принося издалека,
сотни лет минули, словно час,
реки высохли, – напрасные века.

Вспоминали горы: были мы одни,
вдруг миры заполнились людьми.
Люди – муравьи, а мы – не пни,
вряд ли наши судьбы сплетены.

Гром разбудит в чёрных недрах стон,
пробуждая песни о былом:
как сокровища стерёг дракон,
как в горах отшельник строил дом.

Как рождались горы из песка,
 вылуплялись, будто бы птенцы,
 и вздымали прямо в облака
 первые отважные зубцы.

Как тянулись, обрастая мхом,
 закаляясь в солнечных лучах,
 чувствуя всем каменным нутром,
 что из бездны к ним вызывает страх.

Прорезали гущи облаков,
 словно зубы белую десну,
 облачившись в ледяной покров,
 проводили навсегда весну.

Говорили горы: мы умны,
 Помним всех живых по именам.
 Изредка мы даже видим сны —
 летние долины снятся нам.

Сергей ЛУЕХИН

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Ты меня ещё не забыла?
 Видишь, я всё ещё жив.
 Ты меня называла милым,
 А теперь стал я чужим.

На зов твой срывался бешено,
 А в голове туман,
 И сердце им занавешено,
 И был я будто бы пьян.

Сердце, не будучи ревностным,
 Тогда понять не могло,
 Что было просто разменянным.
 Любовь сменило вино.

Ты меня ещё не убила!
Видишь, я всё ещё жив.
Сколько в твоём сердце милых,
А сколько уже чужих?

Любимая, ты от меня далеко,
Но я ветром тебя поцелую.
Солнцем, словно рукой, задену легко.
Обниму тебя ночью, родную.

Я дождём растворю печаль в тебе,
На заре нарисую улыбку.
Я на ушко шепну тихонько судьбе,
Про ту нашу большую ошибку.

Кленовым листом приземлюсь на плечо,
Будто нежно прижавшись щекою,
Я поцелую тебя так горячо,
Словно море хлынет на пирс волною.

Я светом луны успокою тебя,
Вытру слёзы сухим дуновеньем,
И на закате приласкаю любя,
Прошептав – «Я ушёл на мгновенье».

Душа прострелена навывлет –
И умирает, не спеша.
А в памяти так много дырок,
Но нет в руке карандаша.
А я бы всё закрасил ярким,
Игривым, радостным, смешным –
Заполнил карту, но куда-то –
Пропали все карандаши.

Елена ЛИТВИНЦЕВА***Член Союза писателей Санкт-Петербурга***

Ноутбук горячий на колене,
Снова стрелка дёрнулась в ночи.
Штурман и водитель – сущий гений
Едут сквозь пургу в Боровичи.

Миллионы бегающих битов
Отражают время и простор.
Восемь, девять, десять спутников
Видит умный маленький прибор.

По дороге в сторону Валдая
Нарисуем свой полночный трек.
Нам с размаху в стёкла попадая,
Оплеухи дарит мокрый снег.

Превращая лужи в фейерверки,
Экипаж несётся легковой.
Лучше нет для техники проверки,
Для любви и дружбы роковой.

Доберёмся и напьёмся все мы,
Многokrатно поднимая за
Навигационные системы,
Милые усталые глаза.

Лумиваара

Ура, Карелия, я чую дух родной,
Когда въезжаем на твои крутые горки.
Чтоб накормить моих бойцов, всегда со мной
Замаринованная курица в ведёрке.

Бойцы довольны, красоты земля полна.
Её возможно пригубить и насладиться.
Неблизкий путь, блестит меж ветками луна.
В кармане рация: я – Гусь, привет, Синеца!

Смотри, как клонит над дорогою сосну
В клубях пушистого подснежного пара.
Ответь Еноту, Белка, если я усну!
Провозгласи в эфир: привет, Лумиваара!

Когда б имел ты волновые свойства, дядя,
Летал по воздуху и прыгал по воде,
Не знал бы холода, на прочие не глядя,
Ты не молился бы единственной звезде.

Она давно уже упала в глушь земную.
Лежит и светится, другому тихо врёт.
Какой-то выхухорь поймал, решил – возьму я!
Хранит за пазухой и в рот её берёт.

Преображайся, выкинь лишнее и вейся!
Ах, дядя, станешь дымом, облаком, волной –
Во все отверстия проникни и посмейся
И над собой, и над звездой, и надо мной.

Весёлый день от напряжения устал,
Жужжала танго заблудившаяся муха.
Одно мгновение – и мир затрепетал,
И «поцелуемся давай» шепнул на ухо.

Четыре вздоха, – и друзья уже в пруду
В слиянной радости растряхивают тину.
(Из-за куста в трансэротическом бреду
Зеваки видели щемящую картину.)

Как это можно, чтобы тронула чело
Такая нежность и ворвалась в альвеолы?!
Сошлись два физика, и больше ничего,
Помимо факта, что пьяны и разнополы.

Ты в зыбком небе держишь руль в руках,
И не смутить тебя, строкой туманя:
Не парься с журавлями в облаках,
Когда внизу совсем другая баня.

Такой наддув, такие риск и жар,
Что тут на тверди можно задымиться!
Тебя так ждёт травой шуршащий шар.
На нём большая нежная синица

Обнажена, пьяна, искушена
По твоему жестокому приказу –
С ней боль, когда с тобою тишина,
И кучевая даль приятна глазу.

Тебя б держала вечная земля
В полях любви на самом тёплом хлебе.
Но неотвратны гены журавля,
Парящего в неравновесном небе.

Эйнштейн не описал такое тяготенье
И с помощью каких частиц не описал
Горячие слова, сердечное хотенье
Влияют на эфир, на время и металл.

Мы делаем дела, но движется повсюду
Энергия любви, рождённая судьбой.
Мне нужно уходить, – помой за мной посуду,
Но поля не унять меж мною и тобой.

Эйнштейн не описал какие расстоянья
Способно одолеть душевное родство.
Старик не описал экстаз существования,
Но каждый, кто влюблён, опишет за него!

Элементарная частица,
Тебя на свете вовсе нет!
Одна энергия струится
Из века в век, из света в свет.

Стихи, прозрения, обиды,
Любовь, смущающая нас,
Из глаз летящие флюиды,
Конечно, не имеют масс.

Так что ж я, братцы, не летаю?
Ппустила корни, как цветок.
Видать, погоды ожидаю –
Уйти в светящийся поток!

И было всюду торжество,
И сын мой в этот день постригся,
И сердце пело от того,
Что мир нашёл бозоны Хиггса.
Но рассказали мне на днях,
Что эти самые бозоны
Давно водились в Дибунах
Чуть сбоку от болотной зоны.
Давным-давно уж их поймал
В свой окуляр волшебник местный.
Он мох болотный отжимал
И получил настой чудесный,
Как вдруг бозоны понеслись,
За ними кварки и нейтрино
Направо, влево, вверх и вниз
Заряда разного и спина.
Да... В Дибунах полно чудес!
Мы тут с тобой теряем массу,
Когда вприпрыжку через лес
Бежим к автобусу на трассу.
Тут гравитация в тиши
Слабеет, небо отступает.
И что там до твоей души,
Коль тут и гусь бодрей взлетает!

Евгения ЛОГВИНОВА

буря такая, что легче повеситься.
десятка внутри по десятибалльной.
а всё это действие фразы случайной,
мол, всё это временно, вы перебеситесь.

это похлеще «удушья» Паланика
и посильнее цунами японского,
это пожёстче стихов Маяковского,
всё потому, что твой голос в динамиках.

резкие фразы. мурашки по коже.
зрачки расширяются, пальцами в волосы,
хочется чувствовать — чувствуй всё в голосе,
говоришь, любишь?
господи, тоже мне.

ладно, проехали.
я тебя тоже.

просто давай допустим, что это так.
что мы не знакомы, живём с тобой в разных странах,
я буду в центре, ты будешь в стране каналов,
давай допустим, что наша встреча — пустяк.

давай предположим, что мы с тобой не знакомы,
что мы с тобой в разных галактиках жили раньше,
твоя планета моей чуть-чуть будет дальше,
что мы никогда не встречались у этого дома.

что все города когда-то ушли ко дну,
потянув за собой и тебя, и меня, и всех,
и тогда на моё «люблю» сквозь твой смех
всё, что я слышала бы — тишину.

дым сигаретный, разбитые стёкла,
закрыты замки, душа на них же,
хранят все тайны, взлетая выше,
и разбиваются на осколки.

яркими листьями, тонкими пальцами,
стуком колёс в вагоне метро,
чувствуя только неба тепло,
выйдя на самой последней станции,

медленно, верно в себе разбиваться,
как те же осколки и стёкла оконные,
как бьются чайки о скалы бетонные,
и никогда,

никогда не влюбляться.

Здравствуй, моя любимая истеричка.
Моё письмо тебе, как всегда, неотправленное.
Вот уже догорает, тобою отравленное.
А ты всё молчишь, моя непривычка.

Давно уж хотела тебе написать,
Только вот рука всё не поднималась,
Я бы всё отдала, чтоб ты просто осталась.
Но и здесь есть нюансы: тебе наплевать.

Мы бы вместе с тобой готовили ужины,
Слушали песни, от которых тошнило,
Как вспомню, так вздрогну. Я же правда любила.
За что, не скажу. Ты просто заслуживала.

И жаль мне, что больше к тебе не приеду,
Что больше не сяду с тобой на кровати,
И ты не напишешь мне очень некстати,
Что, мол, я могла бы прийти в эту среду.

Случается же, что люди уходят.
А вот ты не ушла, ты просто исчезла.
И в следующий раз, будь так уж любезна,
Будь аккуратнее на повороте.

И это письмо я тебе не отправлю,
Оно заискрится сотней огней.
И подпишу его мелким почерком, чтобы было как можно больней.
И даже на память тебе не оставлю.

Я просыпаюсь в маленькой комнате, полной больших теней.
И засыпаю в простуженном городе, думая только о ней.

купи билет на ушедший поезд.
и помни: когда-нибудь я приеду.
лет через пять, а может к обеду.
и ты так же встретишь меня на пороге.

и так же, как раньше, пригласишь на чай.
потом я уеду в свой тусклый Питер.
с собой захвачу твой любимый свитер.
ты только, ну, хоть немножко скучай.

Я к тебе никогда не вернусь.
Даже если ты будешь мне снится,
Мне в тебя никогда не влюбиться.
Я тебя позабыла, клянусь.

Я к тебе никогда не вернусь.
Даже если ты будешь мне клясться,
Я смогу от тебя отказаться,
Я на крик твой не оглянусь.

Я к тебе никогда не вернусь.
Даже если ты будешь молиться,
Даже если решишь застрелиться,
Я нажму на курок, ну и пусть!

Но как только к тебе прикоснусь,
Я найду тебе сто оправданий,
Я прощу тебе ночи рыданий,
Ну, конечно, к тебе я вернусь.

Сердце сломано, сбито, растерзано,
Разлиновано, переломано,
Перебито продольными рельсами,
Перерублено и разорвано.

В ключья скомкано, в реку брошено,
Камнем в воду, о дно разбитое,
Ну, за что ты, моя хорошая,
Так и бросила, не добив его?

Я как Анна Каренина с поездом,
Как Джульетта с Ромео в гробу,
Но клянусь, лишь услышав голос твой,
Я, как дура, с ума сойду.

Мне тебя обещали, слышишь?
В сотнях книгах и сотнях страниц,
Мы с тобой покорим все крыши
И уснём на изгибах ключиц.

Екатерина МАЛАКЕЙ

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

«Просто ты шотландка, а я твой виски» –
Опохмельный голос стучит в висках.
Ты сейчас так далёк от меня, мой близкий,
И меня обвивает тентаклями страх.

Бесконечность конечностей адовой боли
День за днём пытает, где мой предел.
Обнулилась жизнь, но в остатке – воля,
Ведь её никто сломить не сумел.

Пролетят недели, и дни, как пташки,
 Зажимая в клювах упругий кнут,
 Мне протянут не пряник да чая чашку,
 А билет в пустой и тяжёлый труд.

Что осталось? Лишь ты, да надежды капля,
 Что смогу души расчехлить гармонию.
 Я одна, на одной ноге – как цапля...
 Возвращайся. Зажги чудотворный огонь.

Хандра хватает за горло и стискивает виски.
 Где спрятаться, где укрыться от злой тоски?
 Одной не найти пути, одной не найти ночлег.
 Ищу я твоей руки, спасительный оберег.

А губы обожжены лишь ветром пустых надежд,
 И ветер любви давно с меня не срывал одежд,
 Бреду как в бреду, и очи заволокло от слёз,
 Исколото тело тёрном, но далеко до звёзд.

А месяц кусает жадно черничного неба торт,
 С куличёк бежит вприпрыжку неугомонный чёрт,
 Да волки заводят снова долгую песню свою,
 Балладу воскресших мыслей в гитарном двойном бою.

Осколки мечтаний прежних русалочий ранят хвост,
 Но солнце горит всё ярче, вбирая огонь волос,
 Бросая надежды на ветер, на тёплый соленый бриз,
 Для той, что во льдах сомнений надёжна, как антифриз.

Зачем ты случилось, прошедшее счастье,
 Зачем ты терзаешь и дразнишь меня?
 Как горько терять всю себя часть за частью,
 Не в силах сберечь и не в силах понять,

Где истинный путь, хоть какой-нибудь путь,
 Идти по которому можно вперёд,
 Где сможет хоть каплю надежды глотнуть
 Измученный жаждой любви пешеход.

Как горько не знать ни себя, ни других,
Не в силах хоть делом каким-то занять
Бессильное тело, и в жилах тугих
Ничтожность свою словно боль ощущать.

Все прошлые грёзы покрылись тоскою,
Как пылью, и тусклы, и серы теперь.
Воздушные замки я больше не строю:
Надежды на счастье в реестре потерь.

Но в каждом мгновеньи скрывается выбор:
Вдох, выдох – всё дольше и дольше живу.
Мой путь так нелёгок, так долог, так зыбок,
Сорвусь ли, прорвусь к своему торжеству?

Гадай не гадай, но кофейная гуща –
Остатки мечтаний всех прожитых лет –
Покажет тот путь, что давно был упущен,
А в новых скитаньях найдётся ответ.

Не люди –
страницы книг
Мелькают
за мигом миг.
Страницу
переверну –
Обратно
я не вернусь.

Написанное
пером –
Изрублено
топором.

Изрублена
жизнь моя.
Обрубок романа –
Я.

Я вас любила. Я любила. Что ж с того?
 Отформатирована память, будто флешка.
 Что вам теперь я ни скажу, ни напишу –
 Всё обратите в грубую насмешку.

Зачем ищу течение той реки,
 В которой вместе плыли мы когда-то?
 И грежу я прикосновением руки,
 Хоть знаю, тем мгновеньям нет возврата?

Зачем, зачем, зачем... Любимый ваш вопрос.
 Но не всегда находятся ответы.
 Зачем пишу? Наверно, на авось.
 Или затем, что подалась (зачем?) в поэты.

Зачем я помню вас, хоть больше не люблю?
 И отчего вы мне так интересны?
 Как хочется мне верить: лучше всех пилюль,
 Чтоб позабыть вас – написать вам песню.

Мандельштаму

Влюбившись в строф твоих объятья
 За нежный холод белоснежных слов,
 Мечтала я, что корабли мне – братья,
 И этот город – город не из снов.

Мне Петербург и ты неразделимы,
 И, поглощая отзвук твоих строк,
 Переносилась в Питер я незримо,
 Где самого тебя, твоих стихов исток.

Я в платье подвенечное одета.
 А может, это саван гробовой?
 Сулит мне белый цвет лишь это лето
 Или года, чтоб стать тебе родной?

Александра МАНЦЕВОДА

Филолог, преподаватель, редактор

*Поэтам Серебряного века и подвалу
«Бродячая собака» посвящается!*

Грядут ко мне воспоминанья,
Я слышу дальний всплеск времён.
Читая повесть мирозданья,
Мой разум прошлым окрылён.
В забытых рондо и сонетах
Звучит посеребрённый вальс,
Чтоб вспомнить вновь о тех поэтах,
Что, пережив нелёгкий час,
Нам завещали строки писем,
Печальный, но цветной куплет...
Чем помыслы свои возвысим?
Душой, что сохранил поэт.

«Поздней ночью город спит.
Лишь котам раздолье.
Путник с улицы глядит
В тёмное подполье».
(Алексей Толстой)

Кого я вижу? Гость случайный!
Что привело тебя в подвал?
Ты не агент? Не держишь тайны
О том, кто к нам тебя послал?
Не фармацевт? Юрист иль доктор?
Поэму купишь за пятак?
Да заходи! Уж ладно! Что там!
Поэтов много... как собак!

К нам все идут, кто знает, где мы.
Есть, чем гордиться! Так живём.
Здесь – все артисты – значит, шельмы.
Здесь высший свет, что правит дном.
Вверх дном поставив все устои,

Запрет на правду отменив,
За стенами подвальной Трои
Живём, твердыню сохранив.

– Сегодня будет Мережковский!
– Сегодня Блок читать придёт.
– Что слышно, как там Маяковский?
– Как там Ахматова живёт?
– Божьих мест не занимайте!
– Помилуйте, за пять рублей?
– Приедет Блок. Скамейки – знати.
А стулья будут для людей.

Уж полночь близится... и в залу
Виденье томное врывалось,
Качнув свой стройный силуэт,
На каблуках... она! Поэт!
Ахматова... как вздох единый
Поэзии неутолимой
Плывёт, печальная шутница
Реченьем новым поделиться.

«Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам.
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам...»
(Анна Ахматова)

Венец терновый новый год
Для каждого из них несёт...
– О чём грустишь ты, Зинаида,
С укором глядя в пустоту?
Неужто время, словно гидра,
Сжирает душу и мечту?
И множит главы разногласий,
Едва затеем их отсечь?
Ответит Гиппиус: «Мужайтесь,
Чтоб сохранить родную речь!»

Прочти нам, Блок, про век железный!
Век девятнадцатый, бесчестный,
Губитель чаяний народа,
Несущий смерть под лозунгом «свобода»!

«Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек...

Эпохи шли, менялись царства,
История одна была:
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели тёмные дела...

А человек? – Он жил безвольно:
Не он – машины, города,
Жизнь так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...»

Так мыслил, думой утомлённый,
Прекрасный Александр Блок.
Но всё ж в страну свою влюблённый,
Вещал о родине пророк:

«Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже сердцу мне...»
Поэт несёт в года лихие
Кадило слова, верности стране.

О, век, на стыке рубежей была
Эпоха, уложившаяся в годы!
Поэты в дни великой непогоды
Посеребрили музе два крыла.

Не все тогда уехали, бежав
Из града, что темнел под чёрной тучей,
Остались люди с верой в дух могучий,
В гранита и свободы вечный сплав.

Тоски смертельной разбивая лёд,
Они терпели бремя страшных судеб,

Надеясь, что потомок не осудит,
Но всё, что было, он приняв, поймёт:

Поймёт без сожаленья, всё как есть.
И в правильном решении будет краток:
В ком благородство – белизна перчаток.
А в ком – без галстука – но в сердце честь.

Они, в подвалах дымных по углам
Ютились в душном зелье сигаретном,
Исправить мир, желанием заветным,
Напоенные с водкой пополам.

Они – свидетели стихийных дней,
Стихами одевались в правды латы.
Перо – их меч. Поэты – и солдаты,
Что присягнули родине своей.

...

Веселье грусть сменяло быстро.
В три ночи наш подвал не спал.
Здесь Маяковский, футуристы,
Выносят блюдо правды в зал.
Судейкина, что польку пляшет,
Красива, чуть обнажена.
Паллада из кокетства вяжет
Полотна дивного сукна.
Кульбин, что в клавиши упёрся,
Стучит по ним, как сам не свой.
Поэты, кто ещё не спёкся,
Играют в карты меж собой.
Полёт свободы и интриги,
Измены, ревность, плеск вина,
Вновь обсуждаемые книги
Собой наполнят ночь до дна...
К утру – развеянные строки
Уставших губ покинут плен.
Поэтов выберут дороги,
Все разойдутся в новый день.

До встречи, артподвал собаки!
Вернутся вечером бродяги!

...

На серебряных крыльях времени
Позови меня за собой!
Я не чувствую больше спасения
Как стать твоей судьбой!
Век грядущий суровыми толками
Не бросай меня в пропасть дней!
Не бродить мне кривыми тропками,
Не запутаться среди теней!
Вижу звёздные, дальние гавани
Моих будущих слов и дел.
Я сама выхожу в плаванье.
Мне никто помешать не смел.

София МАРИШИНА

*Окончила Литературный институт. Дипломант
Московского Пушкинского фестиваля и Воронежского
литературного фестиваля*

Хэмингуэю

Я уничтожен. Сумрачный покой
До вечности суров подобно гейше.
Я был рождён не первою строкой
И скоро буду обещен ей же...

Последний суд, последняя строка,
Уходит воздух, лёгкие взрывая...
Не грешник и не мученик пока,
Но точно мне не дотянуть до рая.

Не дотянуть. Моё и не моё –
Безжалостно высокое призванье.
Не дотянуть. Охотничье ружьё
Дополнит мне картину мироздания.

Велик Господь! Прекрасна и свежа,
Освобождаясь от земного ила,
На небе распускается душа.
Мой прежний голос обретает силу...

Что есть истина? Глупость? А впрочем, об этом ли речь?
Плоскодонка Пилата причалила к дому Аида.
Всем ли рекам в моря безнаказанно вытечь и втечь?
И «ни шагу назад» в продолжении рода и вида...

Вырождаю себя и стенаю в еврейской тоске,
На еврейский вопрос не ответить по-римски и с толком.
Уподобится Tabularasa гранате в руке.
Мне пророчили агнца, да только брюхата я волком.

То ли это привиделось мне? Разговор ни о чём...
Захолустье, кресты у дороги, ведущей от Рима...
Посидим «на сухую» с Пилатом и, может, всплакнём.
Ты ли, истина, в чаше с цикутой проносишься мимо?..

В привкусе Бёлля мерещится Кафка...
Бей непохожих, посудная лавка!
Бей, чтоб боялись свои же, конечно!
Драка неистова и неизбежна.
Бей слишком пестрых и белорогих,
Слишком красивых, слишком убогих.
Серость сердитых сердечна по сути.
Мы – сокровенные серые судьи.
Серые серое требуют «надо»,
Серые серое строили «НАТО».
Серые знали, что это случится.
Ты не согласен? Самоубийца!
Кто-то сказал о какой-то свободе?
Эти активы сегодня не в моде.
Кто-то тут пискнул, что вольному воля?
Бей партизан, середняцкая доля!

Благословляем всемирный отлов.
Мир Буридана – царство ослов!

Буриданова ослица

Не Авель, но впрочем, не Каин...
Чего тебе надо, хозяин?
Ты ради лишь эксперимента
Меня подведёшь под Memento...
Двусмысленна данная поза:
В одной из кормушечек – проза,
В другой всё элегии, песни.
Меню суицида, хоть тресни!
Ослиную вытащу фигу –
Пиши меня в Красную книгу!

Парки

Проклятый жребий – держи! Держись!
Икс в арифметике смерти – сколько?
Брошены кости и чью-то жизнь
Вновь завершает больница, койка...

Тяжкое бремя – такая власть!
Скорбь и отчаянье руки вяжут...
Знайте! Нелёгкое дело – прясть!
Слёзы насквозь промочили пряжу.

Садик Эдемский цветёт в тиши.
Ножницы... Новые муки рая?
Хочешь – не хочешь: помин души.
Ты расцветаешь – а мы срезаем.

Так до скончания. За веком век. –
До беснования, седьмого пота.
Спорить не властны: «Се, человек!» –
Парки: Атропос, Лахесис, Клото.

*Матери Мариш, в миру Е.Ю. Кузьминой-Караваевой,
погибшей в концлагере Равенсбрюк, посвящается*

Небо упало на тёплую спину
Жирных французских полей.
Матерь Мария, по правилам кинут
Кости о доле твоей.

Дом твой в пожаре, и здесь, на чужбине
Новый Иуда рождён.
Тянутся руки – к русской святыне,
К кроткой из светлых княжон.

Стены, застенки, кровавые лужи –
Трудных да вылечит труд!
И выжимает как следует души
Чёрно-коричневый жгут.

Вспомнит ли кто-то тебя? Да от силы
Мальчик... Спасённый... Еврей...
С мудрым покоем судьбу разделила
Матери всех матерей.

Эдип

Видеть... Какой из семи грехов
Мне, бесноватой, оденут тяжёлою цепью?
Семя разбойное – этот вертеп стихов,
Эти колодки для духа, живущего целью...

Я ль не бросала младенцев, мужей и жён?
Знаю черту покаянного кровного блуда...
Был ли мужчина, что не был в меня влюблён?
Нет, согрешили – Христос, Магомет, ну и Будда.

Сфинксы и Стиксы – такое гнильё на вкус!
Лги, убивай, населяя страстями планету.
Только бы снова, опять не пропал искус,
Только бы петь и надеяться быть невоспетым.

Видеть.... Хотя бы лишь несколько рваных строк.
Выблевать душу в последнюю Чёрную мессу.
Так, повернувшись однажды на левый бок,
Бог, рассмеявшись, заставит меня же воскреснуть.

Проще – уйти в монастырь, потерять коньки,
Сесть на иглу, дубликатом всемирного змея.
Милый Эдип! Не тревожьте мои зрачки!
Я жажду видеть,
Я чувствую право,
Я – смею!

Графу Манну

Пожелай мне удачи назавтра,
Брадобрей визуального бреда!
Ты получишь меня не на завтрак,
По средам, а, возможно, по средам.

Не стесняйся! Хоть странно немножко!
(я совсем не похожа на суши!)
Одна тысяча первою ложкой
Ты меня пригуби и откушай.

Я – солёная, горькая – очень!
Без затей эпохального краха.
Я – анчоус поэзии, точно!
Даже без экзистентного страха.

Но по Фрейду, а может по Локку,
На прекрасном библейском верблюде,
Заманю я тебя в мышеловку,
Головой на серебряном блюде...

Антон МЕШКОВ-ПРИПЬЯНСКИЙ

*Студент Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

Я творю поэзию богом забытых мест
Моя слава катится в сотню дворов окрест.
Что река, что улица – сцена и каземат.
Что стена, что курица – зритель и каганат.

Меж знакомых местностей можно идти без глаз –
Каждый шаг в окрестностях мой ускоряет сказ.
Уподобясь времени, слово идёт вперёд,
Несмотря на трение об огородный взвод.

Но назад попятиться – значит забыть себя,
Можно лишь по пятницам и иногда с утра.
До поры до времени свет нежилых квартир
Говорит о бремени лучше, чем старый Лир.

Я творю поэзию богом забытых мест,
Их на каждом выезде гордо венчает крест.
На безликих улицах, между домов-калек
Я творю поэзию, значит, я человек.

Август

Сверчки чеканят час за часом.
Черёд не превозмочь,
И бездну точечным каркасом
Сцепляет прочно ночь.

Течёт туман за частоколом,
Чадит костёр вдали,
И в лунном странствуют просторе
Седые корабли.

Туман на время занавесил
Стараний результат.
Одежды в комнате развесив,
Все в доме наго спят.

Ночь отменяет координаты
На временной оси,
Давая власть патриархату
Пространства средь тиши.

Я замер у ворот окраин,
В преддверье чащ и рощ,
И их немой призыв к скитаньям
Меня бросает в дрожь.

Сверчки чеканят час за часом.
Черёд не превозмочь:
Нам не объять уставшим глазом
Начавшуюся ночь.

Я больше не приписываю вам
Мне незнакомый номер телефона
И не хожу минуту по углам,
Боясь коснуться клавиши дозвола.

Я допустил беспамятство вещей:
В предметах, запахах и комнатах знакомых
Я не увижу след минувших дней,
В них закреплённый чувством, как законом.

Я приобрёл себе иммунитет
К невольным параллелям с вашим жестом.
И лишь над сном пока мне власти нет,
Лишь по ночам я сам с собою честен.

Я думаю всё же, любовь одна,
А все остальные влюблённости –
Лишь лёгкая оттепель, не весна;
Как солнце со сроком годности.

Мне кажется, будто любовь – волна,
А все остальные неровности –
Лишь рябь от ветров, далеко от дна,
Случайная, без мудрёности.

Я чувствую сердцем, любовь — война,
 А все остальные скромности
 Бывают лишь с дури иль от вина,
 С похмелья по протяжённости.

Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ

*Художник-постановщик музыкального и
 драматического театров*

Ни это ли счастье? Люблю Вас, да только...
 От этого больно, от этого горько,
 От этого голос дрожит, и до края
 Меня не хватает. Секунды считая
 Вращается стрелка, и тянутся руки
 Послушай, послушай!.. Заранее знаю
 Не встретиться лучше.
 Меня не хватает.
 Меня слишком мало, и тянутся строки,
 И вяжутся в летопись песен глубоких...
 Без музыки слово, без букв и без жестов
 А мне интересно и не интересно.
 Люблю Вас, да только... Где правды не сыщешь,
 Я битую фразу оставлю для нищих.
 Для тех, кто спокоен в своём покаянии,
 И выбрал изгнание...
 Ты выбрал изгнание...

Спиной к рассвету, путь или черта,
 И под ногами тень неуловима
 Вдоль по проспекту линией легла
 И темноту от солнца отделила.
 Ты, пыльный март, где изморозь берёз
 Схватила крепко льдом стальные лужи...

Спиной к рассвету, будто бы всерьёз
 Мой город так безжалостно простужен.
 Не верь мне, лгу! Такою родилась,
 Самой себе соврала, – больше проку.
 Спиной к рассвету, чтоб хватило власть
 Уйти пешком и не вернуться к сроку.

Не жалеите меня, я как прежде бесстрашна,
 Не дрожит в моём сердце шальная струна.
 Не любите меня, не страдайте напрасно,
 Каждый раз повторяя пустые слова...
 Нерушимые истины – прочные фразы,
 Ими бросить возможно в пролёт пустоты.
 Всё что надо – всегда безоглядно и сразу,
 Мы по воле вещей переходим на «ты»...
 Ты – по клавишам нервов и взгляд – волооко,
 Ты мешаешь меня с равновесием сна.
 Поднебесная даль для тебя одинока
 Как для всех, безвозвратно сошедших с ума...
 Приходи мне соврать так блаженно и ясно,
 Приходи мне, и музыка северных стай
 Размахнётся крылом провозвестною краской...
 Приходи.
 И однажды
 Растай.

Время сожжения

Так полновесна темнота пространства,
 Неразделима с тайною небес.
 Мерцают звёзды белого фаянса,
 Звенящей мглой венчающие лес...
 И мы с тобой одни причастны к тайне,
 Где от огня, ломая тишину,
 Несётся песня тихая, печально,
 Берёт за горло бледную луну.
 Огонь глотает строчки и абзацы,

Вдоль по страницам бережно паря;
 Огонь расставил множество дистанций,
 Поднялся к небу духом янтаря.
 И в этом опьяняющем порыве,
 За пеплом бестелесным, прочь и прочь
 Несётся песня, падая бескрыло
 В ладонь луны, листающую ночь...

Иерусалим

Пустыни наяву, и пряности востока,
 Неистовых небес насыщенная синь...
 Мне кажется теперь, и вправду, я жестока,
 По крышам и углам листать Иерусалим.
 Он приторен, мой друг, он странно горько-сладок,
 И ладан и шафран и масло диких роз.
 Я думала всегда, что каменный осадок
 Его во мне прочтёт историю всерьёз.
 По улицам, вдоль стен, меж радужного рынка,
 Прильнувшие святыни друг другу головой.
 И тянется моя заветная тропинка
 По крышам, повторяя: О, город, ты живой!
 Ты был таким всегда, как смешанные чувства,
 Как розовое масло и приторный сандал.
 И каждый, кто желал, все степени искусства,
 Все меры вдохновенья в одном тебе искал.
 Ах, Иерусалим, ты смешан воедино
 И с солнцем, и с камнями, и с верой и с грехом.
 Поёт моя душа, как прежде, невредима,
 А руки говорят: вернусь к тебе...
 Шалом!..

Мольер

Левитация листьев и нервные пальцы,
 Прошлогоднее небо, как краток твой сон...
 Так давайте кружиться в предательском вальсе,
 Всей душой понимая, как мир невесом.
 Невесомы шаги в сопряжении лестниц,

И беззвучно движение медленных туч.
 Молчаливо гляжу, как в знакомом подъезде
 К незнакомой двери прикасается ключ.
 Все дома одинаково, странно похожи,
 В этом городе кровью напоенный свет.
 Мостовые ложатся под ноги прохожих,
 Как когда-то ложились под грохот карет.
 Это всё так повторно, немного иначе...
 В монотонном сиянии тает свеча.
 Так давайте, мы с вами сегодня поплачем,
 Выпьем белые ночи, как приторный чай.
 Я, знакомая вам только лишь по улыбке,
 По какой-то наивности собственных тайн.
 Странно знать, и на сколько мгновение зыбко,
 Если вспомнить... Но, не вспоминай!
 Все дома так похожи. Лепные рельефы,
 Алебастровый, гипсовый стиль полумер.
 А сегодня весна так легко и нелепо
 Нас сломала, мой милый Мольер...

Ты улыбнёшься, но я тебя вновь не замечу,
 Мутно потупив в открытую книгу глаза.
 Чайный пакетик, туманом линияющий в вечер
 Спустит по краю верёвочку на небеса...

Голос города тише и глуше,
 Руки деревьев, звон тишины.
 А Я говорю тебе: послушай,
 Только послушай, на сколько же мы
 Странные... И не имеем порога,
 Прочного, что называется смысл.
 Я за себя отвечаю, немного.
 Даже немного, но всё-таки мысль...
 Верно! Там лес обнимает просторы,
 Так же, как нас обнимает рассвет.
 Друг, навсегда не задёрнувший шторы

Мне говорил, что безумие вред.
 Глупости! Сколько их делаю, разом
 Сняв с себя маску и вытерев грим.
 Да я мерзавка и просто зараза,
 Каждый мой жест – неповторим...
 Знаешь, хватайся! Бежим, будет радость.
 Руки деревьев и голос лесов...
 Каждому счастье ведь – самую малость,
 Солнце на небе, да ветер в лицо!..

Полу-зимнее

Прикрыты окна. Зябнут клетки улиц.
 Там пустота неслышимых шагов.
 В поблекших окнах, старчески сутулясь
 Мерцают отраженья проводов.
 Трамвай по небу – гром зимы безмерной,
 Размелет слякоть грязною волной.
 Забрызжет стены краешка Вселенной,
 Отметив путь, безрадостно прямой.
 Холодный дождь. А нам обещан праздник...
 И в мокрых елях путая сутаж
 Мы так влачим себя до мыслей праздных,
 Устало поднимаясь на этаж.
 Что за душою? Что ещё осталось?
 Осталась ли хоть капелька тепла,
 Которая на миг подарит радость
 И разомкнёт обыденность двора...
 Быть может снег? Он проще хмурых мыслей.
 Он проще ожидания весны.
 А мы опять и вновь играем в бисер,
 Как будто не для счастья рождены...

Сделка

Я разрешу Вам быть моей собакой.
 Позволю Вам пролягать при луне
 Одну лишь ноту. Это будет знаком
 Всем знакам препинания во мне.

Я разрешу Вам есть с моей ладони,
 Глядеть в глаза мне с тягостной тоской.
 Я Вас нашла в заброшенном вагоне
 На переезде станции пустой.
 Вы были странным... Всё глядели в душу,
 Так лишь собакам свойственно глядеть.
 Хотели научить молчать и слушать,
 Но я всегда желала только петь.
 Я разрешу вам «рядом» и «довольно»,
 Я разрешу вам «место» и «домой»,
 Я буду непреклонна и спокойна,
 Покуда Вы с понурой головой.
 Вы не щенок, весёлая игрушка,
 И зубы знают тот солёный вкус.
 Пускай, так неприметно, малодушно,
 Но, всё ж, боюсь...

Мне холодно от вашего дыхания...
 Мой город, я молю, не замолчи!
 К моим усталым пальцам примерзают
 Забытые от комнаты ключи.
 Мне холодно, в презрении прохожих
 Ловить свою невидимую цель.
 Мне холодно, и что же делать, что же?
 Идти, не спотыкаясь сквозь метель.
 Идти, не оборачиваясь. Сзади
 По блеклым стенам, вдоль оконных рам
 Моя же тень скользит. Чего же ради
 Я тоже тень дворовых панорам.
 И так, безмерно двигая минуты,
 И вновь, размерно делая шаги
 Я прохожу знакомые маршруты,
 А за спиной мерещится: беги!..

Екатерина МИТИНА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
университета*

А.С. Танкову

Как хочу целовать нет, не щёки
И не Вашу столь одарённую руку.
Я хочу целовать Ваши строки,
Кипятком разогнавшие сладкую скуку.

Словно милостыню выпрашиваю у ночи я,
Забирая копейки у времени.
И вприкуску с тире, с многоточием
Пью взahlёб Ваши стихотворения.

Как же это прекрасно, восхитительно просто!
Все проспекты и чувства давно мне знакомы.
Пусть теперь под подушкой подгузник и соска,
А в ногах притаились Белоснежка и гномы,

В этих летних сухих чёрно-белых страницах
Не отыщешь мультяшных героев Диснея.
Отчего с Вашей книжкой никак не проститься,
Всё никак не окончить свидание с нею?

Эликсир молодости

Есть люди, что спешат омолодиться
И гонятся за внешней красотой.
Для тех, кому уже давно за тридцать,
Есть у меня секрет простой.

От старости проверенное средство:
Смотреть на мир «во все глаза»,
Жить, удивляясь, по законам Детства
И верить в чудеса!

Единорог

Я ушла в страну желаний,
Я ушла в страну фантазий,
Через рощу ожиданий
По одной из трёх дорог.

И от помысла дурного,
И от злого наговора,
От беды меня укроет
Там мой друг, Единорог.

Я ушла без долгих сборов,
Без тяжёлых разговоров,
И без тени сожаленья
Не взяла тебя с собой.

Отчего же нет погони
И ни посвиста лихого,
Даже взгляда, даже слова
Не послал ты вслед за мной.

Ведь ушла я не украдкой
И не в полночь, не с оглядкой.
От тебя в страну иллюзий
Я ушла средь бела дня.

Потому, что ты не слышишь,
Потому, что ты не видишь,
Не жалеешь и не любишь,
Потому, что ты меня!

Унесла любовь, украла
Злая птица, птица Сирин.
Унесла за сини горы,
За леса и за моря.

Нам искать её отныне
И не лето, и не зиму,
Нам искать её три года
И три долгих-долгих дня...

Параллельные

Мы с тобой параллельные,
 Прямые, открытые.
 Мы с тобой жёны верные,
 Нежно забытые.
 Мы с тобой мамы мальчиков,
 Мы с тобой мамы девочек.
 Мы с тобой дочки бабушек,
 Мы с тобой дочки дедушек.
 Мы с тобой обе сёстры одного милосердия,
 Только ты постоянная, а я – переменная.
 Ты осталась верна
 Своей первой профессии,
 Я оттуда ушла,
 Как продажная бестия.
 Мы с тобой параллельные в разных учебниках:
 Мы с тобою заочники и немного вечерники.
 Мы с тобой параллельные, но очень редкие
 (Я живу теперь там, откуда ты съехала.)
 Иногда мы всё-таки пересекаемся,
 Посидим, поболтаем и опять разбегаемся
 Только каждая снова в свою геометрию.

Сердце

Подарили мне новое сердце,
 Легче будет в два раза мне жить.
 Если вдруг оно надоест мне,
 То на полку могу положить.
 На красивом шнурке с цепочкой
 Мне подарено было оно.
 Хорошо, что не печень, не почки,
 И не мозг, а то было б смешно.
 В нём закручены яркие нотки,
 Оно может на солнце сверкать.
 Я накрашу бордовым ногти
 И пойду с новым сердцем гулять.
 Ну и что, что оно не бьётся,
 Тем труднее его разбить.

С ним в два раза легче живётся,
Жаль, оно не умеет любить.

Скатерть

Люблю на скатерти я пятна,
Что невозможно отстирать.
Смотря на них мне так приятно
Гостей ушедших вспоминать!
Хоть полотно уже не совершенно,
Мне этого совсем не жаль.
Вот то пятно – был разговор душевный,
Вот это – смех, а то – печаль.
Пусть ветер перемен песок времён развевет,
И в памяти тех встреч почти затрёт следы,
Достану скатерть, чтобы вспять направить время
И отобрать друзей у суеты.

Шостакович

Сидит и плачет серый Шостакович,
Людьми закованный в металл.
Но не цепями он к земле прикован,
Его на месте держит пьедестал.
С тоскою и тревогой смотрит на прохожих,
Глядит на современный «Гранд Каньон»,
И жаль ему, что он ходить не может,
Что в Ленинград сбежать не может он.
И музыка из тумб не утешает.
И близость МЕГИ не родит восторг.
Лишь серый дождь слегка отодвигает
Места, где процветает торг.

«I love you!»

Смотри, какая милая игрушка!
Сейчас она молчит, а раньше...
Лишь только ей погладишь брюшко –
Признается в любви без фальши.

Воздушный звучный поцелуй, и щёчки заалели.
 Я, к счастью не такая, как она, а может, к сожаленью...
 Ей стоит батарейки заменить, и вот, уж снова
 Готова всем любовь дарить тряпичная корова.
 Когда бы батарейки есть могла б я,
 И ты бы получил дежурное «I love you»!

Алина МИТРОФАНОВА

Родному городу

Тот край неистовых дождей,
 Тот город, тонущий в тумане...
 Та безнадёжность тополей
 И счастье в порванном кармане.
 Тот город жалкий и пустой...
 И пьянство внешнее сирени.
 Там жизнь похожа на застой
 Уюта, пошлости и лени.
 Там осень Брейгелем глядит
 Сквозь робость оголённых веток,
 И всё сжимается в груди
 От серой муки без ответа.
 Тот город, жалкий и пустой,
 Где молодость уходит гномом,
 Есть самый светлый и простой
 И только ОН зовётся домом!

Страхи старых дев

Страх раздвинутых ног,
 Страх раскошенных глаз —
 Приуроченный сглаз
 Под бессильный рывок.

Страх разбитых окон,
 Мест на крайнем углу,

Не к добру, не ко злу
Неразгаданный сон.

Вечный страх сквозняков,
Заболеть и прослыть,
Как безлика сныть
Для чужих башмаков.

Быть со всеми «аминь»
У закрытых квартир –
«Как же так, mon ami!
Mon Shakespeare! Mon plaisir!»

Страх прожить просто так,
Без любви и борьбы –
Еле тёплый очаг
Стародевоей судьбы.

Когда закончится война

Когда закончится война,
И канут в бездну времена,
И вновь спокойный небосвод
Откроет новой эре счёт,

То средь развалин и руин
Вдруг запылает наш камин,
В том доме выбитых стекол,
Куда ты сотни жизней шёл.

Мы мирно сядем у огня,
К коленям стёртым у меня
Уставшей головой прильнёшь,
Забыв и плен, и боль, и ложь.

Руками голову твою,
Как мать, нежно обовью –
Простится всякая вина,
И воцарится тишина.

Наполеону

Аяччо, Тулон... Героя
Куда приведёт дорога?
В безвременном вечном строе
Иду за ним, как за Богом.
Риволли, Арколь, Египет...
С учёными и лошадьми
Храните себя, храните!
Я буду идти за Вами.
Песчинкой дорожной пыли,
Крупницей прибрежной соли
Прочувствую Ваши были,
Прощупаю Ваши боли...
Во Франции неизменно
Творятся перевороты.
Величие соразмерно
Безумию Дон Кихота.
Вставай же, вставай же Солнце!
Ему поклянись в зените!
Пожизненный первый консул,
Храните себя, храните!
С империей повенчайтесь
На зависть всем заграницам!
Но есть в торжестве печаль от
Неба Аустерлица.
Как тают слепые тени
В провидении вселенском,
Так точно на всякий гений
Найдётся свой Энгийенский...
...Вино откупорено, выпить
Его, несомненно, надо.
Мечта ли иная прихоть
Научит Вас мукам ада.
Снега ли чужой России,
Присяги не давшее море –
И вот Вы один бессильный
В океанском просторе.
За Вас ещё гибнут люди,

Но что Вам, имевшему право?
 Вы тот, в кого верить будут,
 Растекаясь кроваво.
 И в преданной массе безликой
 С невысохшим alma mater
 Я тоже исчезну, крикнув:
 «Да здравствует император!»
 А коль не возьмёт снарядом
 Растраченных поколений –
 Позвольте травиться ядом
 За Вас на Святой Елене!..

Суета

Суета, суета, суета,
 Точно блохи на шерсти кота.
 Я не тот, я не тот, ты не та –
 Нас сожрёт, нас сожрёт суета.

В суете, в суете, в суете
 Лобызаются люди не те
 И веками живут в немоте,
 Растворяясь в своей суете.

Суетой, суетой, суетой
 Мы подавимся, милый, постой!
 Но и свечи нам за упокой
 Суетливой поставят рукой.

Пока ты ещё не развратница,
 И тот, кто с тобою, есть первый твой,
 Проникший под скромное платье,
 И вырвавший скомканно-нервное

Заученное троесловие.
 Пока ты растрогать пытаешься
 Его неумелой любовью и
 Надеешься всё ещё, вся ещё...

Пока ты совсем не охотница,
 Матёрая и ядовитая,
 И не одной сплетницей, сводницей,
 Не тронутая, не привитая...

Пока не владеешь иронии
 Готовою к бою эскадрою,
 Позволь мне, совсем постороннему
 Тобой восхищаться за кадром и

Тобой любоваться неистово.
 Ты станешь моею мадонною,
 Пока ты ещё не расхристана
 Тоской суетливой, картонною...

Татьяну, Джульетту, Офелию
 В тебе вдохновлённый, увижу я,
 Пока не со мною в постели ты,
 Раздетая, злая, бесстыжая...

Когда умирают боги

Когда умирают боги,
 На небе не гаснут звёзды.
 На небе всё так же тихо,
 На синем безмолвном небе.

Когда умирают боги,
 Камнями не плачут горы,
 Покрытые гордым снегом,
 Не знают они печали.

Когда умирают боги
 Ни засухи, ни потопа,
 Нет, землю не сотрясают,
 И души не губят даром.

Когда умирают боги,
 Кровавые злые войны
 Ещё не сгрызают чрево
 Уставшей в веках планеты.

Когда умирают боги,
 Таинственные пришельцы

Вселенских цивилизаций
 Земле не грозят захватом.
 Когда умирают боги,
 Никто не поймёт их смерти,
 Никто её не увидит –
 Всё будет идти, как было.
 Но только, но только знайте!
 Когда умирают боги,
 Рождается много больше
 Людей до конца бескрылых.

Бюргерское счастье

Простое бюргерское счастье –
 Не дом с пылающим камином,
 Хотя бы с тёплой батареей
 Квартира, в дебрях новостроек.

Простое бюргерское счастье
 Уютно прибрано в гостиной,
 И в синей вазе тихо тлеют
 Цветы, весеннею порою

Подаренные мне на счастье.
 Одна известная картина
 Известно на стене, старея,
 Напомнит мне, как молодою

Ловила я иное счастье
 Во взглядах беглых паладинов
 Неверных мне, как Дульсинее,
 Но наслаждавшихся игрою

В шальное рыцарское счастье.
 Смешно! Теперь есть муж, два сына,
 И панибратское почтение
 Соседей в купе с суетою.

В пределах бюргерского счастья
 Иду, сыгравшей Коломбиной,
 В серёжках, с крестиком на шее,
 В пальто осеннего покроя...

Ах, это бургерское счастья
 Без артистического сплина,
 Без сладострастных сожалений
 О неслучившихся героях.

Уйти в леса и шерстью обрасти
 И снова встать на все четыре лапы
 Свободным зверем без цепи, без кляпа.
 Веди, освобождающий инстинкт
 В леса! В леса, в раздолья из коряг,
 Стволов и мхов, когтей нечеловечьих...
 Что мир разумный взял и изувечил,
 Оздоровит мне первозданный мрак
 Лесов! Лесов, размашистых лесов,
 Проросших вновь не выпиленной плотью
 На воле к жизни прежних благородий,
 Под волчьи вои и под клики сов.

Роскошная леди в сером

Роскошная леди в сером
 Смела и оригинальна.
 Роскошная леди в сером
 Изысканные курит сигары.
 Роскошная леди в сером –
 Как ни банально –
 Бисексуальна,
 И на всяких невинных встречных
 Испытывает свои чары.

Роскошную леди в сером
 Из тех, что живут в безбожно
 Роскошных апартаментах,
 Совсем, ах, совсем не сложно
 Встретить на серых улицах,
 Облапанных пошлым дождём –
 Ей в серость живет курится
 Под одиноким крыльцом.

Роскошная леди в сером
 Не стерва и не мегера,
 И каждый невинный встречный
 Готов это подтвердить.
 И даму, и кавалера
 Роскошная леди в сером
 И голодно и постыло
 Умеет чуть-чуть любить.

И лёжа в одной постели
 С таинственной леди в сером,
 Желая найти разгадку
 Её бесприютных глаз,
 Каждая новая жертва
 Не заметит украдкой,
 Как выкуривает леди ВЕРУ,
 Выкуривает зараз.

Наталия МОЛОТКОВА

*Доцент Политехнического Университета Императора
 Петра Великого. Член союза писателей России*

Зовите все меня – Наталя

Зовите все меня – Наталя!
 Я в этом имени хрустальном
 В Пасхальном ангельском звучаньи
 Любимый голос узнаю,

И в час побед, и в час отчаянья,
 На перекрёстках мироздания,
 В мятежных поисках, скитаньях,
 Небесный Лик, Её молю:

Не оставляй меня, родная,
 Мой Ангел из иного края,
 Я очень по Тебе скучаю,
 Но Ты велишь – и я терплю,

В раздольных музыки разливах,
 В воспоминаниях наплывом,
 Пронзительных и молчаливых,
 Твой Образ ангельский ловлю,

И Ты меня хранишь и держишь
 В неистовой моей надежде,
 Что будет всё, как было прежде!..
 А я по-прежнему люблю...

Зовите все меня Наталя...

Я это ярко чувствую в Крыму

...Я это ярко чувствую в Крыму,
 Когда целебный воздух пью, вдыхая,
 Как открывается от края и до края
 Россия, веря сердцу моему.

Когда в могучей поступи веков
 Великое Её предназначенье
 Божественным раскрыто повеленьем:
 Освободить Планету от оков.

Её глубинный смысл – Любовь и Свет,
 Оружие – Добро и Справедливость,
 Как много самобытностей в ней слилось –
 Зарок исполнить Господа завет.

А тяжесть неподъёмного креста
 Заклятым камнем ляжет мне на плечи,
 Но не собьёт, не подомнёт, не покалечит –
 Разбудит силы для священного Поста.

И в мощном противостоянии миров
 На каждый груз – посильный и не очень,
 Водораздел Добра и Зла – он очень точен –
 Прицельной мерой мерит – кто таков?

В служенье Правде наш земной удел.
 Мы Времена и Род не выбираем.

За нами Русь – от края и до края –
Наш высший смысл и жизненный предел!

Я это ярко чувствую в Крыму...

Ёжики

Ёжики под домом,
Над ними ты и я,
Нам уханьем знакомым –
Приветы бытия!

Так благородно, чинно
Беседуют о нас,
Верша обряд старинный,
Служа не напоказ!

Пусть наши домовые
Пошлют на много лет
Покой и мир. Отныне
Не будет с нами бед!

Мы счастливы!.. И всё же
Мелькает невпопад,
Что нас с тобой, быть может,
От нас с тобой хранят...

Владимир МОРОЗОВ

*Доктор физико-математических наук, член
Петербургского Дворянского собрания*

Современное

Глаза твои – холодные.
Слова твои – усталые.
Наряды – ультрамодные,
Но в чём-то – запоздалые!

Вся – как пружина сжатая,
От завтрака до ужина.
Успешная, богатая,
Да только мне – ненужная.

А я люблю по-прежнему
 Шальную, бесшабашную,
 Капризную и нежную.
 Люблю тебя, вчерашнюю.

И памятью хранимая,
 Она мне улыбается.
 А может быть, любимая
 С успешной повстречается?

Я зашёл на твой сайт

Я зашёл на твой сайт в Интернет.
 Как всегда, просто так, по привычке.
 Хотя знаю, тебя уже нет
 На друзей сетевой перекличке.

С электронных его страниц,
 С нетускнеющих фотографий,
 Смотрит столько знакомых лиц,
 И дописанных биографий.

Мы с тобой у лесного костра,
 Мы на лодке в озёрном походе,
 Это было ещё вчера,
 А сегодня – и мы уходим.

В Интернете твой сайт висит,
 Для друзей, как всегда, открытый.
 И пока – никто не забыт,
 И ещё – ничего не забыто.

Монте-Карло

Кто-то ставит на «чёрное»,
 Ты поставишь – на «красное»,
 Озорная, задорная,
 Молодая и страстная.

Если «чёрное» выпало,
 И удача оставила,

Тропы снегом засыпало,
Это – случай, не правило.

Всё пройдёт, перемелется,
Станет бабушкой девица.
Жизнь летит в ускорении,
Долги только мгновения!

Пусть порой небо хмурится,
Солнце спряталось ясное,
Дождик хлещет на улице,
Всё равно, ставь на «красное»!

Ветер, играя листвою

Ветер, играя листвою,
Мне о тебе рассказал:
Где-то, за далью морской
Замок стоит среди скал.

Сказочная королева
В замке волшебном живёт.
Слышит лишь моря напевы,
И никого не ждёт.

Будет всегда прекрасна,
Будет всегда молода.
Ей не страшны ненастья,
Ей не страшны года.

Сердцу не ведомы грёзы,
Душу не тронет страсть.
Жаль, где не льются слёзы,
Счастья не увидеть!

Не доверяй ты душу никому...

Не доверяй ты душу никому –
Душа начнёт приказывать уму.
Наполнит горечь сердце через край.
Души своей другим не открывай!

Надежду счастья в душу не пускай.
 Мы лишь во сне увидеть можем рай.
 Печаль наполнит сердце через край.
 Надеждой счастья душу не смущай!

И крыльев от души не отнимай –
 Пусть в небесах она увидит рай.
 А на земле живи, люби, страдай,
 Но в плен души своей не отдавай!

Созвездие любви

На другом берегу засветился костёр,
 И гитарной струны зазвенел перебор.
 У костра паренёк тихо песню поёт,
 Над уснувшей водой песня ночи плывёт.

А о чем он поёт – здесь не слышно нам слов,
 Может, парень поёт про весну и любовь.
 Мы костёр свой зажжём и ему подпоём,
 Ведь любовью и мы в этом мире живём.

Ну а если поёт он о прожитых днях,
 О забытых мечтах, об ушедших друзьях,
 Вместе с ним погрустим, что уходят года,
 Словно песня, что спел, словно в землю вода.

Может быть, астроном из далёких миров
 Вдруг увидит в ночи ожерелье костров.
 В карты звёздных небес навсегда занесёт,
 Пусть созвездьем любви он его назовёт!

Екатерина НЕЗВАНКИНА

*Студентка Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

Бессонное

уже почти светло.
уже почти утихла
заведённая тобою метель.
а меня вдруг опять лихорадит.
нервно душит подушкой постель.
лихорадка.
надрывные скрипы.
под луною сухое вино.
те огни, что горели так близко,
обманувшись, погасли давно.

этот вой я уже не услышу,
сбиться с ветхих путей нелегко.
под землёй лихорадочно дышат
искривлённые руки метро.
с восхождением нового дня и
с падением древней луны
всадник вспрыгнет опять на коня
у подножья зажжённой страны.
да и вовсе светло за окном,
только отзвук ночной колыбели
мне врзается в память, и шёпот звенит
про те песни, что мы не допели.

холод в небе. снаружи тепло.
я устало закончу вам письма.
моя станция здесь.
всадник бьёт о стекло.
и устало взрываются искры.

На севере Африки

поэт без кровли и без крова,
 без крови, предан только зову
 стихийному и дикому, как ветер.
 нет, не та это пустыня,
 где мёртво солнце светит.
 это смешались гнев и поле,
 и шторм смирять осталось воле,
 дорога, пальмы и песок
 на киноленточном просторе.
 а завтра берегитесь, зори,
 мы всей толпой стремимся к вам –
 безлюдный бедный караван;
 мы все случайно здесь сошлись,
 считать верблюдов принялись,
 и бег пескам, как кошке рысь,
 всё падая и возвращаясь ввысь.
 запомнят странные глаза,
 дорога вертится назад.
 песок и пальмы в вышине,
 на дне оазиса, а мне
 всё кажется, что там,
 где плавно ходит караван,
 все давние мечты сбылись,
 ломавшись, но прорвавшись ввысь.

В память о глазах

птицы орали вчера в темноте
 напротив уличного фонаря,
 рыбак знал, быть беде,
 а мы поднимали со дна якоря.
 отчалил из бухты забытый каяк,
 или – то бухта навсегда отчалила
 на поиски тёмно-коричневых глаз,
 и зелень пристани мы навсегда оставили.
 и знает ведь, что лезвие тех глаз пронзит,
 как осьминог раздавит судно.

а если не пронзит,
то жизнь он вынужден отдать,
чтобы считать разбитую посуду.

я помню день тот, майский был,
и блеск церковных колоколен.
он покрестился и вошёл,
а я – внутри, дрожа от боли,
уже с уверенностью знала,
он уплывёт, растает ночью,
и бриг покинет нашу гавань.

проснувшись вдруг не от испуга,
а просто светом озарясь,
я вижу – здесь тюрьма без окон,
а золотом чеканят грязь.
орехово-чёрные большие глаза
забрали из души уют,
на пристани, что ночью отпустила их,
разбитое сердце по частям продают.

птицы тогда разрывались во тьме
напротив уличного фонаря,
рыбак знал, быть беде,
а мы уже подняли якоря.
на поиски уйдут года,
все до одной заплачут цапли,
тот взгляд буду искать,
пока не вымрет стая их,
а океан не высохнет до капли.

Синий дом

обожжённый запах моря
грань у неба напроць стёр,
так трескучим пьяным летом
пахнет розовый костёр.

тёплым югом, сладким ветром
разрывают голоса,

белый флаг бураном треплет
день на дальних полюсах.

так мы тихо попрощались
на бессчётный ворох дней.
она кормит рифмой чаек,
он всё думает о ней.

так пройдёт кипенье жизни,
отыграет бой часов.
старый сад за синим домом
мы закроем на засов.

мы покинем наше море,
море чёрно-белых роз.
он не знал, что на прощанье
она думала всерьёз.

снег укроет наш розарий,
пощадит макушки елей.
и фиалки, и фиалки
вдруг от горя побелеют.

много в этой жизни, случилось,
было не судьба, а случай.
как однажды я сказала,
что и это нас научит.

и однажды на рассвете
заскрипит калитка днём,
синий дом разрушат мыши,
рухнет крыша под дождём.

и тогда на пепелище
сказанных от боли слов
вдруг проглянет солнце свыше,
не чета теплу костров.

как однажды мы исчезнем,
наши песни в бездну, вспять.
зазвучит другая флейта...
солнце оживет опять.

Глина

все стихи станут шумом прибоя,
пронесутся сквозь тысячу милей,
и кому-то споют нашу жизнь
в унисон.

про те песни, что мы так любили.

превращали песок в водопады.
и ломали условности времени,
в ночной воздух слова растворялись,
прогибаясь под комнатным бременем.

и я думаю, где наш причал,
впереди что сияет так мнимо.
где из чувства слепленное слова
станет воздухом. порохом. глиной.

О словах

я рассыпался сегодня ночью.
я – горсть зелёных бусин,
и мне видно воочию,
по переулкам раскиданы льдины
литературных глыб.
они 10-тки бусин стоят.
пока с каждым плакатом
и каждой строфою
отмирает у мира язык.

я – град.
рассыпался сегодня днём.
град из слов?
нет. это их хромые останки.
tertium non datur.
в голове звенят и рассыпались банки.
я разбиваю ноги о них,
пока ночью на ощупь
ответы ишу.
так трудно стать проще.
и я рассыпаюсь, как град
под озоновой толщей.

я сломался
 я ворох из слов.
 механизм мой непрочно заточен.
 я рассыпал историю с ветром в окно.
 чтоб её не нашли многоточия.
 и финал
 на тысячи слов паразитов
 распадается будто,
 я рассыпался буквами в лёд,
 я рассыпался утром.

Дама в капюшоне

Обалдев от безумных глаз сонной улицы,
 сунув четыре пальца в мокрый рукав,
 теперь вижу, как день под навесом дождя сутулится,
 последний курок над горлом сжав.

Обалдев от ярких пятен на стенах
 и забытых воспоминаний, которые я ловлю на удочку.
 ночных признаний пьяная музыка
 на лестничной клетке.
 в глаза смотрела Дама в капюшоне,
 мы запутались в складках Божьей рулетки.

Обалдев от выходов себя на утро,
 оставляешь всю горечь на потом.
 как хотелось капризному больше не будет,
 вы не встретитесь в марте,
 ни под летним зонтом.

Так, возможно, уходит,
 рвётся последняя нитка.
 и все тайны мира — золотого слитка
 заберёт с собой, отвернувшись
 Дама в капюшоне.
 и как бы ни была наивна рифма
 на таком пёстром фоне,
 если все минуты, клетки и города
 соберутся комом в конце пути.

не надо иллюзий. оставайтесь с собой навсегда.
и просто
продолжайте идти.

Николай НЕРОНОВ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
университета*

Мне кажется, что я сошёл с ума:
Не слышу речь, а вижу как руда
С большим трудом наружу выползает,
Как сыплется извёстка изо рта,
Как кирпичи летят в бурду сырую;
Раствор кладут, и на досках пируют,
А под досками княжеская рать –
Так брёвнами вымачивают гать,
Так грязью мажут – вон и цепь несут
И гирями отвешивают пуд;
Не вижу сути – слышу как из недр
Гул отдалённый быстро нарастает,
Троса гудят и трескается кедр.

Больше никаких любовных писем,
только эсемески в телеграфном
стиле – без тире, без точки... просто
пауза, бессмысленное «мбда» –
потому что, если независим
в выборе любом и равноправном,
можно сочинить и девяносто,
сто стихотворений без труда:

весь вопрос, как удержать словами
то, что так и просится наружу,
и течёт, как хочет, – прохудились,
вроде бы, надёжные мехи.

Чтобы в них теперь ни заливали,
Всё, в конце концов, стекает в лужу –
как бы ни был ручеёк извилист,
а уста останутся сухи.

Он курил в Эрмитаже у старых икон,
Пробегаая расстрельные списки
Озабоченным взглядом – так много имён,
Как на зло, ни одной одалиски.
А вагоны, как годы летят под откос,
Впрочем, нужно пройтись и проверить,
Как безумную вахту беззубый матрос
Проворонил, шатаясь у двери.
Запотевшие пальцы опухшей руки
Теребят заскорузлый окурок.
Как ещё малочисленны большевики,
А уже не хватает тужурок.

Ах, вот, какая же ты хитрая,
бесстыдная, шальная, тварь,
накинулась Лернейской гидрою
и дышит в ухо: отоварь.

Я повторяю ей, злодейке:
На банковский расчётный счёт
от Вашей фирмы ни копейки
не перечислено ещё,

поэтому, как ни приятно
мне было б отоварить Вас,
придётся ехать Вам обратно,
отгрузим в следующий раз.

Но подлая всё не уймётся
и в мерзкой дерзости своей
уже святынями клянётся,
что уплатила сто рублей –

сейчас она в таком настрое,
что менеджеру позвонит
и там такой скандал устроит,
что звёзды вылетят с орбит,

а мне так, если я не спятил,
она советует, любя,
купить лопату и, как дятел,
долбить могилу для себя.
А я в ответ на инфразвук –
мне недосуг.

Тяжёлый день, второй, туманный, лунный:
Вампирам кровь по капельке из пальца
В пробирку собирать не привыкать,

Но перед розой неблагоприятны:
Как можно было в ночь вот так решиться
Без месяца задумывать на месяц,

В тумане предрассветном пробираться,
В болоте топком пролагая гать,
Ощупывать невспыхнувший замесец,

Довольствоваться стороной обратной,
Невидимой прозрачной стороной,
Доверится мерцающей блуднице,

И кожей сквозной берестяной,
Развёрнутой по кино-аппаратной,
Расцвечивать пустое полотно.

Equorum et коров

*«Nolite fieri sicut equus et mulus
quibus non est intellectus»**

«Свирепствовал Борей
и сколько в этот день
погибло лошадей.
[поди, осовремень!]

Под вётлами валялось
[бедняги!] много крав,
лежали они [малость:
три] ноги кверху вздрав».

Ех more** озорства
Хвостова опозорю!
«Ужасный день! Нева
всю ночь рвалась к морю...

[Ты] против бурь не [стой:
не] одолеешь буйной
их дури» непростой,
коварной и трибунной.

По две, по три, четыре
над округом чуток
дымят ориентиры,
задравши трубы ног

equorum et коров*** —
полнеба застолбили,
«красуйся, град Петров,
и стой неколебимо»

под главной каланчой,
под газовой коровой
четырёхсотметровой
внутриотраслевой.

* Не будь как лошадь или мул без понимания

** ех more — по обычаю

*** коней и коров

Камнеглазка

Здравствуй, Камнеглазочка, мне что-
-то подсказывает, то, что ты не
любишь Камнеглаза и отныне
будет тот, другой, твоей мечтой...

И теперь от взгляда твоего
мне не будет так до боли жутко,
потому что будешь Камнегрудкой,
а не камнеглазою вдовой.

Лишь бы сердце как под скорлупой
и под каменной грудью билось,
и в меня когда-нибудь влюбилось
бешеной любовью и слепой.

El ingenioso hidalgo don Quixote de la Mancha...

Если душу Господь не избавил
от безумия – вера спасёт?
Почему я иду против правил,
как любимый тобой Дон Кихот?

Не ответили сфинкс и You-Piter,
и печальный молчит Тадж-Махал.
Может город, под мальчика бритый,
пригубил, полюбил, отгадал?

Ничего мы с тобой не исправим,
если Муза безумная врёт.
Я по звёздам пойду, по канавам,
по болотам, по топам – вперёд!

Чем лучше твой изысканный закон
причуды сиракузского тирана? –
и тот, что ты навязываешь рьяно,
не мягче тех, что выковал Платон.

* Гениальный гидальго Дон Кихот де ла Манча

Как можно жить и думать под пятой
 чудовища, что жрёт литературу,
 в каракуле густой душистой шкуры
 гоняется за лишней запятой.

Я полечу законом бутерброда,
 и полечусь немислимым вином,
 и получу, мечась и колобродя,
 игрою на свирели ни о чём,
 ту самую, заветную свободу,
 что не спугнешь дамокловым мечом.

Бумеранг

Я скажу, Жуковский,
 Что для меня Мандельштам –
 Квасом ему московский
 Не показался штамп.

Не по Казанскому броско
 Гоголем бил глагол.
 Голой skyboard, Brodsky,
 Из Вены-Невы в «de Gaulle»,

Мимо бы Рима, биржи,
 Марину напоминай
 Выцветшему Парижу,
 Елену, как Менелай,

Терпкого Пастернака,
 Лермонтова тетиву,
 Из омертвелого мака
 Анну Ахматову.

Ты можешь быть, а можешь и не быть,
 Искать и находить, найти и не сдаваться,
 Бояться полюбить и полюбить паяца –
 Игра проиграна – поможет ли гамбит?

Что правдой быть могло, что будет ложью впредь?
Под сакурой sake, в быту под вишней водка?
Обрушился на сад град страшный, но короткий,
Что можно пить и невозможно петь.

А вишня выжила. Что вишне вешний град?
Непрошенный и бешеный дурак,
Не враг, а друг, возможно, даже лучший.

Цветам обиженным страшнее во сто крат
Холодный душ дешёвых передряг,
Черёмухи кокетство и удушье.

То, что я здесь и сейчас, и целую тебя –
Это не сон, даже если он снится обоим.
Может, ещё один шанс одолжила судьба
Ночью услышать безумных сердец перебои.

Я не хочу, не хочу причинять тебе боль,
Мы ничего изменить в этой жизни не можем,
Я изменю тебе утром с работой любой,
Ни на секундочку не задержавшись в прихожей.

Ты веселишься, мой свитер надела – зачем?
Он был большой, когда я ещё бегал подростком.
Если понравился, то забирай насовсем –
Я в нём казался себе недостаточно жёстким.

Памяти Жени

Ради радости, ради веселья,
сумасшедшего шума реки
заплетала в гирлянды Офелия
одуванчики и васильки,

продиралась сквозь цепкие ветки,
расцарапалась в кровь о сучки,
и как будто для яркой расцветки
оставляла висеть лоскутки,

не дыша, подошла на полшага,
 с интересом взглянула на ртуть,
 и почувствовала, как влага
 беспощадно ей давит на грудь,
 наклонилась вперёд и всмотрелась,
 как там два лягушонка плывут,
 и за ними, почти что не целясь,
 устремилась в большой изумруд –
 что-то, вправду, весёлое было
 в том, как ты по теченью плывёшь –
 я допил то, что было в бутyli
 и ушёл, когда кончился дождь.

Фокусник! Ведь я тебя замучу,
 Пылкими речами заморочу.
 Ты не любишь умных почемучек,
 Только злишься на вопросы очень.
 Все волшебные слова твои запомню.
 Папа говорит, что твой цилиндр
 Можно вырезать из чёрного картона,
 Галстук тоже, чтобы выглядел солидно.

В самую огромную коробку –
 Из-под телевизора – залезу.
 Ничего, что я ещё короткий –
 Я – зато для фокусов полезный!

Если повезёт – хвала судьбе,
 Добрые врачи на современном
 Оборудовании (и на тебе)
 Проведут свои эксперименты,
 Создадут немыслимый уют,
 Всё, что нужно, лишь бы полегчало,
 Всё, что было, заново пришьют,
 Даже то, что не было в начале.

Даже если не желал принять
В дар такой апгрейд необычайный,
Всё равно садишься на кровать,
Оглушённый и ведомый тайной,

И не хочешь снова на потом
Оставлять, что так болит и плачет,
Сгрудилось и бьётся под ребром –
Выпрыгнет и так. Или иначе.

Если не ускорять события специально, то
колымага ещё до Киева довезёт, а то
и до Рима додребезжит, упрётся капотом в край,
а потом мотор вдруг замрёт, подумаешь – вот он, рай.

Отчего голубую чашку, перевернув вверх дном,
опускают на блюде в сумерках, а не ясным днём?

Потому, что так проще, видимо, протыкать иглой
оцинкованный старый кузов (ржавый, совсем гнилой
и насквозь просвечивает, как мелкое решето).
Если дождик пойдёт, то что будем делать, что?

Юлия НОСОВА

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Университета Культуры и Искусств*

Я подчинилась жуткой хворости,
И негодую, но молчу:
При болевом синдроме совести
Бессмысленно идти к врачу.

Сгибаясь под тяжёлым бременем,
Я боли ноющую нить
Семь похоронных раз отмерила
И не смогла похоронить.

Уйти бы мне в дела да скорости
 Заснеженных привычкой дней...
 И страшно жить с больною совестью,
 Но жить без совести страшней.

От забвенья сорвётся с привязи
 Сердце злой оголтелой собакой
 (А иначе ещё как мне выразить
 Эту бездну смертельного мрака?)
 И не чуя дороги – в молчание,
 Обезумев от воли и силы.
 Ах, куда ты летишь одичалая
 Моя бедная верная псина...

У лета на краю

На тёмно-сизом камешке,
 На самом-самом краешке,
 Что сделать не решаюсь я
 У лета на краю?..
 Как жаль его, лучистого,
 Назад смотрю завистливо,
 Там ждёт у тёплой пристани
 Ромашковый июль...
 Шепчу я строки нежные,
 Пугаясь неизбежного,
 Сомнениям подвержена,
 Боюсь идти вперёд...
 А позади ночь тёмная,
 Звёзд и желаний полная,
 Тягучая и томная,
 К себе меня зовёт...
 Там, где речные омуты,
 Моих ошибок опыты
 Рассвет дождями штопают,
 Всю жизнь сведя к нулю...
 На тёмно-сизом камешке,
 На самом-самом краешке,
 Не с летом попрощаюсь я
 У лета на краю.

Андрей НОЯБРЬ

*Выпускник Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств*

Из цикла «Прощание с Бахом»

Скитаясь с Бахом на помойке,
я вспомнил детство. Здесь покрышек
не счесть и банок разных было!
Мы без перчаток залезали
и горы хлама ворошили,
как память... Я нагнулся ближе
и разглядел в отбросах тряпку
от платья старого, а, может,
от чьих-нибудь трусов, как знать!
Быть может, этим лоскуточком
мать вытирала слёзы сыну,
когда он рассадил колено
о камни. Я обвёл глазами
курган, сплошь из вещей и судеб,
сквозь банки, пепел и бутылки
шёл пар... И я представил домик:
над крышей дым стоит, как посох,
внутри – прекрасное семейство,
варенье в блюдечках, чаинки
всплывают, я ловлю их ложкой,
и бабушка домашней тряпкой
по брюшку гладит самовар.
Вкус яблок! От него так сладко
на языке, в душе – просторно,
и в ней поместятся все люди,
которых я люблю, и там
им будет хорошо, наверно,
их смерть оттуда не достанет,
а впрочем, что я знал о смерти
тогда... Я ничего не знал!
Но даже маленьким ребёнком
я уходил блуждать на свалки

и находил там перископы,
 игрушки чьи-то... Жизнь меня,
 скорей, не научила вовсе,
 а, если научила, значит,
 я всё забыл, всё забываю,
 и Баха, ищущего что-то
 в помойных дебрях, я на время
 забыл...

И выпустил из виду.

А он стоит и держит гордо,
 как приз – двумя руками раму
 велосипедную, смеётся...

Вот если б всем на свете было
 так мало нужно, как и нам...

Мы с Бахом убивали время
 в попойках, спячках, болтовне,
 а мимо шастали олени,
 но мира нашего вовне.

А мы смеялись: нам казалось,
 что лучше медлить, чем спешить!
 Вот что-то быстрое промчалось,
 а нам хотелось тихо жить.

Нам было в кайф терять минуты
 и делать паузы – во всём!
 Читать стихи и кушать фрукты,
 и быть на свете ни при чём!

Однажды у Баха сломалось крыло
и он прибежал ко мне, плача.
Я нитки достал и большою иглой
пришил всё назад, и на дачу
мы сразу поехали, взяли бухла,
закусок и девочек разных.
Дорога на дачу прямою была
(на место мы прибыли сразу).
Костёр разожгли и поставили тент,
сосисок нажарили кучу,
а девочки, выпив, на волосы лент
навесили, взялись за ручки
и начали прыгать, как в майскую ночь –
костёр опалял им юбочки!
И поняли мы, что девчонки не прочь
всю ночь веселиться! И чёлки
то вверх устремлялись, то вниз от прыжков,
и груди тряслись в диком ритме!
А мы, двое пьяных смешных мужичков,
так счастливы были, что с ними
мы в эту минуту находимся здесь,
вдали от сует! Нам казалось,
что если на каждую девочку сесть,
погладить за ушками малость,
то девочка в небо взовьётся, как жук,
а Бах, распрямив свои крылья,
на девочке будет летать во весь дух,
я – рядом, но медленней.
– Мы ли, –
мне Бах закричит. – Мы ли в небе, браток?!
И в мыле от долгих летаний,
вернувшись под утро, мы яблочный сок
откроем без всяких стараний.
...Всё это проходит, но часто потом,
когда нету девочек рядом
и друг не приходит с побитым крылом,
я, вспомнив, смеюсь до упаду

и жду, когда эти весёлые дни
вернутся. Я очень скучаю по ним!

Вот так случилось – Дед Мороз потеряян,
и не найти другого, хоть ты тресни!

А Новый Год уже стучится в двери,
бубенчики звенят, и вьюга песни
поёт в квадрате двора, снежинки
ложатся всем на плечи, на погоны.

И Бах сказал:

– К чертям лесным ужимки! –

И сел под ёлку.

– Люди, с Новым Годом! –

я распахнул окно, и ветер добрый
мои взъерошил волосы.

– Спасибо! –

все говорили Баху. Очень скоро
о нём забыли и пошли носиться
по дворику, чертить в снегу фигуры
и баб лепить, стрелять из пушек в небо.

А Бах сидел под ёлкой, как придурок,
и колдовал чего-то очень нервно –
какую-то волшебную фитюльку
выдумывал себе от скуки, видно.

...А мы играли на снегу в бирюльки!

Но иногда нам становилось стыдно,
и кто-то застывал и взгляд свой нежный
бросал в окно, где свет горел, где древо
с колючками стояло... Неизбежно
придёт весна, и всё пойдёт налево!

Ручьи с утробным чавканьем помчаться
по склонам гор, – и то, что было тайным,
весной начнёт зачем-то открываться
не в тех местах, не вовремя, случайно...

У Баха кончилось бухло
и он пришёл ко мне
(а я сидел сознания вне).
– Ты что, браток, оглох? –
кричал он, ножками стучал
и щёки тормошил.
Я ничего не замечал –
был телом без души.
Она летала за окном,
смеялась, к солнцу вся
тянулась! Словно снежный ком,
Бах выволок меня
на улицу и долго бил,
плевался, звал людей,
но я не в этом мире был,
закрыв сознания дверь
(отмучился, злодей).
Как змей воздушный в облака
врезался! Бах ушёл
и, проклиная дурака,
к другим друзьям пошёл.

А ночь вчера тёплой была...
Мы с Бахом торчали на море,
и ели клубнику, и пивом
её запивали. Как волки,
буркала свои направляли
в далёкие дали морские,
и жирные самки плескались
вдоль берега, спины чесали
друг другу. «Ах, как это гадко!» –
сказал я, точнее подумал,
и Бах тотчас вынул гармошку
и дуть в неё начал, как ветер!
И самки, заслышав гармошку

немецкую, в страхе бежали,
а я незрелой клубникой
им в спины швырял и смеялся!
«Ах, Бах, ты догадливый очень! –
сказал я. – Ты мысли читаешь.
Скажи мне: о чём я мечтаю?»
А Бах доиграл и сказал:
«Ты думаешь, друг мой, о деве
с налитыми соком грудями
и с талией лёгкой, как серна!
И бедра её музыкальны,
качаются, словно планеты!
Когда она ходит купаться,
все чайки летают за ней!»
И я закричал, как безумный:
«Ах, Бах, ты печаль мою знаешь!
Сыграй мне волшебную песню!
Пусть ветер в гармошке гуляет,
волнует её язычки!»
И Бах заиграл – он старался!
Вода в берегах шевелилась,
а звуки сплетались в цепочки,
а звуки сплетались в веночки!
И чувство, что мир не погибнет,
в душе моей выросло вновь!
И я закричал жирным самкам:
«Плескайтесь в глубинах, как прежде!
Чешите друг дружку, как прежде!
Не бойтесь – ведь это же Бах!»
Бывают минуты такие –
они не предметны, текучи,
они мимолётны, но милы,
пленительны, но быстротечны!
Ах, ночь эта тёплой была:
русалка по морю плыла!

Лиана ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ

Член Петербургского Дворянского Собраниа

Бессмертный полк

Он начало берёт
От немых похоронок,
От могил без имён,
От фашистских воронок,
От сражений отцов
За свободу Отчизны
И от бед всенародных
Во спасение жизни.

Поросёнок лог

...И вот я стою
В заболотной глуши,
Дыша, не дышу
В этой смертной тиши,
И мне бы вскричать:
«Государь! Мы грешны!»
Но скорбно молчу на разрыве души.

Перекаты

В море к полудню волна перекатом,
В зримом покое вода пред закатом,
В ласковом плёсе на раннем рассвете.
Мне бы промчаться с тобою в ракете
В ласковом плёсе, в волнах перекатом
С ранней зари до последних закатов.

Мои берега

Украина моя – не раба, не Окраина –
В ней купель вековая всей Великой Руси!
Там сегодня в бесчинстве ошалелые Каины.
Им за братьев убитых Божью кару нести.
На корнях из недр поднялись новороссы,

И Москва укрывает кровных братьев от бед.
 Вместе будем встречать ещё мирные росы,
 И не счесть нам одержанных вместе побед.
 Чёрно-Серые тучи! Океаном могучим
 Пусть омытая, будет Вам земля дорога.
 Но Днепровские кручи и мой Киев певучий
 Никогда не сдадут Вам мои берега.

Смятение

То ли былъ, то ли небыль,
 И как явь, и как сон...
 Меж землёю и небом
 Этот скорый вагон.
 Кто-то есть, кто-то рядом,
 Где-то близъ, где-то даль.
 Меж землёю и небом
 И восторг, и печаль.
 То замрут, то взорвутся
 От восторга сердца,
 То смущеньем зальются
 Два счастливых лица.
 То ли былъ, то ли небыль,
 И как явь, и как сон...
 Мчит нас к звёздному небу
 Этот скорый вагон.

Братьям

*Владимиру и Сергею Остапчукам,
 Почётным строителям России, членам ПДС*

Вы ушли так в одночасье,
 Без себя весь мир оставив.
 Выход из сего несчастья
 Мне никто не предоставил.
 Не унять щемящей боли,
 Понимает разум мой –
 Должно так по Божьей воле,

Но не сладить мне с собой.
 Вместе мы сомкнули силы,
 В землю опустив родных.
 С их уходом Дом наш милый
 Жил в нас памятью о них.
 Где же Вы, мои Орфеи,
 Где же Ваши голоса?
 На земле звучать не смея,
 Вы поёте в небесах.
 Не унять мне боль разлуки,
 Раны мне не залечить,
 И сложив покойно руки,
 Улечу я к Вам в ночи.
 С кем повенчаны судьбою
 Заповедным «Не забудь!» –
 Вифлеемскою звездою
 Освещать им станем путь.

Весна

И зимою, и летом
 приходила весна,
 На осенних приметах
 расцветала она,
 Не спросивши совета,
 распускала цветы,
 И любовью согреты
 были наши мечты.
 Только этой весною
 застоявшийся лёд
 Разольёт нас водою
 и любовь унесёт.

Павел ПАНЧУРИН

*Доцент Санкт-Петербургского Государственного.
Электротехнического университета императора
Александра III*

Сербам

В память трагедии 24 марта 1999 года

На небе Христос, а на земле Россия.

Сербская поговорка

Простите нас братья: в те страшные дни
Мы предали вас – вы остались одни...
И ваши соседи под янки легли,
Чтоб дать им дорогу до Сербской земли.

Не смели бы янки на сербов напасть,
Была бы в России достойная власть:
Воитель отважный и мудрый такой,
Как князь благоверный Димитрий Донской.

Сегодня дождались желанных начал*:
В политике нашей мотив зазвучал.
«Славянки» ** прекрасной чудесные звуки
Врачуют нам души, развяжут нам руки.

А будет от помощи Сербии прок?
Те смотрят на запад, а те на восток.
Чтоб Лазар *** об этом разладе сказал?
Он сербов к единству, единству призвал.

* В ноябре 2013 г. подписано соглашение о военном сотрудничестве России и Сербии, а в декабре 2013 Россия предоставила Сербии заём в \$176 млн., как помощь для вступления в ЕС.

** Марш «Прощание славянки» написан Василием Ивановичем Агапкиным в октябре 1912 года. Из дневника Агапкина: «Марш написан мною по поводу балканских событий 1912 года. Он посвящается всем балканским женщинам».

*** Князь Лазар вождь Сербского войска в битве с османами на Косовом поле в 1389 году. Погиб в этой битве.

Георгий ПЕТРЕНКО

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного.
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Пришла в короткой куртке, в платочке –

Ну, девушка-авиатор, точь-в-точь.

На раны мои бальзамом –

Расспрашивала, ласкала,

Больного хандрой и горечью

Лечила разумной речью,

Сужала до бесконечности

Сердец наших междуречье,

И в силе своей покорная,

Тоску вырываешь с корнем:

Ты лишний раз мне напомнила

Про луг плодородный, пойменный,

Что планами и идеями

Мы щедро с тобой засеяли.

Ты и набат мой, и благовест,

Ты и награда моя, и крест.

Я разыщу тебя и в аду,

Чистый в любви своей, выведу

Снова на Божий свет, в благовест,

Ты и зазноба моя, и крест.

Делай несчастным меня в бреду –

Дотерплю, доведу, выбреду

Снова на бой или в благовест,

Ты и отрада моя, и крест.

И на Голгофу с тобой пойду,

Телом в последний миг припаду,

И вознесусь с тобой в Благодать –

Вечно любить, никогда не лгать.

Человечеству вообще и сверстникам в частности

Мы стоим усталые у межи,
Рубиконы пройдены, рубежи.
Перед нами в алой заре лежит
Поле необъятное – наша жизнь.

Перед нами целая целина –
Дымкою объята, не пахана.
Каждому идти в свою сторону,
Каждому вести свою борону.

Чья-то полоса будет длинною,
Выгнется спиною змеиною,
Греясь под лучами горячими.

В чьих-то волосах ранним инеем
Ляжет седина. Паутинками
Осень закидает полосу.

Кто-то будет с песнями, плясками
Прямо, напролом, без опаски
Ярко жить. И коротко, ясно.

Каждому на свой налегать на плуг:
Кто-то по верхам копнёт, кто-то вглубь.
Каждый пожинать будет урожай:
Кто-то, может, в ад пойдёт, кто-то – в рай.

Как испечь каравай,
каждый сам выбирай!

Божьи свечки

Бог есть.
Бог
в каждом из нас –
не на шее крест,
а свет из глаз –

Мягкий, тёплый свет
из души

больших нет богатств –
дорожи!

Не гонись за золотом –
это зло.

Не бери Иудино
серебро,
а люби, твори добро,
будь влюблён.
Это Бог в тебе. Это Он.

О несправедливостях
не молчи,
Крепким будь подсвечником
для свечи –
в храме или в клиросе
Бога пой –
свечи раздувает в нас
Дух Святой.

Листал твой учебник, смотрел безразлично,
Пока не наткнулся на милые,
Твоей рукой писанные лично
Имя с началом фамилии.

И серые буковки распрямлялись,
Вытягиваясь в линию
Струн из посеребрённой стали
Затосковавшей души моей.

Небрежные линии карандашные
Вытягивались в рельсы
От нашего прощанья вчерашнего
До часа, когда мы встретимся.

*Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.*

Б. Пастернак

Июнь. Летит клочками пух,
Как в день январский – хлопья снега.
Сквозь влажный воздух. Новерху
Павлиний хвост раскрыло небо.

Так шелестом сухой листвы
Апрель походит на ноябрь –
С деревьев скинуты наряды,
Но первый ждёт, второй – остыл.

Холстов различье и сонат
Веками ищем неуёмно,
И с тем зачем-то нам дана
И страсть к обратному приёму.

Земля обесцветилась, погружаясь в траур,
Небо обмякло и расплакалось,
И мне хочется проливать слёзы
Об уходящей жизни,

Но хотя твои глаза
Цвета грустного неба,
А волосы –
цвета засохшей травы,

Я люблю тебя так сильно,
Что скорее заплачу от счастья.

Если закрыть глаза, то кажется, мы на юге:
За окном – треск цикад и шуршит прибой.
И думаешь: проснёшься, а во всей округе
Только зелень, песок, волны, да мы с тобой,

Потому что когда счастливы двое,
 Все другие тонут в прибрежной мгле –
 Бесконечные проводники, официанты, матросы морских трамваев –
 Вне огня нашего. Сгорают в своём огне.

Но откроешь глаза – цикадой трещит компьютер,
 А прибор – лишь лихачество чьих-то шальных шин,
 Грязный питерский март, далеко ещё до уюта,
 Ты на курсах в Финляндии. Я один.

Весенний порыв

Хочется бросить всё,
 Бежать, как придётся,
 Упасть в сухую траву,
 Нагретую солнцем,
 И впитывать лицом его лучи –
 Хочется, хоть кричи!
 Упасть, упасть в эту траву
 И слушать, как во рву
 Воркуют голуби
 И пить до дна
 Свою молодость!

Читателям

Чтобы души не черствели,
 Чтобы люди были чутче,
 Пан играет на свирели,
 Ну а я писать научен.

Чтобы делалось светлее,
 Чтобы не кидались с кручи,
 Март играет на капели,
 Мне же нежный слог поручен.

Чтобы, глядя, вы узрели,
 Стали выше, чище, лучше,
 Я пишу в своей постели, –
 Вы в своей ловите лучик!

Медленно
ползли
трамваи –
На проводах
зимы
ночь
гуляли.
На проводах голуби ждали,
Сгрудившись, не летели в дали.

И люди чего-то ждали –
Весны, жизни.... Отчаливали
По течению печали...

И каждый второй был болен
Простудой или хандрою,
А, может,
и каждого
первого
донимали
Обе хвори.

Я не знал, что весна будет белой,
В песнях снега и мокрой резины
Слышал я поначалу: «Сейшелы», –
Но потом распознал твоё имя.

Стену снега я лбом пробиваю,
Но прочней во сто крат крепость-гордость –
Стены эти я сам воздвигаю,
Прячу робость в глубокий колодец.

Я и ты – Ивангород и Нарва,
На крутых берегах две твердыни,
Но мост Дружбы меня не устраивал,
Мост Любви я хотел перекинуть.

Но глядишь свысока, с белой башни,
Я слоняюсь по ярусу боя.

Я решил, что не буду упрашивать.
Я решил: снова буду собою.

Я устал осаждать тебя, снежная,
Пали даром полки внимания,
В тыл ушла артиллерия нежности
Без поддержки и понимания...

Ты ведь штурма ждала внезапного,
Я ждал взмаха платка, ждал выстрела...
Мы в свои цитадели загнаны –
Остаётся друг друга высмеять.

Нет границы, уверен, искусственной,
И с крутых берегов реки времени,
Половинки одной целой сущности,
Мы глядим друг на друга потерянно.

Размышления по дороге в Изборск

«Закатилась ли Россия?» –
спрашивал тысячелистник
у сурепки, у дороги
на краю большого поля.

«Есть ещё в народе сила?» –
вторил вздохом старый тополь,
у осины-недотроги,
выясняя дела соль.

И о том же, о судьбине –
вечно шепчется крапива
у забытого завода,
у крестов могильных серых.
Но не знала ни осина,
ни сурепка, ни крапива
что нас ждёт под небосводом,
знала это лишь дорога,
но молчала... да шипела...

Простившись у ночных такси с ребятами,
 Я распрощался с шумом пьянки, матом,
 В бескрайность, бесконечность белой ночи
 Я окунулся. Поцелуй заката
 Ещё пылал на елях, нежный очень.

Взмывали галки лап еловых в лужах
 На фоне неба светлого, нежного...
 Из сельской тишины ушла напраслина,
 И в первый раз за вечер было нужное
 И важное сознание прекрасного.

Поле объяло теплом бурьяновым,
 Тучное стадо гоняли по небу.
 Ой, хорошо бы от чувства пьяному
 В пряные травы упасть с тобою,
 Слушать тревогу осин с берёзами,
 Брать у земли теплоту последнюю,
 Между прохладным и тёплым воздухом
 Вверить телам завершение беседы...

И, убегая от капель сонных,
 Знать, что не повторятся снова
 Росчерки светлых стволов сосновых
 В тёмно-зелёных далёких кронах...

Но только я согрешил: гаданьем –
 Сорванный в поле цветок ромашки
 Выдал под пыткой твоё признание –
 Значит, мы поле ещё распашем!

Осеннее самовнушение

Не отчаиваться! В цвете жёлтом листа
 Есть не только тоска, есть ещё красота!

Не расстраиваться! Слушать мать и отца!
 Слушать сердце... сердца! До конца, до конца!

Сгинь уныния бес! Ведь прозрачность небес
В путь зовёт, тянет ввысь. Соберись, подтянись!

Не навеки остыл феникс жёлтой листвы.
Ждёт нас после зимы: с вы на ты, с ты на мы...

Ода губам

К.В.

В суматохе дней, на бегу
В сотню раз ценней
Призрак губ,
Нежных губ твоих
Влажный след
Всё ещё не стих
На лице.

Скоро будет снег,
Сгинет свет,
И душа, как степь
В зимнем сне,
Будет волком выть
На луну,
Но мне в степи не быть
Я прильну...

На губах, щеках
И носу
Личный знак отличия
Понесу.

В гуле поезда,
В ветре веющем
Мне откроются
Вещи,
Стану сведущим,
Стану в будущем,

Просто свет туши –
Не души души.

В темноте плыви,
Плавь пространства пыль.
– Всё мечты твои.
– Нет, родная, быль.

Я меж звёзд лечу,
Все мне видно зги,
Призываю: «Чуу... рrr,
Не включать мозги

И не делать суровые лица.
Пусть работает интуиция!...»

Антон ПОГРЕБНЯК

Web-программист

Окно в Европу

Тоска таскаться по Тоскане
Тосканским волком сядешь в лужу
Клыки свои оставь снаружи
А милосердие в кармане

Друг другу врём, дороги в Рим
Ведут сквозь пиньи и оливы
Пусть непонятно, но красиво
По-итальянски говорим

И переходим на французский
Как через Альпы. Bon voyage.
Здесь неуместен эпатаж
Ты спотыкаешься при спуске

С Монмартра к старому мосту
Что башнями венчает Сену
Вода перетекает в стены
Химеры дремлют на посту

Свободно небо над Ла-Маншем
Махнуть не глядя, наугад
Причалить к тусклым берегам
Войти в туман с утра пораньше

Сойти с ума от этих нравов
В непромокаемых плащах
Долги с улыбкой возвращать
И не прощаться – ах, куда вы?

Туда, где маки и тюльпаны
Туда, где Рембрандт, и Ван Гог
На перекрёстке трёх дорог
Увы, не разобраться спьяну

Какой из Брейгелей троих
Писал во мраке этих комнат
Народ, который вряд ли вспомнит
Завоевателей своих

Над сумрачным Мадридом дождь
Размазан город по асфальту
Незавершённые гештальты
Ты ничего здесь не найдёшь

Ни друга Санчо, ни доспехов
Ни даже мельниц. Время вспять
Не повернёшь – тебе ль не знать
Как можно захлебнуться смехом

Молчит старинный Кёнигсберг
Внезапно вырван из контекста
Здесь умер Кант, здесь свято место
Отсюда поднимались вверх

Бомбардировщики люфтваффе
Что шли волной на Ленинград
Два поколения назад
Чтоб миллионы биографий

Вдруг оборвались в пустоту
Как будто кончились чернила

Облокотившись на перила
Я слышу метронома стук

Поверх толпы многоголосой
На Невском, на Большой Морской
И тянет, тянет сквозняком
И забирается без спросу

Холодный ветер в рукава
Как европейская культура
Не греет собственная шкура
И иностранные слова

Не вызывают узнавания
Прикинь, где мы, а где они
Мерцают взлётные огни
И растворяются в стакане.
Тоска таскаться по Тоскане.

Нина ПОСТНИКОВА

*Руководитель студии «Заповедник». Член Союза
писателей Ленобласти и Санкт-Петербурга*

Россия-матушка

1.

Обвислые уши собачьей поры,
хвосты беспородных окраин.
Желанья свободы назревший нарыв
прорвётся, но кровь нам отравит.
Глаза закрывают нам, уши и рты,
слепит нас позор полуправды.
Не ждали мы этой нахальной орды,
пришедшей на смену кувалде.

2.

Россия-матушка, течёт, течёт вода,
не утонув, её нам не измерить.
С ходулей не видна чужая высота,
с шестом не оценить родные мели.
Россия-матушка, опять дожди, дожди...
Опять на «граблях» вырастут невзгоды
Мы, к ним уже привыкшие почти,
у моря подождём ещё погоды.

Он играл на трубе,
на гитаре и даже на скрипке.
А огромным глазам не хватало лица на лице.
А улыбка была Арлекина улыбка.
Он играл, её сердце дрожало, попав по прицел.
Её сердце стучало, а день как петух на заборе
распался и скручивался в калейдоскоп.
Его взгляд исподлобья, словно омут при разговоре,
её сердце стучало, тонув, она жала от страха на стоп.
Было лето и белые ночи сверкали,
Как монета луна отражалась у речки в глазах
белозубость улыбки, зовущие белые дали,
Только снова от страха рванула она тормоза...

Эти милые лани – на корм тиграм.
Эти тихие рыбы на корм акулам.
Тигры тоже идут на шкуры.
Акуля кожа идёт на шкуны.
Только камни вечные много знают.
Только камни вечные много помнят.
Но и их на памятники кому-то колют
и на цоколи домов разбивают...

Во что превратимся – в траву или камень?
 Летать бы пичугой, воробышком серым.
 А лучше синицей к кормушке знакомой.
 А дочка бы семечки сыпала утром,
 хотя не узнает конечно...
 Я клювом тогда постучу ей в окошко,
 Спасибо за семечку – громко ей свистну.
 Она не услышит. А кто-то услышит, а кто-то узнает.
 Летать бы синицей...

Обмани рыбку голодную на крючке,
 Обмани птичку и захлопни клетку,
 Обмани белку, палец держи на курке,
 обмани доверчивую малолетку.
 Потом обмани начальство и укради
 сначала мелочь, а потом всё больше...
 И наконец войну кому-нибудь объяви
 и оттяпай кусок земли пожирней и потолще.

И сколько дней и сколько воскресений
 И сколько вышло признаков везений,
 а сколько – неудачное число...
 А может это птичье ремесло –
 Лететь, не чувствуя сомнений,
 туда, куда влечёт перо...

Крым наш, или закон, что дышло...
 И повернули так, что вышло.
 А кто-то сомневался что ли,
 что ложь, она гнобит и троллит.
 Как хорошо и все довольны,
 никто нас даже не неволит:
 Любить кормильца так приятно,
 что Крым нам не вернуть обратно...

Хорошая зверь волчица:
по силе ума – умница.
по силе клыков – отличница,
не то, что какая-то курица.
Природа, она не злая:
волчица пред ней или курица,
она равнодушно сутулится,
когда поедается птица...

Лишь поседели, но ещё не выпали.
Лишь посидели, но ещё не выпили...
Ещё споткнулись, не успев упасть,
ещё акуле не попали в пасть.
Пока что пели, но ещё не охали,
ещё не знали, хорошо ли, плохо ли,
ещё пирог манил их впереди,
ещё спешили до него дойти.
Ещё в тени, ещё пытались прятаться,
в свои фикашки не хотели вляпаться.
уже споткнувшись, продолжали красть,
но со всего размахи пали в грязь...

Не какой-нибудь художник
не с кистями и без красок,
но рисует виртуозно
и рисует без труда
эти дивные картины,
это озеро и сосны
и берёзы и рябины,
даже женщин из ребра...

Тоскует душа, как опавшие листья,
 печалится вместе с желанием жить.
 Так гибнут пернатые, жалобно пискнув,
 но не оборвать жизни цепкую нить.
 Сырыми кострами дымится отчизна.
 боится лишиться извечных оков,
 разбитыми стёклами сыплются жизни.
 С потерей надежды их портится кровь...

А. Паку

...Апрель – предчувствие весны
 с мелодией и подоплёкой.
 Ещё чуть-чуть тепла плесни,
 где птичье пение и клёкот.
 А кто-то в баловнях судьбы.
 и каждый год его лелеет,
 он с каждым годом молодеет,
 где птичье пенье и цветы.
 Где птичье пение и клёкот,
 где детский гам и смех звучит,
 ему работа не в работу,
 лишь вызывает аппетит.
 И детский стих его пленит
 и песней птичьей звенит
 и вызывает восхищенье
 вызывает аппетит!

Или жизнь моя во сне,
 или сон мой наяву,
 или бабочкой проснусь,
 или куколкой усну.
 Или ветром пролечу,
 иль ромашкой задремлю.
 Или бабушкой проснусь,
 или бабочкой вспорхну...

И уснуть, как будто сгинуть,
и проснуться в новой фазе,
Млечный Путь измерить шагом
и на землю тапки скинуть.

Всё кружит, кружит дорога
от восхода до порога
этой комнаты пустой.
Подожди ещё немного,
ночь идёт, идёт полого
и проходит стороною.
В этой комнате пустой
свет луны меняет облик,
превращаясь в сонный коврик
и уходит на покой...

Дождь внутри и дождь снаружи,
холод, слякоть, лужи, лужи,
словно рыба чешуя,
листья застилают землю.
Дремлют, дремлют, дремлют, дремлют
тени тусклый свет жуя.
Ночь крадётся переулком,
замечает след заря,
и куда спешит земля,
ускоряя бег свой мёрзлый.
Звёзды, звёзды, звёзды, звёзды
с осуждением щурят взгляд.
Дребезжит беспутный ветер
стрелки осени крутя,
только маленькие дети
спят, губами шевеля.
Спят под маминым крылом,
видят свой чудесный сон...

Свет мой, Ангел, где же Небо?
 Облака уткнулись в горы,
 обезжизнелось пространство,
 обезлиствелись деревья...
 Свет мой, Небо, где же Солнце,
 где же радостные лица –
 обезличенный туманом
 стынет воздух, дождик долог...
 Свет мой, Солнце, где же Боги,
 почему сердца ветшают,
 примитивны даже мысли,
 И кому, в кого мы верим?

Максим ПЬЯНКОВ

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Май

Дождливый, но самый чарующий май,
 Открытый балкон, заваренный чай.
 Бегущие люди домой, по делам,
 Стоящие люди кто здесь, а кто там.
 Все прячутся, кроясь зонтами, плащами,
 Стоят под деревьями и козырьками.
 Весь шорох наводит один только дождь.
 Над городом правит столь яростный вождь.
 Барабанит, стучит и гонит всех прочь,
 Шуметь он готов весь день и всю ночь.
 Но музыку капель я слышу прекрасно,
 И слёзы небес я вижу так ясно.
 Не грубость, тоска вот неба порок,
 От сердечной подруги он сильно далёк.

Печальная участь небу дана,
 Восхищаться лишь тем, как прекрасна она,
 Держаться вдали, её созерцать,
 Объятий ему судьбой не видеть.

Машины летят, и уносятся вдаль,
 А дождик всё бьётся и бьётся о сталь,
 Разбиваясь о грубые плоскости крыш, стекая по трубам,
 Мой дождик – малыш!

А грома раскат – бессилия крик,
 Быть рядом – мечта, хотя бы на миг.

Сентябрь

Я видел, как падают листья, смотрел я, как падает снег.
 И мыслей моих электричка, опять начинает разбег.

В дождливом и будничном Питере,
 Я жду только солнышка свет,
 Твой образ, застывший на улице,
 И глупое слово привет.

Январь

Я видел её каждый день
 И слеп был к прекрасному рядом,
 Но в день тот январский, она
 Поразила меня своим взглядом.

Сразила, мне в сердце попав,
 Оставив без шанса спасенья,
 Заставив её почитать
 Прекрасное мира творенье.

Избавив от томных помех
 И в память забивши навечно
 Момент и пленительный смех,
 Сиянье, что так безупречно.

«Вот лето подходит к концу,
 Из родных я краёв уезжаю».

Есть только ты и я на целом белом свете,
 Июньские мечты о ярком фото в цвете.
 Та самая картинка под дубом у Исаакия,
 В которую заложена вся Питерская магия.

Пробил звонок последний, велела так судьба,
 Что мы с тобой расходимся в «другие»
 города.

Надеюсь всей душою, что счастье тебя ждёт,
 И в то, что город новый удачу принесёт.

Наступит тот момент, и я услышу снова,
 Твой смех ради которого я точно буду дома.

Демид РАБЧЕВСКИЙ

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Я уйду, и на пружине дверь
 Гулко ухнет в сырости подъезда.
 Я же встречусь с холодом ночей,
 И в свои объятия примет бездна.

Дружба с ней – не всякого удел,
 Это принцип мироощущенья,
 Это род познания сути дел,
 Инструмент апатии мышленья.

Нос щекочат запахи дождя.
 Капель шум из ржавых водостоков.
 Странно, но удобно вновь себя
 Чувствовать совсем не одиноко.

Любые сомненья, душевные муки
 Возможно убить разве только пейзажем,
 Я снова погряз на распутье разлуки,
 Болезненно склонен опять к эпатажу,
 Болезненно чувствуешь вновь, как теплицы
 Окно не со зла кем-то снова разбито,
 Встречая знакомые здания, лица,
 Боль в сердце тупую встречаешь. Как сито
 Ничемная память, и хочется будто
 Сойти с магистрали и остановиться,
 И с мраком у самого края дороги
 Бесшумно душою усталую слиться...

По клавишам окон и крыш черепице,
 Зверья, ударили тонкие пальцы:
 И дождь-композитор всё более злится,
 И с новою силой соната скитальца
 Гремит в водостоках, на проволоке виснет,
 И тёмные пятна рисует на стенах,
 В умытых тяжёлых скрывается листьях,
 Гуляет по площади, мокнущей сцене,
 И в улиц сырых неестественном блеске
 Гуляют под ручку с домами деревья,
 И скрипка антенны натянутой лески –
 Последний аккорд. В свою душную келью
 Приду, проникая дождливой печалью,
 И сердце тоскливой наполнится мукой:
 Как дождь, я слова торопливо роняю
 Но так же не слышу желаемых звуков...

Отзвенели тонкие бокалы
 И река божественной крови,
 Пролилась в хрусталь моей пиалы...
 Я гуляю пьяным до зари

Среди серых скошенных сараев.
 С перепоею выбитых окон,
 И поверив брошенному раю
 Углублюсь под дубом в тяжкий сон...

А наутро с бодуна очнувшись
 В унисон раздолбанной стране
 Запоёт больное сердце грустно
 О забытой позади весне...

А жизнь пульсирует не так –
 В противотакт биенью сердца,
 Прикинув этот странный факт
 Я ощущаю ясность перца...

Эмаль блестит прикрыв гнильё,
 Тут, в мире фонарей разбитых
 И присвоенье буквы «ё»
 Есть шаг к забвенью алфавита...

Смотрю испуганно в глаза,
 И как огня боюсь вопросов,
 Душа забыв про тормоза
 Прошла все степени износа,

Словно эмиссию триод
 Теряю размышлять способность.
 Мне дан для жизни век не тот
 И с ним недодана духовность...

Когда себя на улице пустой
Под вечер среди снега обнаружишь —
Не возвращайся до утра домой,
Пойми что никому уже не нужен...

Пойди вдоль стен, зайти-ка в божий храм,
Постой там с ощущением туриста,
Пройдись по снегом занятым дворам,
Под аркой в ветра вслушиваясь свисты,

Зайди в музей, направь свои глаза
Не на картины, а на рам замазку,
К чему полотна? Не течёт слеза
Над писанным довольно постным маслом...

Вглядись в прохожих, в спешку их гурьбы,
В снежинок торопливое круженье,
Оставь мечту средь этой кутерьмы
Найти хоть контур мира отраженья...

Пойди-ка лучше в полусонный парк,
Усядся на заснеженной скамейке,
И к воробья чириканию не в лад
Прислушайся, как к трели канарейки...

Разбиты стёкла грустного заката.
Чай недопит. В душе царит разруха.
В излишних одиночества стигматах
Я бьюсь, как в раме чуть живая муха.

Взгляд по углам метается тоскливо,
Как под ногами тросточка слепого,
А под окном не розы, а крапива,
И за стеною шум бачка сливного...

А где-то вдаль небес летят ракеты,
Реклам и окон разгорелся мир...
А тут крадут в подъезде сигареты,
И говорят всегда Вильям Шекспир...

Закат потух... осыпался... растаял...
 Струится горечь вновь из-под бровей,
 Я чувствую, что в неостывшем чае
 Мир всё же отражается верней...

Мы будем с тобою гулять до рассвета,
 И я подарю тебе сон тёмных улиц,
 Пытаясь оставить на миг наше лето,
 Мечтая, чтоб снова сюда мы вернулись,

Мы будем бродить среди окон погасших,
 Под небом, мутнеюще-синим, дождём,
 Забыв и о будущем и о вчерашнем,
 И помня лишь нашу прогулку вдвоём.

Мы будем мечтать сохранить обоюдно
 Хотя бы на миг пустоту площадей,
 Умытую гладь переулков безлюдных,
 И в наших глазах блики ярких огней,

Хотя бы на миг – безрассудные речи,
 Хотя бы на миг – ошибиться испуг,
 Хотя бы на миг – ожидания вечер,
 Хотя бы на миг – привкус слившихся губ,

Хотя бы на миг, чтобы далее снова
 Вернувшись в унылость и серый гранит,
 Припомнить улыбку, твой взор, хоть полслова
 И радости сладкой мгновения пить...

Полупустой троллейбус. Поздно. Вечер.
 Простуда бликов матовых огней.
 Полузаснув до станции конечной
 Я еду в тёмных улицах скорей...

...скорей всего мне просто надоело
Ходить и думать – жизнь невнятный спор
С самим собой: вести осточертело,
И не поймешь, из-за чего сыр-бор...

...вот вы мне просто девушка ответьте –
Зачем? Зачем я еду в этот раз?
Хотя постойте... странно... я отметил
Что очевидно раньше видел вас...

Да, блин! Привет! Ну, я! А ты всё та же:
Уставший взгляд открыт и воспалён,
Чуть-чуть скромна, хитра... нелепо даже
Тебя вновь видеть – словно странный сон...

Скажи хоть слово, улыбнись, мне надо,
Чтоб в свистопляске помертвевших лиц
В мертвящей куче трупного распада
Мелькнула радость в глубине глазниц...

Пуškai гудит троллейбус монотонный,
В пустой туман бессмысленно спешит –
Твой острый взгляд иголкой патефонной
Бежит в канавке вытертой души...

Попава на рельсы, надо понимать,
Что не всегда являешься вагоном,
И уж совсем не каждому подстать
Верховодить составом, эшелоном,

Что можно быть жестянкой из-под шпрот,
Забытой с маслом на путях под вечер,
И что без края чёрный небосвод
Собой не явит даже бесконечность...

Что гром колёс – сверкнёт как будто взрыв –
И стук – не крик – жестянки вдоль по шпалам
Не обозначит явственный разрыв
Надежд с умом непоправимо малым...

Я нёс тебе розы заката,
Бежал по сырой мостовой,
Вдоль арок, безлюдия, статуй,
Возвышенный и сам не свой!

Природа застыла на время:
Домов золотистый хрусталь,
Латунные листья деревьев
И росчерком туши фонарь...

И вот, вожаденно и звонко
Нажал я на кнопку звонка,
Ты вышла в ночнушечке тонкой:
— А?.. Как?.. У-у-у... Ты?.. что?.. где?.. когда-а?

Я ждал, что в зрачках твоих тёмных
Немого заката цветы
Ночей наших прежних бессонных
Огнём отразятся... а ты?..

Косым меня меряя взглядом,
Стонала: — А позже не мог?
Рассветы... восходы... закаты...
Иди-ка ты нафиг, дружок!

С презрением дверь затворилась,
Свет лампочки тускло мерцал,
Глаза мои болью светились...
Ведь я так горел! Так страдал!

Утро

Пейзаж застрял в кровоподтёках масла
Безумной кисти серого дождя.
Дворов рисунок вымокший распластан,
Растянутый на фонарей гвоздях.

Среди перил, заплёванных подъездов,
По темноте забатарейных ниш,
Случайно отоплением согрето
Таится утро, и с толпою рикш

Своей мечты – поблекнувшей тиранши,
Оно в портфелях, сумках, рюкзаках,
Оно в карманах старой кастелянши,
Оно в часах на содранных руках,

Оно плывёт по лужам и помойкам,
Оно гуляет по грязи дворов,
Оно заносит неба мухобойку
Над сотней грустно пригнутых голов,

Оно сжимает толпы в цепи веток,
В оковы лестниц, улиц, проводов,
В больных лучах промозглого рассвета
Оно рвёт лица в пыль полутонов,

По неизбежной логике тирана
Гремят шаги в рассветной тишине,
Блюёт и блещет, пробудившись рано,
Час утра в каждом взгляде и окне.

Песня о русской истории

Завещал, как молитву святую,
Нам Владимир, что Русь окрестил:
Кто не вовремя выпил вторую –
Тот и первую вроде не пил.

Скорей, не зевай,
Стакан наливай!
Ведь тот, кто не пьёт
В рай не попадёт!

Дмитрий иго татарское скинул –
Потому что от пращуров знал –
Тот, кто третью не в срок опрокинул,
Тот вторую зазря наливал.

Скорей, наливай –
Повержен Мамай!
Прогнали врага –
Ига нет ни фига...

От Пожарского шляхте досталось –
 Он от Минина тайну узнал –
 Кто с четвёртой замешкался, малость,
 Тот и третью не выпивал.

Солдат – труба зовёт!
 Стаканы – и в поход!
 Тех штык не берёт,
 Кто водочку пьёт.

Пётр шведа при всех оскандалил,
 Зная русский старинный секрет:
 Кто не вовремя пятую налил –
 Тот четвёртую вылил в клозет!

Нам швед дал ответ –
 Пить водку, иль нет.
 Карл пить не умел –
 Под Полтавой сгорел.

Ушаков турок выбрил вчистую,
 Где же им недоделанным знать:
 Кто не вовремя налил шестую,
 Тому пятой не стоит давать.

Турецкий паша
 Не пил ни шиша,
 А герой спирт любил,
 Ихний флот потопил.

Так давайте восславим Петрова,
 Кто, немало затративши сил,
 И доходчиво так, и толково
 Ход истории нам обобщил.

России верный страж
 Стакан гранёный наш,
 Мгновенно входишь в раж,
 Глотнув C₂H₅OH!

И отметим же радостно все мы
 День рожденья дружка своего,

И придержимся сей теоремы,
Выпивая за мудрость его:

Мы все ей-Богу рождены
Для возлияний и войны,
Надёжен, прочен щит страны,
Когда налиты стаканы!

Жук

Жук лежал
На столе.
Поезда проносились,
И Марс непроснувшийся спал,
Уподобляясь Земле.
И прожилки не бились
На лице её.
Она шла и ушла –
Комета Галлея.
Жук лежал, моё тихое жильё
Как печаль водолея:
Мокра,
Спокойна,
Тонка.
Материя воздуха.
Смерть жука
Так незначительна, как и всегда,
Словно в море крупица песка...
А человека?..

Я заложник печальных нот
(Это, видимо, генетически)
Их пронёс иудейский народ
(Полуотчим) с времён языческих,

Они всюду – во взмахе смычка,
В ожидании робком чуда,
В скрипе в тёмной тайге сучка,
В чёрством стрёкоте «Ундервуда»,

В телеграфно-ночном бреду,
В инквизитора взгляде бесовском,
Они писаны на роду
И пером и ножовки обрезками...

Дальний возглас услышав вновь,
От вины я страдаю внутренней,
Что спокойная бьётся кровь
По вискам в тишине утренней...

Мокрым утром в лучах золотого рассвета
Я спалил тебя в сердце, в рассудке своём.
Я развеял твой прах в отсыревшее лето,
Над синеющей улицы сонным ручьём.

Бросив вызов, деревья, согнувшему ветру,
Пепел твой мне приходит в кошмарах ночных,
Я кладу его в кашу, солю им котлеты,
Он лежит словно пыль на дорогах моих.

Он в пыли, что сдуваю я с пола, прогорклой,
Он стучит в моё сердце, как будто я Тиль,
И грозит перекрыть воздух серою пробкой,
Только я залезаю под вечер в бутыль.

Он везде! От него мне нигде не укрыться
Больше жизни хочу этим утром немым
Как уран после взрыва в огне раствориться
И смешать пепел свой с горьким пеплом твоим...

Давайте у клезмеров будем учиться –
Давайте вернёмся к древнейшим корням –
(ведь этого в целом не нужно стыдиться)
Давайте уложим ровнее бедлам

Среди наших мыслей, оденемся в чёрное,
И ноты ума перебрав в голове,
По улицам мира пойдём беспризорные,
Свистя мелодично и всем и себе;

Возьмём же уроки у клезмерской скрипки,
Что плачет, вновь видя ашдодский закат,
Восточную улицу, вспышки улыбки –
И рупор прикрутим к затылку назад –

Пусть мысли польются, кипя и сливаясь,
Делясь на клочки, и посеяв добро,
Мир станет на миг хоть подобием рая
И к клетке со страстью прижмётся ребро.

Хочется разбиться о скалы,
Сгореть, входя в атмосферу,
Но жизнь – это слишком мало,
Тюрьма для рассудка, наверно...

А хочется по карнизу,
По краю гулять на закате,
Не музу призвать, а шизу,
Кричать по паркам проклятья.

И, может, в какой-то извилине
Среди лабиринта проулков
Мелькнёт: соверши усилие,
Живи вот так в переулке –

Встречай холодное утро,
С ближневосточным туманом,
И в тающем перламутре
Ищи видения странные...

Деклатим

*Студентка Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

а самолёты не падают,
не разбиваются, потому что
это
банально
непредсказуемо-скучно
между землёй и небом, конечно, война
но воздушные
гуманитарные
коридоры
остаются открытыми
и никто их не трогает
они остаются подушками
понимаешь,
понимаешь меня?
что с тобою теперь может случиться?

самолёты не падают
не разбиваются
они даже не дрогнут
всё должно получиться
они знают, что всё получится

упиваются своим знанием
но не говорят нам и тем самым нервируют
мы ими, кажется, окружены

мы им изменяем с вокзалами
и поездами, идущими мимо
всех мест, которые нам нужны

а самолёты не падают
просто
слишком, слишком много стереотипов
если подумать –
это не надо им

если подумать —
 им это, наверно, противно
 самолёты не падают
 а твой, твой — тем более
 потому что достаточно было «плохо», не правда ли?
 потому что теперь всё будет
 и будет здорово,
 потому что пора графикам жизни стать плавными
 всё
 будет
 хорошо
 до судорог, до немоты
 и — это самое главное —
 твои
 самолёты
 не падают
 потому что
 в них
 ты

Hero

— я же знал, что придёт успех, но не знал откуда, —
 говорит он мне, а я смотрю, как на дурака,
 на него или, нет, смотрю, как на Иуду,
 и рука не справляется с пружиной курка.

день сурка расплетает судьбы и рвёт нервишки.
 мы играем сценарий теории зоопарка.
 мы играем, хотя давно потеряли фишки,
 и торгуем со всеми, наплевав на эмбарго.

вам лучше не знать, чем же мы там торгуем.
 нет, не то чтобы нелегально или опасно,
 но не дай ни чёрт, ни бог вам бы выбрать такую
 жизнь.

и я не хочу рисовать её в красках.

я вообще не хочу ни рисовать, ни рассказывать,
 но кто-то тянет и тянет меня за язык.
 если вкратце – мы собираем себя из разного,
 обрубая верхи и подрезаем низы,
 загоняемся в рамки, а потом идёт мясорубка,
 которая выбивает всё из души.
 и в итоге ты получаешь трупик.
 немного сожжённый, ибо никто не тушил.
 но трупик души, а не тела, потому что тела
 уже неактуальны и ими давно торгуют.
 а мы отдаём эмоции.
 такие дела.
 и мы вряд ли
 избрали бы жизнь другую.

потому что он говорит, что пришёл успех.
 потому что мы вам нужны, потому что есть спрос,
 даже если кажется, что мы вдвоём против всех.
 главное – что мы вдвоём и играем всерьёз.

да, мы тигры в клетке, а может быть, тигры в клетку.
 а может, даже не тигры, не хищники вовсе.
 но мы будем перед вами в сезон летом.
 в несезон тоже будем – когда придёт осень.

мы по разные стороны баррикад,
 но играем в одну игру, значит, общая цель.
 и плевать, что между нами река.
 и плевать, что на кону один только цент.
 и плевать, что выйти отсюда никак.
 да на всё, на всё наплевать, тут важен процесс.

день сурка продолжает упорно ломать судьбы,
 но рука уже не дрожит над взведённым курком.
 и ты думаешь: «дальше линию свою гнуть бы
 и очнуться бы в месте совершенно другом».

но тебя очень ждут здесь, хоть ты не superhero,
 хоть ты в большей степени просто чмошник и лох.
 ты жалеешь, что предков твоих не убил ирод,
 что с тобой самолёт не разбил сумасшедший пилот.

но тебя всё ещё ждут, потому что ты нужен,
 потому что ты крут на своём месте,
 несмотря на то, что ты не приготовишь ужин
 и завтрак и забудешь купить невесте
 цветы и мишку.
 суть в том, что ты не для этого
 создавался. ты не для быта и мелочей.
 богу – богово. ну а тебе – фиолетово
 на повседневность, на смену дней и ночей.
 ты superhero, просто не там, где ты видишь,
 просто всё сильно масштабней. ты можешь больше.
 просто те, кто создавался для лидерств,
 поначалу не могут принять счёта ноль-шесть.
 проиграть не могут всухую, опускают руки,
 разувериваются и не играют дальше,
 забывают всё, что знали, все крутые трюки,
 не подозревая, что остаются круты всё так же.
 но подозревая, что нужны для чего-то,
 оставляя себя тлеть. не сгорают, не тухнут.
 остаются ходить по краю и ждать безотчётно
 вызова, шанса, боя, испытания духа.

дожидаются, но, как правило, слишком поздно.
 а тебе повезло – к тебе-то пришли вовремя.
 значит, самое время бежать и срывать звёзды.
 значит, самое время понимать то, что не понято.

но уже не дрожит даже палец над спуском.
 и уже
 кажется,
 что
 терять
 нечего.
 смысла нет и поэтому скоро не будет пульса.

но ты бросаешь кубик и идёшь спасать человечество.

Холст

Или что должно стать, чтобы ты говорил со мной, чтоб как раньше, ты разгонял тоску? Я рисую тебя на бумаге рисовой, и рука дрожит от мазка к мазку, и стекают чернила слезами на пол; я рисую, рисую твой огонёк, а огонь с зажигалки слезает и капает чёрным пеплом и прячется между строк. Я рисую тебя среди цифр и знаков, и пакую в альбом, и вплетаю в шрифты. И везде каждый раз ты смешно-одинаков, потому что везде каждый раз – не ты, потому что я помню тебя настолько, что излишне уродовать болтовнёй, что излишне насильно кромсасть на дольки, клеить в целое и тебя видеть в нём.

Приходи ко мне, только не в кошмарах, не в бреде, не подтекстом, а просто так, приходи не тайфуном и не пожаром – прилетай, становись синицей в руках. Только не забывай, слышишь, не забывай меня, ибо нет ни в одном из «goodbye» слова «good».

Мне сказали, что всё тогда будет правильно, когда я тебя вспомнить не смогу.

Граф-6. Память

Граф, милый, услышь меня напоследок.

Запоминай, что тебе сделать нужно.

Научись, наконец, свет отличать от тени.

Научись, наконец, вражду различать и дружбу.

Забывай бывших, запоминай настоящих.

Узнавай

будущих.

Звони тем, кого любишь.

Звони чаще.

Делай то, что нравится

и

свой

путь ищи.

Это было раз.

Два –

победителя делает не победа,

а проигравшего карма.

Вспоминай, граф, каким ты

бывал шикарным.

Постоянная
Планка —
удел Максов.
Продолжай стремиться.
Не опускайся.
Вспоминай всё, что забыл забыть. Вспоминай.
Сила в правде, а правда — в прошлом,
ибо оно — опыт.
Имена
значат
не
больше,
чем ничего. Ты
поймёшь. Вспомнишь.

И три.
Островки
безопасности
небезопасны.
Особенно тем,
кто жить привык под водой.

Когда
догорает
зелёный
и сошлись пазлы —
нас
уже
здесь
не будет
с тобой.

Допрос

я хотел посвятить ей песню
взял бумагу ручку
вместо этого
привели какого-то идиота
хоть плачь

хоть спейся
что он и сделал короче
в итоге я светил ему лампой в лицо
точнее в то
что от лица осталось
а осталось не очень много
минут двадцать мы со спецом
честно пытались распознать
и пробить по базе
но в общем с начала самого было понятно
что бесполезно
даже отпечатки пальцев не снять
а я тут придурок с песнями лезу
не в том месте работаю
не о том вообще думаю
тут
немного
другая
тусня
а он сидел напротив
много шрамов на лбу
сказал от гвоздей
руки дрожат
красно-кровавые
сказал от гвоздик
насколько я помню
никого похожего не было никогда здесь
насколько я помню
никто до него
не был
так одинок и дик

я не знал с чего начать
он заговорил первым
о правоохранительных органах
о терроризме
о текстах священных книг
о том что в современном мире

богом можно стать и без веры
достаточно иметь свой бзик
и много стройматериалов
стигматы делаются обычной дрелью
терновый венец из саморезов и алюминиевой проволоки
или тонкой металлической палки
крест из дсп
главное
чтобы ты всё потерял а
голгофа найдётся на любой свалке

я оставил его
вышел на улицу
зажёг маяк сигареты
через три минуты пришла вероника
пока её ждал оторвал пуговицу
придумал название планеты
и первую строчку песни
не знаю зачем
вероятно бомж в отделении вынес мозг
покруче чем мог бы мессер
вероника принесла полотенце и куртку
потому что ночью дежурить холодно
сказала что выиграл челси
сказала что лучше б я курил трубку
в идеале не курил бы вообще
а то и так выгляжу лохом и олухом
я ей сказал мол
ты тоже не святая
и не бессмертная не кощей
отправил домой

когда я зашёл он казался бодрее
и даже как будто взрослей
я спросил
кто-то тебя знает
он ответил
что у него есть одиннадцать друзей
я спросил

ты чё оушен что ли
он ответил что да почти но есть ещё один
и это ты
я не понял
я оказался немножко в шоке
я даже собрался уже уходить
он сказал вас должно быть двенадцать
и что он здесь во второй раз
я спросил
когда же был первый
он ответил ты знаешь
и я вспомнил
глядя ему в глаза
и мы оба ответили одновременно

почти две
тысячи
лет
назад

Запах зимы,
никогда не бывавшей моей,
но некогда бывшей со мной,
пробивает в висок.
Он не забыл,
когда лучше быть смелей,
когда лучше выйти в ноль,
а когда – на часок.
Он помнит всё,
убивая меня этим всем,
воскрешая меня этим всем,
убивая опять.
Он режиссёр
теперь и создатель схем,
по которым я
ни с чем
уйду умирать.

Небо затянуто тучами

Небо затянулось.

Небо

затяжку

сделало,

держа сигарету трубы дрожащими пальцами

дождя; вдыхая планету лёгкими облаков,

вдыхая то, что от этой планеты останется.

Если останется. Может, не всё потеряно,

не все меры найдены.

Если можно

зажигалкой не делать дерево,

если можно дерево

не награждать

ссадиной.

А небо,

туберкулёзно-свинцовое небо,

вскрывает себя редкими солнца лучами.

Я вспоминаю

все места, где я не был,

смотрю на его суицид

и

не решаюсь связаться с врачами.

ο таком уродстве не пишут – плюют стихами

ο таком кричи не кричи ной не ной – не стихает

это нефть в грудной клетке

расплавленный пластик по венам

это аутодафе за то что ты мне не поверил.

это было не больно потому что всегда не больно

когда нет нервных клеток

когда забивают колья

в твоё тело а ты продолжаешься дальше быть

не смертельны колья коль себя не считать живым.

все дескрипты побочкой друг к другу возникли однажды
 но подумай не зная правды так стрёмно ли в лаже
 ничего мне не страшно
 услышь же меня mon cher
 восемнадцать лет горчит у меня в душе.

я не чувствую смерти
 я в ней нахожусь перманентно
 безуспешны попытки совместить и места и моменты
 ведь течение жизни бардак а не current mood
 и когда ты уйдёшь я даже и не пойму.

Я иду за победой,
 отрицая её как явление.
 Есть мой щит – sheet of paper –
 и меч
 как предел мечтаний.
 Мне бы рядом с иглой, но знать,
 что на игле не я.
 Мне б не видеть, как те,
 что рядом,
 на ней
 тают.

Мне бы страхам своим изменять
 так же часто, как совести,
 прекратив перед этим
 приравнивать её
 к бойфренду.
 Мне бы меньше башку забивать
 на предмет
 «кто с кем совместим».
 Мне бы в действиях
 перестать видеть смыслы по Фрейду.
 Разучиться бы
 ставить
 себе

диагнозы,
равно как на себе ставить
эксперименты
и вернуть
хоть какой-нибудь
идеал назад,
чтобы с ним по сравнению
хоть
что-нибудь
меркло.

Я сижу без щита,
идеала,
иглы и страха.
Посмотри мне в зрачки.
Посчитай,
если сможешь,
пульс.
Я сегодня пойду
(добровольно пойду!)
на плаху,
если,
конечно,
выберусь
из пуль.

с каждым фингалом мир становится всё приятней –
чем меньше видишь, тем легче идти на ошупь.
с каждым осознанным, с каждым принятым «я не...»
становишься чище, устойчивее и проще.

с каждой крупинкой соли, застрявшей рядом
с очередной открытой – становишься мягче.
боль умеет учить, как её бы ни спрятал,
учить понимать, кто здесь ещё что-то прячет.

с каждой песчинкой в руке становишься ближе
к солнцу и морю. горы, спускаясь в воду,

разбивают теорию «третий – как следствие, лишний»,
заставляя благоговейно держаться поодаль.

с каждым стимулом жить остальные смотрят,
не понимая, зачем это есть стимул.
а ты идёшь дальше всё так же бодро,
чеканишь шаг и нарочно ровняешь спину.

Черта
характера
становится вектором политики,
лезвием,
по которому ежедневно ходишь,
аргументом
функции кровонепролития,
единицей и ноликом
на двоичном коде.
Ты кидаешь клубок.
Я
теряю
нить.
Я рублю канат и бросаю якорь.
Я же вроде просила со мной не юлить.
Ты же вроде мне
не запрещал
якать.
Я знаю,
ты любишь плевать в колодцы.
Ты, кажется, считаешь Будду.
Я не знаю,
сколько
ещё
бороться.
Но я точно знаю,
что буду.

это просто ноябрь. многоточие невозврата.
 рваный контур траншей, оставшийся на душе.
 это выжженный на сетчатке девиз «брат за брата»,
 превратившийся в «отсидись за спиной» – клише.
 это просто ноябрь. что ни день – годовщина смерти.
 и куда ни плюнь – попадёшь всё равно в себя.
 это просто ноябрь. погладь его против шерсти.
 и страхни с него тех, что на шее его сидят.
 это просто ноябрь, кометой горящий в сердце,
 кометой влетевший в глотку, заставив молчать.
 просто месяц-11, переборщивший с перцем,
 насаливший мне и сжёгший последний причал
 отражением заката и коркой упавших листьев
 на кривое зеркало грязно-чернильных волн.

это значит, что надо выдохнуть,
 расчехлиться,
 примириться со всем
 и пойти провожать
 его.

Юлия САВЧЕНКО

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
 Электротехнического университета Императора
 Александра III*

Красная ваниль

Мне снова попытаться открыть?
 Думаешь, это хорошая идея?
 Стой, попробуй свой облик закрыть,
 Хоть на минуту скрой своего злодея.
 Понимаешь, что я имею в виду?
 Попытаюсь ответить сам...
 Я делаю глоток твоего тела,
 Даже если буду знать,
 Что совершаю в бреду,

Я снова присвоен твоим рукам.
 Ты захватила меня всецело,
 Ты красный демон с ароматом ванили,
 Во мне всё живое омертвело,
 Когда тебя на мои пальцы пролили.
 Ты как цвет моей жизни,
 Но кажется уже ею стал,
 Ты как роза, ты как цвет того самого платья,
 Я никогда не дарил розы,
 Ведь они лишь для казни,
 Я помню, оно было длинное,
 Ты была в нём бледна,
 Тогда мой азарт к тебе и пропал.
 Я снова говорю о тебе,
 Ты не роза и не чёртово платье,
 Которое вспоминаю при каждом глотке,
 В тебе теперь всё моё бытие.
 И вот я уже чувствую твою руку,
 Она обхватывает мою шею и грудь,
 Не раздаётся ни звуку,
 Мой организм наполнила твоя суть.

погибая, от мысли вдохновляющей
 когда-то... вспоминаешь мерцающее пламя,
 затея ведь казалась привлекающей,
 мы были близко, словно вырезая собственное пламя.
 и будто всё казалось вечным,
 тот факт, что далеко, но так невообразимо близко,
 что сердце сердцу, будто встречным
 словом, мыслью склонялось так покорно низко.
 а что же разум?
 оспаривал, принять не мог действительность;
 привлечь пытаясь сомнительные волны,
 даже тогда, открывши ложь,
 он вызвал выразительность.
 ожидания, думы о происходящем опережают...

всю суть подобной реальности,
 тогда ж... есть продолжение у данного конца?
 когда мы, совершив ошибки,
 гордимся собственной закрытости,
 в свой разум посылаем чёртова гонца,
 который, казалось бы, найдёт то самое...
 глупцы! мы убиваем, собственно, своё творение.
 исход всё тот же – разочарование, наверное,
 хотя, тогда бы не было и мысли о конце.
 всё это так безмерно скверно.
 казалось бы...
 но может быть поведают о том гонце?

Да

Я, будучи сильным и крепким, с виду...
 Ждал конца, перелистывая в счёте старые шаги,
 Пусть всё, что здесь есть мысль Парменида,
 даже счётный шаг,
 Что записал мне тех в надёжные враги.
 Действительность казалась пустотой,
 Когда вы все мне были чужды мыслью, любой.
 Казалось, я стал единственной овцой, овцой в убой,
 Но просто знайте, я был другой, да и сейчас,
 Свет на себя и жизнь свою пролил не сам,
 Целитель был лишь шуткою тот час, а стал лучом моим,
 Теперь он есть моя роса, что звонко улыбается,
 когда вокруг чуть жадная гроза.
 Даже когда светло, даже когда есть миг открыть глаза,
 Он светит ярче, он светит в душу мне,
 Даря свободно мировые пояса, на всей планете,
 Нет гендера, мы оба наравне.
 Вот только любим первое начало, привязываясь ко второму,
 Я думал, ранее меня не существовало, отнюдь
 Всё та же жизнь, но стал я видеть по-другому,
 Ни то ли чище, ни то грязнее,
 Выше, вот так сказать вернее.

Душа

изо дня в день,
каждый раз за тобой наблюдая,
я вижу,
как ты опережаешь свою тень,
под прозрачные, как шёлк, лучи попадая.
кто-то может твердить, что это притворство,
кто-то говорит о ложной попытке исправить,
но я знаю тебя,
твои мысли я вижу, словно искусство,
хотя и ему твой образ нужно противопоставить.
нет чёткой грани светлого,
но и нельзя указать на тёмное,
нечто необыкновенное,
отражаются отблески белого,
в этой улыбке есть что-то забавное,
но поистине такое душевное...
я наблюдал каждую твою эмоцию,
будь то печаль, радость или злость,
и знаешь,
я видел в ней лишь грацию,
ту самую, светлую и невинную молодость.
твоя жизнь ведаёт мне о терпении,
о внутреннем стержне хрупкого создания,
завораживающе,
я вижу тебя в движении,
в этом нашем чёртовом мироздании.
твоё движение будет для меня вечным,
ведь ты та самая душа,
ты рядом,
и время будет казаться быстротечным,
а мы всё так же будем жить не спеша,
искусством и закалённым дымом дыша.

Не ты

Я не помню своего детства,
Причину не могу назвать;
Нет, это не скрытность,
Скорее, попытка подавить любопытство
Или нежелание признавать.
Я не помню многих фрагментов,
Но я запомнил другое,
Что никогда бы не вспомнил иной,
И это не обыденность среди других элементов,
И даже не дорога в пустое,
Хотя показалось именно так...
Это память не о детстве,
Это память о детали твоей,
Я почувствовал это в родстве,
В родстве с душою моей.
Я многое сохранял,
Мой палец всё ещё виснет над кнопкой,
Слабак,
Я всегда себе повторял:
«Будь мягким и робким»,
Как же я ошибался,
И дело не в гендерном признаке,
Просто я слишком тобой пропитался,
И забыл, что такое отпор,
И застрял в этом чёртовом облаке.
Мне казалось, я знаю тебя,
Но ты лишь незнакомец,
Слишком наивно,
А ты стал частью меня,
То ли завоеватель, то ли творец.
Остаётся одно,
И ты промолчишь,
Да, я знаю: «Я же пытался»,
Обвинив меня заодно,
Но я эту схему пронюхал,
Теперь ты закричишь.
Это не боль,

Это те самые ответы,
 Я нашёл их,
 Из жизни исчезни, изволь,
 Я знаю, что это не ты,
 Это лишь плод моей особой мечты...

Анонимно

вечер. солнце село где-то в семь,
 в мусорном баке догорает бычок вон того ребёнка,
 снова минует день,
 странно, на нём же пару лет назад была пелёнка.
 хотя и на мне тоже, но я же просто прохожий, да?
 я отвлёкся и проследовал в то самое место,
 где авторы пытаются выдать себя за людей,
 типа знаете, как делать в обратном порядке тесто,
 но только, простите, здесь нету печей.
 грэг начал что-то рассказывать про его поход в магазин,
 все остальные слишком ярко слушают этот бред,
 я, кажись, один тут, как чёртов паразит,
 не пытаюсь напрягать слух, чтобы услышать,
 мол салафановый пакет это вред.
 вы спросите: «простите, что вы тут сами забыли?»
 да знаете, моя цель не есть выдача себя за другого,
 но я себя, кажись, вовсе забыл, вот и другие потом тоже забыли.
 этот круг напоминает мне общество анонимных сожителей одного дома,
 никто не называет своего имени,
 но все живут в одной какой-то однотипной среде,
 и даже меня как будто постигла кома,
 они называют это «находиться в творческой беде», отвратительно.
 мне здесь безразлична судьба абсолютно каждого,
 кроме неё
 мелиса...
 услышь мой голос, как слышат кварцы звук приходящего ветра,
 мелиса...
 ты есть воплощение такого грязного, болезнетворного существа,
 но как же ты манишь каждый лучик цветного спектра,
 я буду слушать истории чертова грэга хоть до темна,

но лишь чтобы увидеть твою ухмылку и безразличный взгляд,
надеющийся на спасение твоего вдохновения.

Никита САФИРОВ

*Студент Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

Под покровом зимней ночи,
В полутьме еле дыша,
Закрывают люди ночи,
К сновидениям спеша.
За окном гуляет вьюга,
Пешеходов торопя.
Очень явно намекая:
«Спать уже давно пора!»
С неба пылью серебристой,
Землю укрывает снег.
И мгновенье замирает,
Расплываясь, словно век.
Все покрыто снежным взором:
Ветки, крыши и дворы.
Одинокий пёс дозором
Бродит в поисках еды.
В тёмном небе одиноким
Улыбается луна.
Понимая, что немногим
Отличается она.
Тускло вспыхивают звёзды,
Растворяются в ночи,
Оставляя на мгновенье еле видные следы.
Всё убранство зимней сказки
Не даёт пойти в кровать,
Заставляя молча думать,
Улыбаться и мечтать.

Веронике в день рождения

Снег, метель, пурга и вьюга.
За окном трещит мороз,
А в твоей душе, подруга,
Словно райский сад из роз,
Неслучайно в сердце лето
И улыбка на лице.
На печаль ты наложила вето,
Спрятав всю её в ларце.
Ведь сегодня светлый праздник:
День рождения у тебя,
И весёлый день, проказник,
Восхваляет лишь тебя.
Что сказать в такое время?
Будь любима, хороша.
Сбрось проблем устало время.
Прогуляйся, не спеша.
Пусть тебя наполнят светом
Твоих близких голоса.
И раскрасят ярким цветом
Жизнь твою лишь чудеса.

Мы циничными стали все.
Мы забыли свою культуру.
Красоту растворив в бирюзе,
Превратили безмолвно в купюру.
Мы не ценим памяти предков.
На историю гордо плюём.
И случается крайне не редко,
Что друзей мы своих предаём.
Каждый мнит себя идеалом.
Безупречным буквально во всём,
Но зато смешным ритуалам
С головою себя отдаём.
Мы не можем остановиться
И взглянуть на себя без очков.

Ведь нам страшно от правды скривиться,
 Что слетает с чужих языков.
 Не внимаем полезным советам.
 Все желаем мы быстро постичь.
 Но в погоне за ложным ответом
 Идеала нам не достичь.

В универе учиться прикольно:
 За тобою никто не следит.
 Но веди себя, братец, достойно:
 От свободы нехило мутит.
 От свободы начнутся гулянья
 И веселья всю ночь напролёт,
 Но на сессии будут рыдания:
 Лень, мой друг – это тоже залёт!
 А вообще, быть студентом неплохо:
 Свежий ум, много сил и не стар.
 Нужно лишь предстоять пред пороком:
 Не сбежать, как приятели, с пар.
 Пусть профессия и бесполезна,
 Пусть учёба житья не даёт,
 Но закалка та станет железной.
 Разве это не жизни полёт?!
 В мире нет бесполезного знания,
 Для всего применение есть,
 Ты, мой друг, получаешь образование,
 Не должно оно надоесть.
 Не забудь ты, студент, и о жизни:
 Развлекаться – полезнейший дар!
 Разложи все по полочкам мысли.
 И вперёд! Покоряй земной шар!

Ксения СЕВАСТЬЯНОВА

*Студентка Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

куда ни посмотри – кругом костёр:
горят мосты, горит душа, а вор
горящую с себя сметает шапку.
круговорот огня – и на повтор.

куда ни взглянь – везде сплошной пожар.
огнём пылает солнца ясный шар,
в аду бушуют пляски костровые.
огонь внутри – твой страх и твой же дар.

любовь – костёр. поддай скорей огня!
я жгу себя, и ты сжигай меня.
как Маяковский душу выжигаю,
костёр любя и тотчас же кляня.

я жгу, я отжигаю, ну же, жги!
как взглядом прожигаящим враги
друг друга столь любезно награждают,
шипя как паровые утюги.

палят траву, сжигают дневники –
меня твоим касанием руки
как газовой конфоркой обжигает
физическим законам вопреки.

первая правдивая строка –
это всё, что нужно для начала.
знаешь, мне порой чертовки мало
стен, полов, обоев, потолка,
на крючке ржавелом пиджака...

мне порой ужасно не везёт –
слишком мало света, много пыли,
разговоров в духе «или-или»,
веры в то, что вдруг произойдёт
то, чего ты ждёшь который год...

то, о чем забыл и не узнал,
от чего сбежал в стихи и песни.
мне намного больше интересно
прятать в отражении зеркал
запах звёзд и блеск железных скал.

первая строка – и в обиход
на притворной, белой, ясной глади.
только ты начни писать о правде –
и строка сама тебя найдёт.

[ты – лучший образ у писателя-фантаста.
мы сопоставлены по принципу контраста]

когда ты рядом – я ребёнок.
я юна. ты улыбаешься –
плывёт короста наста,
ты обнимаешь – и в душе
цветёт весна. когда ты рядом –
мир забыт (разбитый глобус).
пусть всё ни к чёрту,
не приехал мой автобус,
пусть разделяют километры города...
когда ты пишешь – забываю страх
и злобу и улыбаюсь как дурная, это да.

и тут нет разницы – прекрасно или больно (?) –
смеяться вместе – разве это не прикольно?
...хранить моменты, изучая твой анфас,
ждать смс, петляя коридором школьным
и устремлять свой взор в закаты карих глаз.
когда разрушена тоска и повседневность –
ты чувствуй что-то. что угодно. даже ревность.
и будь поблизости (не рядом – так внутри).
пусть сохраняется речей твоих напевность,
течёт по венам. от заката до зари.

...закаты часто вечерами крыши лижут.
 ты будь, пожалуйста, поближе-ближе-ближе —
 давай вдвоём смотреть, какая благодать.
 любовь показывалась в сотнях разных книжек —
 но я свечу тебе. и не боюсь сгорать.

...бывает часто, знаешь: еду я в трамвае,
 черчу узоры на стекле, пишу о мае,
 иду до дома по заснеженной тропе...

(...мне так забавно —
 ты читаешь, но не знаешь,
 что этот стих я
 написала
 о тебе...)

а ветер шуршит по страницам из книг,
 бумажный кораблик плывёт, словно бриг
 как будто не просто какой «озорник» —
 а судно морское.

а солнце бросает на землю лучи,
 от света улыбки свежи, горячи.
 и ты всем кричишь: «оглянись, не ворчи!
 забудь про мирское!».

за мартом проносится резвый апрель
 и птичья звенит предраcсветная трель.
 всем кажется — кто-то пролил акварель
 на небо и солнце.

а в воздухе — жизнь и тепло, запах трав.
 так ночь обнимает меня, словно шарф.
 луна же сверкает [загадочный сплав]
 блестящим червонцем.

...стоят под луной города и леса,
 а небо — как будто из звёзд паруса

плывёт. рассыпается утром роса
по чистым лужайкам.

и мы, просыпаясь, бежим по лугам,
и лнут васильки к обнаженным ногам —
вот слышится смех, голоса, шум и гам:
«скорей, догоняй-ка!»

а ветер шумит, прогоняет печаль,
поёт точно птица, звенит, словно сталь.
и ты укрываешься в тёплую шаль
и смотришь на небо.

...свобода так рвётся моя из груди,
известно, что ждёт что-то там впереди,
но если б не ветер, не солнце, дожди —
была бы я?
где бы?

расскажи мне о том,
как рассвет встаёт на Булаке
и как страшно курить первую
сигарету.
как влюблённые
не понимают
простые
знаки,
почему любят лето?

расскажи о том,
почему во сне
падаю
в пропасть,
а потом вздрагиваю,
оказываясь в кровати?
говорит ли рыба, которую
пререзает лопасть,
отчаянное, немое «хватит!»?

расскажи,
почему первый поцелуй
всегда нелепый,
но всё равно навечно в сердце
впаян?
почему девочки
доверяют слепо
тем, кто безрассуден
и отчаян?

расскажи мне про вечерние огни Кремля.
скажи,
где рождаются таланты?
почему
я не подкинула
ни рубля
уличному
музыканту?

почему
пересыхает в горле, когда говорю на народе?
почему не умею звучно смеяться?
не помню наизусть ни одну мелодию?
не обладаю грацией?

почему люди бросаются
в пролёты и этажи
и что их заставляет
мучиться и гнить?
а есть ли гарантия, что я
не одна из них —

скажи?

...клянусь,
мне больше
не у кого
спросить

я приду к тебе с приветом,
 а вернее – прибегу.
 надо думать, будет лето.
 на изогнутом в дугу
 небосводе будут тучки,
 да барашки-облака.
 мы, две бабушкины внучки –
 две сестры-к-руке-рука.
 я приду к тебе, и встретят
 черноплодка и ирга,
 свежий августовский ветер,
 дачный бронзовый загар,
 сливы, яблоки, фиалки,
 да опушки мягче льна,
 вышибалы, догонялки
 и дворовая шпана.
 будем, ветер рассекая,
 гнать на великах с горы,
 гладить тёплыми руками
 небосводные ковры.
 сохранять свои секреты в
 полотне of tender grass.
 вечно-вечно верить в лето.
 знать, что лето верит в нас
 солнцем, в охру разодетым,
 тихим сном на берегу...

я приду к тебе с приветом,
 а точнее –
 прибегу.

я пишу стихи, ты знаешь,
 я ведь чувствую так много,
 мне так хочется взлететь,
 но почему-то не лечу.
 я, наверное, больная,

нужно быть, наверно, строгой.
не была б настолько тщетной —
обратилась бы к врачу.

мне сейчас всего семнадцать.
говорят, что это мало,
а мне страшно, если буду
хуже всех и старше всех.
как мне быть, а не казаться?
вынуть чёртовое жало,
обуздать свои причуды
и бестактный громкий смех?

как не плакать каждой ночью,
в одиночестве сгорая,
не бродить ночным проспектом
с мыслью «только б не домой»?
этот город одиночек
от начала и до края.
город тысячи дефектов:
позабытый и чумной.

я пытаюсь быть свободной
(получается не очень).
вместо книжек и уроков
я играю и пою.
я слежу за гладью водной
под покровом тёмной ночи
и кладу на мост широкий
не спеша ладонь свою.

в одиночестве гуляю
и не думаю о прошлом
(вру и вру напропалую —
я ведь только им живу).
может, выведет кривая,
может, скоро будет можно
сбросить давящую сбрую,
как осеннюю листву?

я пою стихи и песни,
я ведь чувствую так много.
я взлечу когда-то, знаешь,
светом небо заслоня.
я в семнадцать так прелестна,
я иду своей дорогой
от заката и до мая...

ну заметь же ты меня!

ожидая весну,
проверяй свои google-карты:
километры, петляя,
дорогу срезают к марту.
затянулись в клубок: киломе...
киломе... километры...
каждый третий прохожий
озябнул давно уж от ветра,
каждый первый прохожий
в душе поселил этот ветер.
каждый(!). каждый(!)
забыл, что мы дети.
безумные
дети.

в этом городе носят под куртками чёрные души,
на небесном лице не осталось горящих веснушек
и свинцом накрываются серенькие многостройки.
город сломлен внутри (а на вид – даже, в общем-то, стойкий).
плачет свет фонарей и стоят одинокие клёны.
каждый в городе сломленный, выбитый и покорённый.

сыро стыннут проспекты.
 плескалась безумная улица.
 вдалеке — человек.
 прикурил и немножко сутулится.
 в синей майке, зелёных штанах,
 фиолетовой куртке:
 он играет с машинными фарами
 в сонные жмурки,
 говорит со звездой,
 задаёт несуразно вопросы
 и бросает чуть тлеющий пепел с его папиросы.
 я смотрю на него и чешу озабоченно гетры —
 между мною и им киломе... киломе... километры...
 ...небо, щёки и розы в витринах под цвет киселя.
 — обещаешь
 меня
 подождать
 на краю
 февраля?

Татьяна СЕМЁНОВА

*Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза
 Российских писателей*

Здесь всё — стихи. Витает Гений места.
 Диван Гитовича и серебристый лох.
 В соседнем домике ахматовское кресло
 Совсем недавно кто-то уволок.
 Три женщины: прекрасные Елены —
 Писательские жёны за стеной.
 Конечно, были слёзы и измены,
 Но тучи проходили стороной.
 Когда весною зацветает ландыш,
 Как будто свечи белые зажгли

В зелёном храме, сразу понимаешь,
 Что небеса касаются земли.
 И в этой заурядности строений,
 В заборе из штакетника живёт
 Неистовый источник вдохновений
 И будоражит нас, который год.

Фонари горят в посёлке –
 Белых клавиш череда.
 Между ними чёрным – ёлки –
 Музыкальная среда.
 А на них играет ветер,
 Словы всю ночь поют
 Колыбельную на флейте:
 «Баю – баюшки-баю...»
 Спит красавица, ей принцы
 Только снятся иногда,
 Но она пошла на принцип:
 Ни за что и никогда
 Не проснусь без поцелуя,
 Вот тогда и под венец!
 Аллилуйя! Аллилуйя!
 Старой сказочке конец.

Надежда СВИРИДОВА

*Студентка Национального Исследовательского
 университета – Высшая Школа Экономики*

Я схожу с ума, отдавая себя без остатка.
 Виновата сама, но вовсе не в этом суть.
 Почему же на таких странных людей я падка?
 После них мои вены заполняет ртуть.

Я теперь не скрываю моих сил упадка.
И сегодня мне, пожалуй, уже не уснуть.
Только стоит ли ждать очередного припадка,
Что снова в ночи искалечит рваную грудь?

Для меня этот мир – одна большая загадка,
Но я совсем не боюсь, поглубже копнуть.
И если всё-таки есть что-то без недостатка,
Не позволю чёртову миру это спугнуть.

И вроде уже не чужие,
Но все же ещё не близки.
Казалось, такие родные,
Оказалось, что так далеки.

В твоём взгляде я вижу нежность,
И твой голос звучит добрей,
Только мы позабыли честность.
И всё боремся, кто же умней.

Наши войны и стачки кровавые
Без прощения и не прощаясь
Нас заставят припасть на колени,
Слёзно друг перед другом каясь.

Даже страшно смотреть тебе вслед...
Ты вернёшься?
Ты же мне обещал со мной встретить рассвет.
Только что-то не всходит потухшее солнце,
И слепит почему-то фонарный свет.

Почему за всё это время так мало
Довелось мне в тебе открыть?
И я снова, поникнув, устало,
Ухожу от тебя прямо вниз.

Твоя грусть ни на чью не похожа.
И ты сам не такой, как все.

От тебя лишь мурашки по коже
В этой жизненной суете.

Знаю, ты не опустишь руки.
И не буду тебя ждать.
Нам же не привыкать к разлуке.
Жаль, что ты не позволил обнять.

Моя вера неверная брошена в воду,
Так что я остаюсь ждать у моря погоды.
И чуть позже, надежды нигде не найдя,
Мою тихую грусть смоят капли дождя.

Из заброшенной лавки разбитых сердец
Над моею кроватью чужих снов ловец.
И, если я снова тебя не найду,
Обещаю, во сне к тебе точно приду.
Нет гарантий, нет правды. Вокруг одна ложь
Моей жизни давно изготовлен чертёж.
Но как жаль, что искажены черты.
И как жаль, что одна из погрешностей – ты.

И если однажды мы не проснёмся,
Прошу, продолжай идти без меня.
И пусть твоё сердце будет открыто
Приходу кульминационного дня.
И если ты всё же с колен своих встанешь,
И если сотни пойдут за тобой,
Прошу, сохрани хоть малейшую память
О той, что когда-то все звали мной.

Между нами пропасть, над ней понимания прах.
Ты всё это с лёгкостью назовешь чем-то мнимым.
Но, как это ни странно, сделав один лишь шаг,
Ты стал для меня чем-то жизненно необходимым.
Избитые фразы, вдоль и поперёк
Заполняют тебя, попадая в кровоток.
Никто из нас того не предостерёг,
Что ты будешь незаменим, словно каждый вдох.
Мне не нужно размышлять о его состоянии.
Я могу твердить, что он мне вовсе не нужен.
Но если я буду держаться на расстоянии,
Объём моих лёгких будет резко сужен.
Мы снова шагаем по краю острого лезвия,
И я не могу знать, всё ли перетерплю.
Но надеюсь, ты не предашь моего доверия.
Ты знаешь, быть может, я просто тебя люблю?

И снова твой взгляд и грустная улыбка.
Держи меня за руку и не отпускай.
Очередная мучительная пытка,
И снова ты не даёшь мне ступить за край.
Твои глаза тоже переполнены грустью.
И стойкость твою я не осмелюсь узнать.
Ты научил меня меньше думать о боли,
И эту боль от всех, кроме тебя скрывать.
Спасибо за твои всегда тёплые руки,
И за всегда подставленное плечо.
За то, что не даёшь умереть со скуки,
И позволяешь плакать горячо.
Я признаю, что я просто невыносима.
Прости меня, за все грубые слова.
Просто спасибо за то, что ты остался.
Просто спасибо, что я ещё жива...

Просил простить, но нет тебе прощенья.
 Это не ты, а я на сей раз ухожу.
 Прошу искать в других я утешенья.
 Тобой я не дышала. Не дышу.

Я не вернусь. И большего не нужно.
 Ведь это лучшее, что я могла бы дать.
 И ненависть моя к тебе безбожна.
 Я буду жить. А ты существовать.

Но знай, однажды, корчась от страданий,
 Ища спасенье в краденом вине,
 Ты будешь выть от боли всех терзаний!
 И вот тогда ты вспомнишь обо мне.

Николай СЕРГЕЕВ

Выпускник Филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета

Волхвы Невы

Город рыцарем в доспехах —
 Несуразный и громоздкий,
 Взятый в плен своим же войском,
 Не поднимется никак.
 «Пожелай ему успеха,
 А поможешь — сам дурак!»

Мы смеёмся, мы ликуем,
 День-деньской меж пыльных статуй
 Отрабатывать зарплату
 Чёрно-белую спешим...
 Плачут кони Клодта, коим
 Не скакать среди машин.

А поэты не для денег
 Смотрят на осколки неба

В зеркалах витрин, и хлеба
 Пожалеем мы для них.
 Лучше в камень их оденем,
 Отобрав и скомкав стих.

«Для богатых интуристов
 Стать приманкой не хотите?
 Уходите, уходите, –
 Им рычат худые львы, –
 С небом звёздным, небом чистым
 Вы «на ты», волхвы Невы!»

Не уходят, остаются:
 «Нас ведёт звезда другая,
 Мы в пути, но не шагами
 Измеряется наш путь...»
 И, даря стихи, смеются
 Те волхвы – и в этом суть.

Живите по рельсам, легко и спокойно,
 Читайте газеты и верьте законам,
 Служите (пусть тошно) и деньги копите,
 Чтоб каждую зиму простуженный Питер
 Бросать, наслаждаясь теплом чужеземным,
 Листать на английском и местном газеты
 И в них понимать лишь прогнозы погоды,
 И, глядя на числа, не думать про годы...

Листья приклеены к чёрным аллеям.
 Не шевелюсь я, должно быть, от лени.
 Зонтик мой сломанный, в небо лети –
 Нечем мне больше за ветер платить.

Дождик вобьёт в меня парочку мыслей.
 Господи Боже, как много здесь листьев!
 Света конец я вчера пропустил:
 Не изменился мой слог и мой стиль.

Рядом хрипит, задыхается стройка...
Срубят под корень мой дактиль – и только.
Только пока не рассохнется клей,
Небо не станет светлей.

Лужи смеются над небом.
Люди смеются над всем.
Приходи ко мне с джином и хлебом,
Приходи – и я тебя съем.

Двери бегут от ветра.
Люди бегут от любви.
Приходи – обойдёмся без света,
Приходи – и мы будем «на вы».

Чашки чувствуют горечь.
Люди чувствуют смерть.
Приходи, чтоб исчезнуть в полночь,
Приходи, чтоб не быть со мной впредь.

Лужи сохнут под солнцем.
Люди – добыча червей.
Джин твой по-прежнему пьётся!
Булка не стала черствей!

«Писать через боль»?

А если судьбой

Не вышел?

И просто ходил

Вдвоём – не один –

По крышам,

И руку держал

В руке – не кинжал,

Не скальпель,

Не думал, не пел,

А слушал капель

Без «как бы»...

И лишь пару строк
 Об этом – в метро,
 В цейтноте,
 Чтоб после на щит
 Их критик ташил...
 Вы – против?

Собираясь отплыть куда-то,
 Улыбнувшись прощальным лицам
 Перед тем, как рубить канаты,
 Перед тем, как рычать и злиться,
 Не считая себя пророком,
 Не имея претензий личных,
 Говорю невзначай, негромко:
 «Уберите из лодки лишних!»

Там, где цветёт чертополох
 Небесно-голубой,
 Там, где любой переполох
 Кончается гульбой,
 Там, где безвластен Интернет
 И вянут провода,
 Там где меня не просто нет –
 Не будет никогда,
 Быть может, там мой быстрый взор
 Изведал бы покой –
 Там недовышит трав узор,
 И ветер под рукой,
 И копошение людей
 (Таких же, как и здесь)
 В моём сознании идей
 Не осаждало б взвесь...

Но я, увы,
увы,
увы,
Не там,
не там,
не там!
Скатился с берегов Невы
К избитым в пыль местам.

Ещё чуть-чуть осталось пасть,
Вишнёвых дров спилить,
Чтоб или под трамвай попасть,
Иль маслице разлить.

Тогда ни деревца в душе,
Ни бронзы через век,
Тогда (простите за клише)
Обычный человек,

Что по просёлочной кривой
Руля (ведь он – не лох!),
Чертовский подымает вой,
Давя чертополох.

Трамвай, занесённый ветром,
Шатаясь, идёт по свету,

А снег забрёл не туда,
И с неба вода, вода...

Кругом всё так пресно, пресно –
Зевоту наводит пресса,

На дно погрузились планы,
А я не умею плавать.

«Вожатый, свяжитесь с небом.
Ну что там у нас со снегом,

А так же с моей звездой?»
«Я вам, – был ответ, – не святой!

Трамвай же не Ноев ковчег
И едет в парк на ночлег...»

Ну ладно, пускай не Ноев.
Я больше уже не ною —

Я молча впадаю в сны.
А снег... подождет до весны.

Ты видишь в зеркале Эдгара По
С вороном на плече,
Или окрестности Лимпопо —
Край непуганых Че.
Шторы отдёрни — и это пройдёт
(Или открой глаза).
И, если хочешь, то он придёт.
Он давно уже «за».
Он перемоем все чашки твои,
Выстирает штаны,
Он будет песенки петь за двоих,
Не заметив войны.
Ты же, свой собственный сумрак творя,
Ляжешь на белый листок
И, ни слова не говоря,
Он уберёт тебя в стол...

Ходим чёрные и чистые:
Очи долу, в позе плач,
Отфутболиваем истину
На ходу как будто мяч,
Да как ловко — нас бы в сборную!
Только будет ли судья
Трактовать моменты спорные
В нашу пользу? А бродя
Оборванцами убогими,
Мы на матче — в ложе VIP.

И кричим, взывая к Богу, мы:
«Бедный мячик, как он влип!»

Я уехал бы отсюда, уехал бы...
И неважно – за звездой, ради смеха ли,
И неважно – наяву, в сновиденьях ли
И, конечно, я не взял с собой денег бы...

И меня менты ссадили бы с поезда,
Ночевал бы я, наверное, Бог весть где,
И добрался б я до цели – неведомо.
Да и сам себе скорей всего не дал бы!

Для чего же мне пути окончание –
Лечь в постель и написать завещание?
Я бы ездил... ну пока бы мне ездилося,
Пока б Венечки улыбка мне грезилась...

И друзья мои – раскисшие, бледные –
Рано ль, поздно ли, за мною б последовали!
Я уехал бы отсюда, уехал бы...
Жаль, что вечно не до звёзд и не до смеха мне!

Наталия СИВОХИНА

Участница поэтического семинара им. Г.С. Гампер

Д.В.

Не верилось, но под кожу вросло судьбой.
Краплённые карты выпали нам с тобой:
Чахоточный свет, тюремный гранит волны,
Пустые кварталы да ледяные сны.
Кому и не знать, как ночи теперь легки,
Как с площади зимней в небо уйдут полки,
В последнем каре построясь на «ать-два-три»:
Любуйся на них и голову задери.

Докурят, затушат, выбросят, выйдут вон.
 Под дробь барабана, птичий кандалный звон,
 И глина, и перекопанная трава
 Налипнут на арестантские рукава.

В кафе полутемно. Сипит певица. Что видит этой ночью мойщик пола? Паркет и пятна, туфли и ботинки танцующих, осколок хрусталя. Что видит музыкант? Свою виолу, кисть со смычком, и фартуки, и лица, и праздник, и фужеры, и подносы, и тусклый свет как в трюме корабля. Что видит алкоголик? Сон, в котором уродливый художник нас рисует, и скачет кисть над разбитной палитрой, и мир застыл, его искусство для. Но оживают шлюхи и лакеи, и шарят по карманам пальцы вора, и под бездарной копией картины храпит плебей усталый, как земля. Что видит мальчик? Самолёт и поле. И всё это с закрытыми глазами. Колышутся податливые шторы. Смычок тоскует ниже этажом. Он навсегда остался в том, что видит, с воздушным змеем, рвущимся на волю, сбегая по цветочному узору, чтоб так и не проститься с миражом. Что видит под собой немецкий лётчик? Мерцающую реку, тёмный город, и точки бегущих врассыпную, и крыши в оглушающем пике. Мы навсегда остались в этой ночи: ошую смерти, взрыва одесную, а самолётик взмыл в тугое «завтра», а мир остыл в холодном кулаке. Что видел ночью старый дом парижский, распавшийся от авиаудара? Сначала тень, потом такую вспышку, которая на миг затмила небо, и стала им в свихнувшемся кино. И страшный грохот лопнувшего камня, и тень крыла. Убитого мальчишку. И сполохи проклятого пожара истории, которой всё равно.

И тёмные машины для убийства, и те, кто знать не знал в объятьях века о них, а у дверей качались ветки каштана, и чернел квадрат земли. Но в миг, когда ты бьёшься смертной птичкой, прости, малыш – мы песня шансоньетки, посмертный сон весёлого Лотрека – и мы ничем тебе не помогли.

Тысячу лет считая себя скалой,
 Прочно стоял и чувствовал, как извне
 Почва меня покрыла – за слоем слой,
 Чтобы потом выращивать лес на мне.
 Речка текла, следя за её волной,
 Звери неслись по залитым мхом камням.

Маленькие однажды пришли за мной,
 Выломав, повезли к своим деревням.
 Зря сквозь огонь пытался понять их речь.
 Молот гудел. Я стал им под стать и так.
 Бросили в воду после. Назвали «меч».
 Кровью я жил. И с мёртвым упал в овраг.
 Помню ещё, был дому и миру друг.
 Славно трудился, с первой вставал звездой.
 Люди меня тогда называли «плуг»,
 Сеяли и ходили за бороздой.
 В тигле кипел, по плоскому камню тёк,
 Листика тоньше сделался, наконец.
 И раскололся. Пот отерев со щёк,
 Выковал гривну деве своей кузнец.
 Всё поросло быльём и в песок ушло,
 Поле и дом, и молот на камне том,
 Воздух прозрачен стал, что твоё стекло.
 Время дрожит внутри как последний стон.

Ржавчиною в высокий курган просел.
 Корни вросли в цветочном горячем сне.
 Осенью не осталось меня совсем.
 Ветер степной пришёл и запел во мне.

Так тает снег, летя во мрак двора.
 Поймаешь – и ладонь от слёз мокра.
 Последний лист, дрожа, что твой герой,
 Спускается один в кленовый строй
 И падает в пятно от фонаря –
 Игрушечный солдатик ноября.
 Так всё, на чём случайно пойман ты,
 Утрачивает прежние черты.
 Тогда глухая музыка извне,
 Неловкие слова и двор в окне,
 Путь от метро, которым ты домой,
 Осенний ветер, этот лист смешной

Сбегают, как слеза, в воронку дня,
И вновь плывут по венам у меня.

Столько лет тебе, что хотя бы
Принесла уже в подоле...
По грибы всё ходила баба –
Приучала себя к земле.
Ну и та её привечала,
Разливала неяркий свет.
Вот и всё, начинай сначала.
Отпускай и молчи вослед.

Вот я и следом рыжая собака.
Упав в траву, любая тень двояка.
Трещит сучок, и вспархивает птица.
Проходит день – потом ночами снится.
Откель пришёл, кого ты бросил, дядя,
Что изучаешь мох, под корни глядя,
Про всё забывший, на краю у лета?
Трава кругом примята... Нет ответа.
Тут каждый глух, петляя между кочек.
С ножом в руке и ничего не хочет.
Но помнит: там, за россыпью бузинной
Бредет двойник. А на локте – корзина.

Два рельса, ведущие никуда,
Впадут в изумрудный мох.
И станут крапива и лебеда,
Пырей и чертополох.
Гремела дорога, но зацвела,
Когда проросли вдали
Кузнечика песенка, полумгла,
Рассыпчатый смех земли.
Тебе надоело искать врагов;
Налей его до краёв,

Покосишь под осень тела грибов
 У домика муравьёв.
 Готова картошка, шипит лучок,
 И тает остаток дня.
 Срежь меня, глупенький грибничок,
 Не вздумай жалеть меня.

Марфа

Ибо благая доля, да не моя:
 Слушать в тени олив, в полутьме жилья
 Проповедь мира (яшма и хризолит).
 Марфа, сестрица, сердце моё болит.
 Что же, пойдём собирать урожай в саду,
 Мыть и готовить в дымном своём чаду.
 Вот чечевица, хлеб, виноград, кинза.
 Вот на Марию смотрят Его глаза.
 Ну, разливай вино, привечай гостей,
 Раз уж глуха по части благих вестей.
 Деревце, пересохшее на корню.
 Вера, как блеф: имею, да не храню.
 Так и замри, не отирая рук.
 Бог засыпает, гаснут и свет, и звук.
 Марфа смешна, во взгляде её вина,
 Пряди её опутала седина.

Про войну

Понарошечные врачи открывали йод.
 Над домами надсадно каркало вороньё.
 Несмертельная боль накатит, да и убьёт —
 Если ты не придёшь спасти меня от неё.
 Как звенели дожди по горлышкам медных труб,
 Как сносили ручьи наш парусный утлый флот...
 До чего безнадёжно каждый был смел и глуп:
 Небывалый моряк, нестрелянный ас-пилот.
 Шли в атаку, да потерялись на полпути.
 Отряхнули ладони: вот и пора домой.
 Всё случилось, ты видишь, некуда нам идти.

Оттого-то и враг сегодня печален мой.
 Полководец бездарный, список своих утрат
 Никому не отдам, и, видимо, с ним умру.
 Позабывшее имя шепча в голубой квадрат
 С неизменной звездой, растаявшей поутру.

Отзывай сватов, Фатима-ханым.
 Не грусти, сестра моя, не грусти:
 Мальчик-праздник ходит по выходным –
 Весь в расцвете своих сорока шести.
 Приносивший розочку с пирогом,
 Аккуратно складывая пиджак,
 Он смертельным станет тебе врагом –
 Перелётный ангел, самец, вожак.
 Потаённо всхлипнет струна любви
 Среди прочих равнозапретных тем.
 Эта птичка – лови её, не лови –
 Посещает нас собирать гарем.
 Неземным сиянием окружён,
 Он обнимет ноги твои в тоске.
 Поувязнут звоночки детей и жён
 В полинялых джинсах, что след в песке.
 Он-то знает, где у тебя болит,
 Потому под боком из года в год.
 Адресат бессвязных твоих молитв,
 Он сейчас подует и сам пройдёт.
 Будешь мыть посуду, стирать бельё,
 Ездить летом к морю или к реке.
 И однажды боль твоя запоёт
 На невнятном ангельском языке.

В городе детства, где каждый из нас одинок,
 Воздух морозный, разлуки негромкий звонок
 Преображается, плачется звоном трамвайным.
 Сбросить одежду, тянуть из бокалов вино,

Мы, прижимаясь друг к другу, уходим на дно
 В сломанной лодочке памяти бликом случайным.
 Жизнь ускользает дворами – поди, догони,
 Машет оттуда, забытому слову сродни,
 Снегом летит с высоты нестерпимой и острой.
 Просто обнявшись, над толщей растраченных лет
 Молча смотреть из окна: замечается след.
 Падают наискось хлопья на Каменный остров.
 Ей бы остаться за литерой в стиле модерн,
 Леченной болью своих известковых каверн,
 Лаской случайной, морозом и жаром по коже.
 Сердце не помнит обиды, но всё же болит.
 Будешь листать эту летопись стёршихся плит –
 Вспомни, пожалуйста, Господи, вспомни нас тоже.

Воздвиженка. Ломали старый дом.
 Стена трещала прошлогодним льдом,
 Бульдозером кирпич сгребали в груды.
 Кренился герб, как на могиле крест,
 И призраки не узнавали мест,
 И стон стоял от Оптиной до сюда.
 Здесь жил Толстой. И чувствуя вину,
 Мальчишки защищали старину,
 А прочие не видели позора
 В убийстве дома, что в брусчатку врос.
 Полиция решала сей вопрос,
 Ведя в ОП* ребят из Архнадзора.
 Покрыла пыль деревья и траву,
 Босая тень бродила наяву,
 Обломки дома обходя неловко.
 Ладонью проводила по лицу,
 Но подходил рабочий день к концу,
 И шли со стройки палачи в спецовках.

* ОП – отделение полиции

Под вечер замирала суета,
 Зияла непривычно пустота,
 Лежала рухлядь, бывшая стеною.
 В бреду металась старая Москва.
 Стоял Иван, не помнящий родства,
 И что-то разгоралось за спиною.

Здесь имярек лежит на тёплых досках,
 подставив солнцу хмурое лицо.
 Сверчки бормочут, но прозрачен воздух,
 и боль его смыкается в кольцо.
 Невиданные синие стрекозы
 играют по-над зеркалом реки.
 И от стихотворения до прозы
 по-прежнему каких-то полстроки.
 Вот он встаёт с мостков, в глазах, как в окнах,
 отражены то мир, то пустота.
 Нырять в воду. Испугался окунь,
 плеснув, таится в иле у моста.
 Изъедена душа до червоточин,
 почти наполовину жизнь прошла.
 Чего он потерял в воде проточной,
 в изгибах цвета тёмного стекла?
 Одна секунда, а потом другая,
 он, оттолкнувшись, вынырнет со дна:
 Смотреть на лес, где звери пробегают,
 и заново давать им имена.

Сползая по выюнкам зелёным,
 Ложится солнце на мостки.
 Три женщины плывут в червонном
 Дрожащем золоте реки.

Ещё одна на берегу и
 К ней от воды несётся смех.

Ищи полвека жизнь другую,
Всё выпадет одна на всех.

Калитку древнюю открыли,
Прошли сквозь чей-то огород,
Нырнули в Лету. Всё забыли.
Жара стоит и лес плывёт.

Посёлок

Воздуха столько, что пьянеешь, сжимая виски.
Здесь под окном ночами грохочут товарняки.
Разрушены клуб и мельница, больше простора, меньше жилья.
Вспоминаешь прошлое, словно чужое: не про меня, не я.
Так говоришь неслышно ночи и соловью:
Не отмотать обратно чёртову жизнь свою,
Не исправить её ниоткуда. Время пойдёт своим чередом.
Бухой Витёк заснёт с сигаретой, спалив деревянный дом.
Сосед зарубит соседку. Не мир, а крошечный мрак.
То ли киномеханик что-то включил не так,
То ли смертей в сценарии вышло слишком, и свет погас за стеной.
Но нет, да вернутся первые кадры, вычеркнутые мной.
Видится полуживым в шуме прошедших лет.
Садимся на третий ряд мы, трубочкой мну билет.
Всем по каким-то восемь, жизнь несчастлива, солнечна, солона,
Но это начало. В прокате кино про Раджу и его слона.

Дети на даче глупую развели.
«Жду тебя, – пишут. – Семечко для земли.
Кружит планета.
Папа.
Любовь чиста.
Встретимся у смородинного куста».
Гляньте, как полетела она во двор.
Сбиты коленки. Камешек, косогор.
Бабкины крики. Джемпер красивый: ведь
Лыбится олимпийский с него медведь.

Больше не верит мелкая никому,
 Только пираты-рыцари потому.
 Отзвуки драмы, маленькой и смешной:
 Вроде забылось, а до сих пор со мной.
 Вот самый грозный входит фрегат на рейд.
 Вот самый взро... До колик хохочет Фрейд.
 Множество лет, невнятное, как транслит,
 Вместо коленок где-то в груди болит.
 Что же мы это, зверем ревёт тоска.
 Ты не спасёшь меня, бабушка, бабушка.
 Речка течёт – змеиные рукава,
 Светлая на могиле твоей трава.

Нарисуй пейзаж, а выходит мир.
 Штрих под краской – реки из берегов.
 Вот набросок: станция, дно, пунктир,
 Человек из сонма моих богов.
 Вот летят за окнами – хоть куда –
 Городишки, просеки и поля.
 Наверху невидная днём звезда,
 Ожидает лоцмана корабля.
 Вот экраны липких речей дрожат,
 Заливая в уши слова, слова.
 Ни за грош погибший лежит солдат,
 И ещё не знает того вдова.
 Вот эпоха войн и её гробы,
 Вот глупцы, стоящие на пути.
 Вот две точки – нашей с тобой судьбы,
 Вот закат в дыму, как земля в горсти.
 Отболело, вроде бы, и прошло,
 Приходи хоть ночью, пока я сплю.
 На тогдашнем небе с утра светло,
 Я вчерашним сердцем тебя люблю.

В.Р.

И когда рассеется, было нахлынув, мрак,
 И мотор заглохнет, и крона замрёт в окне,
 Ты поймёшь бедолага, делалось всё не так,
 Выбегая на встречную в полузабытом сне.
 До последнего жил, как мог, и держал, как мог,
 Эту вязкую глушь, птичий шорох, больничный бред,
 Претворяя в слова, кольца в отраву строк,
 Вот и всё, остальное теперь – пустота и свет.
 Я тебя не зову, но слышу тебя в ночи,
 Потому что помню, как шуришься ты, живой.
 И когдажимают плечами твои врачи
 И, сутулясь, выходят – я слушаю голос твой.

А дворик как дворик – вот лунный диск, да облака стёртый мел.
 Здесь птичек подкармливал брат Франциск – да так и окаменел.
 Стоит он с животной своей семьёй, все звери бегут к нему.
 И вот, улыбается за скамьёй, почти отступив во тьму.
 Больница ощерилась прямо в ночь чистилищами палат.
 Кому ты, сумеешь, монах, помочь, кого ты всё ждешь у врат?

Бредовое рыбье

Камешек: абрис, плавник, чешуя-слеза...
 Слышишь, нырни обратно, закрой глаза,
 То не твоя забота – чужое горе.
 Там что ни век, то голод, война, чума.
 Донная рыба моя, не сходи с ума:
 Твой океан иссяк, но осталось море...
 Волны сшибаются, скалы молчат своё,
 Жабры раскрыты, но хочется в забытьё
 Кануть, как в воду, которая здесь повсюду.
 Стать поплавком, качающимся в волнах,
 Прошлую жизнь свою посылая нах –
 Это почти нирвана, но ты не будда.

Ижора

Так колеблется тень на квадрате песка:
 За слоями слои под резцом мастерка,
 И ни клича тебе, ни напева.
 Стынет ветренный вдох на границе времён,
 Но песок на курганах не помнит имён,
 Только «Дерево». «Фибула». «Дева».
 Уложи её спать на иных берегах,
 Закопай черепки с топорищем в ногах,
 Будто боги однажды отыщут
 Там, в лесу, где вода необычна на вкус,
 Безымянные кости под россыпью бус,
 Молчаливое это жилище.
 Плачь, владыка, не веря, что там вдалеке
 Ты уходишь один в первобытной тоске,
 Над тобою сгущаются пятна.
 Как песку, тебе ведом ответ на вопрос:
 Пляшет солнце в ветвях, словно в прядях волос,
 Но никто не вернётся обратно.

Потому что однажды захочешь совсем онеметь.
 Пролетит паутинка, былинка, осенняя медь.
 Что мне лето — черника в корзине и блик на руке —
 Всё токует на этом прозрачном своём языке?
 Если, знаешь, живу я, как будто совсем не живу,
 Уронив свои лучшие сны, точно ножик в траву,
 Как в дурмане лесном, на каком, на таком берегу
 Говорить, говорить, говорить, говорить не могу...
 В электричке трясясь, за перроном считая перрон,
 Где попутчица едет и едет с чужих похорон
 И джин-тоника банку всё не выпускает из рук,
 Жизнь расскажет, и чуть не проедет, и выскочит вдруг.
 Только мимо проносят клеёнки и ленты для мух,
 И зачем только дура-душа обращается в слух...
 От вещей, мелочей, как от звуков, болит голова.
 И решения нет. Остаются пустые слова.

Когда не жалко больше никого,
И мячик-время скачет по асфальту,
И время-слёзы всё текут сквозь пальцы;
Река и катер, трубы и завод.
И трёт глазёнки плачущий малыш,
Подавленный своим ничтожным горем,
А сверху было небо – стало море,
Где острова вороны крон и крыш.
Кораблики бумажных облаков
Плывут в свою небесную Аляску.
И сны весной подёрнуты, как ряской,
И омут их глубок и незнаком...
А день перетекает во вчера,
Пусть никто-никто тебя не слышит.
Здесь май живёт, и ветер спит на крыше,
И яблоня цветёт в конце двора.

Алексей СИЛИНСКИЙ

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

В её движенье каждом – нежность,
И в каждом слове – пенье птиц.
В улыбке скромной – безмятежность,
Во взгляде – грация цариц.

На потном стекле кривое сердечко
Вывел последний, может, романтик.
Крыши домов – завязанный бантик
На шее столицы северной вечной.

Про кофе

Пятиэтажный серый дом
Похож на скромное надгробье.
Под ним – забытый, погребён,
Надежд и веры склад огромный.

И люди, что в домах живут,
Забыв совсем стремиться к профи,
Вздыхая несчастливо, пьют
Остывший растворимый кофе.

Над городом пыхтит труба,
И дело близко к катастрофе...
Но производится всегда
По норме этот пошлый кофе.

Светофор

А ночью грустно светофору,
Ведь некому ему светить.
И холод дышит хлороформом
В окно, что я забыл закрыть.

А сверху капли, будто кто-то плачет,
И тает безнадёжный потолок...
В руке блокнот. Наверно, что-то значат
В его странице пара строк.

Клянусь я – днём всё зло промчится мимо,
Не бойся, мой печальный светофор.
Ночь впереди – спасенье от рутины...
И вскорости машин утихнет хор.

София СНЕГИРЁВА

*Студентка Национального Исследовательского
университета – Высшая Школа Экономики*

расскажи, что ты помнишь апрель в девяносто четвёртом,
дай возможность себя почувствовать адекватным,
без шизы, без синдромов, во времени распростёртых.

дай услышать о юности не через стекловату.

моя милая, сумасшедшая скандалистка,
вспоминай, как ты плакала, сидя в футболке рваной,
квинтэссенция нецензурщины на английском,
не дошедшая до нирваны.
я не старый мудрец и не псих с городской больницы,
только снится вот прядь, накрученная на палец.
дай хотя бы малейший шанс самому убедиться,
что твои и мои ладони соприкасались.
дай мне вспомнить, как ты, красивая, молодая,
спала рядом, пока я сидел в темноте, понимая,
что меня этот вечер талантливо искалечил.
потому что твои немного дрожащие плечи,
твой синяк на бедре, слёзы, спутанные в ресницах,
и тату твоё на руке в виде злого чёрта,
твои просьбы поцеловать, станцевать, напиться
и прожить этот вечер, немного друг друга любя,
застрелили в апреле,
весной,
в девяносто четвертом
все попытки забыть и не полюбить тебя.

* 05.04.1994. ушёл из жизни Курт Кобейн

Без возможности

я могу быть той самой пулей,
разукрасившей твой висок.
быть жужжащей, как дикий улей
и стремительной, как бросок,
а могу как зелёный барбус
на тебя сквозь стекло смотреть.
говорить, мол, конечно, справлюсь
и уверенной быть на треть.
я могу быть одной ресницей
на щеке у твоей жены
и, когда по ночам не спится,
автостопом – и в твои сны.
я могу быть бинтом, который
перевяжется на ребре,
лучом света пройти сквозь шторы,
разбудить тебя на заре.
быть постскриптумом к тем запискам,
что лежали в твоих руках,
или лишним стаканом с виски,
что набатом стучит в висках.
сторублёвкой в пальто осеннем
или пуговицей на нём,
незаметной иглой в сене,
метко брошенным вдаль копьём.
я могу отравиться хлоркой,
а могу быть святой на треть.
мы с тобой, как Дали и Лорка,
то есть мне суждено умереть,
быть расстрелянной утром в поле,
очернённым гнильём беды,
и смотреть, как дорожки крови
оставляют свои следы
на рубашке,
как кто-то всуе
оставляет их на твоей
тёплым утреннем поцелуем,
пока греет твою постель.

дышит сдавленно, еле-еле,
не решаясь коснуться плеч.

я всю жизнь с тобой параллельно,
без возможности пересечь.

Если уйдёшь на фронт

По ночам меня клинит и скручивает живот,
Неприлично настойчив становится липкий страх.
Мы с тобою не встретимся, если уйдёшь на фронт.
И тогда тебе больше не спать на моих руках,
Мне тогда не гулять по тропинкам твоих бровей,
Не сидеть на твоих губах, проводив закаты.
И забавно, что мне это даже страшнее, чем дверь,
проломившая череп мужчине во время теракта.

Мы с тобою не встретимся, если наступит война.
Там от писем, отправленных в спешке, не станет лучше.
Вот представь: ты – один, я – одна, мы летим до дна,
всё летит с катушек.

Ты, наверно, умрёшь, защитив собой, как щитом,
И подаришь последние вдохи ночной тишине.
Упадёшь на траву и весь скорчишься, а потом,
сплюнув кровь, возможно, подумаешь обо мне.

И ещё очень страшно думать, что вот уже
телевизоры, радио рвутся напополам.
Ты садишься в вагон, а он полностью из ножей.
Идеально заточенных и направленных к нам.

А потом мне становится лучше. Болит в висках,
Но зато отрезвляет лучше воды в лицо.
Ты, по сути, уже и не спишь на моих руках.
Иногда вытекаешь памятью из рубцов.

Конец повести – значит страницы не шелестят,
Даже если конец тяжелее, чем синий кит.
Только я ещё слышу твой голос в очередях,
И внутри почему-то всё выжженное болит.

По ночам меня клинит — я стягиваю бинты,
и все травмы ползут осторожно в мою кровать.
Мне не встретить тебя. С войной или без войны.
Значит можно уже,
наверно,
спокойно
спать.

Картина

позвони мне, когда уже за полночь, разбуди.
помолчи, повздыхай и покури в динамик.
между нами твой дым, как ниточка.

м е ж д у н а м и .

и мои разговоры о важном и ерунде.
ты — картина в музее. в объёмах холста-тюрьмы.
виден каждый порез, каждая линия сгиба.
люди-критики больше похожи на стаи рыбы:
размыкаются губы, вот только слова немые.
кто-то смотрит в тебя и видит пустой листок,
кто-то делает громче и слышит один лишь кашель.
у кого-то все чувства кипят, как кастрюля с кашей,
и по телу проходит ток.

ты — картина в музее, новенький экспонат.
кто-то пьёт вино и, прислонившись к краю,
говорит так, как будто что-то в тебе понимает.
ему хлопают.

критик, конечно, безумно рад.

кто-то хочет купить и повесить тебя в кабинет,
кто-то хочет повесить тебя над камином, дома,
ну а кто-то в больнице и у кого-то кома,
так что им до тебя, наверно, и дела нет.

только ты — картина, искусство, белесый луч,
одинокие звёзды в небе и слово «верьте»,
одновременно смысл жить и причина смерти

и ликёр из туч.

и когда-нибудь кто-то посмотрит сквозь акварель
и поймёт тебя до единого мелкого штриха,
шумно выдохнет, скажет: такая неразбериха
у меня от тебя. не знаю, что делать теперь.
ты – единственный холст, который я смог понять.

и тогда всё равно: брюнет или светло-русый.

только я не смогу. не смогу к тебе больше вернуться,
потому что, ты знаешь, я так далека от искусства

и забыла, как рисовать.

Очень простое стихотворение

я проросла в тебе, как цветок,
пока ты клыком разгрызал тик-так.
и я не ужалила, словно ток, –
пробилась тихонько там, где партак,
на сгибе локтя, вот так, вот тут,
попала в тебе лишь известный такт.
и стебель зашёлся как сердце – тук,
и жилки в листочках сложились в пакт
о ненападении, то есть так,
что если ты тонешь, то я твой круг,
что если настиг несчастливый брак,
то я навек закадычный друг.
и что я всегда прихожу на крик,
и что на тебя не жалею строк,
что, даже когда ты уже старик,
я стерегу твой костлявый бок.
без ног, без рук, но пробилась в миг,
на сгибе локтя, там, где синяк,
чтоб искоса видеть твой божий лик.
ты вырвал с корнем. решил: сорняк.

Про ад

В этой комнате нет дверей, потолка и окон,
и пространство изогнуто в интеграл.
Эта комната чей-то своеобразный кокон
и кольчуга в несколько килограмм.
Здесь есть только единственный стул посреди прихожей,
а на нём сидишь ты, ноги к себе поджав,
и пытаешься прикурить.
Убежать не можешь:
колет рана в боку от собственного ножа.
Говоришь мне, что ты наихудшего средоточие,
ярко-жёлтого и лилового сочетание.
В общем, ты и на человека похож не очень-то,
только если на мутные грязные очертания.
Ты сидишь измождённый, пожёванный и весь скомканный,
обмотавшись своим уродливым «полюби меня»,
твои губы, всегда говорящие, плотно сомкнуты
и глаза перечёркнуты жёлтой линией.
Сквозь рубашку клубится дым гаснущих революций.
А вокруг тебя черти корчатся и смеются.
Говорят мне
«скорей подходи-ка, ляля,
и котел подберем, и покажем тебе кинцо».

Я вторгаюсь в твой ад, оставляя пальто у края,
и рисую поверх очертаний твоё лицо.

Про рай

прости, дорогая, я просто безбожно врал:
не общество сгнило, это я сам весь сгнил.
я сам превратил улыбку свою в оскал,
построил крутую лестницу без перил,
сказал тебе: поднимайся ко мне, скорей,
сегодня мы с богом будем играть в бильярд.
потом пожмём руки, закурим у самых дверей,
возможно, посмотрим прикольный видеоряд.
смолчал, что у бога дела, кабинет закрыт,
и что божьи твари не спят на его руках.

я бегал здесь маленький, жалкий, ревел навзрыд,
 пытаюсь повеситься на кучевых облаках.
 прости, дорогая, тут даже ведь не шалаш,
 и я не твой милый, со мною не как в раю.
 я врал тебе, зная, что ты меня не предашь,
 когда я тебя любовью своей раскрою.
 я знал: ты ходила в церковь по четвергам,
 молилась, как будто бы плачешь или дрожишь.
 я просто не мог рассказать, что всё небо – хлам,
 что вместо святых здесь мудаки, курящий гашиш.
 мне было так страшно, я слышал мольбы людей,
 я слышал, как ты просила вернуть отца.
 я выл, как дворняга: где ангелы, бог ваш где,
 с чего бы старик не показывает лица?
 я мог бы сказать тебе правду, я мог бы, но
 я сдохну один здесь, совсем не осталось сил,
 поэтому поднимайся сюда, на дно.
 прости, дорогая, спаси, дорогая, спаси.
 мне тычется мордой совесть в костлявый бок.
 прости, дорогая, я сволочь, урод и мразь,
 я так нагрешил, но меня не накажет бог.
 прости, дорогая.
 прошу, дорогая,
 залазь.

С уважением и любовью

у тебя вполне такой модный и клёвый прикид,
 дом девятый, этаж восьмой и красивый вид
 из окна на кухне, если смотреть сквозь шторы,
 темноту в глазах и пьяные разговоры,
 или если на всё окно рисовать витражи.
 не придумывай. всё хорошо. нормальная жизнь.
 ты давно уже научился водить и врать,
 по утрам разделять с седьмой по счёту кровать
 в незнакомой квартире и незнакомом районе.
 в незнакомой кухне сидеть и смотреть, как тонет
 первый сахарный кубик. и растворяется в ноль.

выбрось снова сим-карту, поставь себе новый пароль,
чтоб седьмая по счёту больше тебя не нашла
(это честно – её разговоры полнейший шлак
и в глазах её карих не тонется, как ни крути).
ты же взрослый. им можно. не говори «прости».
не отчаивайся, езжай на свою работу
даже в собственный день рождения и в субботу,
игнорируя, как песок утекает сквозь пальцы.
это всё, за что можно железно сейчас хвататься.
уезжай на работу.

ты любишь её чуть больше,
чем малиновый джем, который попробовал в польше,
и чуть меньше, чем девушку шесть
(как её зовут?),
и гораздо больше, чем дом, где тебя не ждут,
так что это – решение. вот, хватай поводок,
подключайся к сети и держи наготове курок.
ты давно заменил своё «я» на кусок резины.
и поэтому по вечерам, заходя в магазины,
ты берёшь себе пачку винстона про запас
и в слезах умоляешь, чтоб кто-нибудь тебя спас.

только крики о помощи сходят всегда на нет.

но скажи, почему я, которой ты вырвал хребет
и которую ты оставил лежать на дороге,
продолжаю сидеть у твоего порога?
почему это ты оставил меня вдали,
а я всё ещё плачу и мне всё ещё болит?
за какие грехи мне выстрелы автоматные?
мы хотели вдвоём когда-нибудь стать космонавтами,
но любые углы возможно сточить под овал.

посмотри, как безжалостно ты меня поломал,
а теперь тебя каждое утро целует не та.

с уважением и любовью,

твоя мечта.

Три слова

вымойся, из прядей волос моих вымойся.

я до тебя – реальное, а не вымысел,

вымойся,

краска дешёвого магазина.

я до тебя – ветра, а теперь – резина.

я до тебя – мосты, а теперь – с моста.

вымойся, пока я считаю до ста.

выветрись, я прошу тебя, ну же, выветрись.

с каждой царапины, где я топила перекись,

выветрись

с моих курток, шарфов, перчаток,

из моей комнаты, где ты как отпечаток,

где дыры в стенах, а я открываю окно.

выветрись через него.

вылюбись.

разорви изнутри, но

вылюбись.

все в этой комнате к выходу уже кинулись,

я же осталась стоять у пустого входа.

слёзы теряют суть, попадая в воду:

не опаляют щёк, мелодично звеня.

так что я захлебнусь, не дождавшись пенсии,

в пене морской, болеющей эпилепсией,

а ты потом уже вылюбись из меня.

У меня есть

у вас столик на вечер в зале для некурящих:

каберне совиньон, твёрдый сыр, поцелуй в руку.

у меня есть ничто, и мы вместе врубаем ящик

по утрам, матеря политику и науку.

у меня есть ничто.

он кусается, как собака,

по-кошачьи царапает, плачет по-человечьи,
 но зато у него внезапно не выявят рака,
 и никто никогда не сможет его искалечить.
 пока все вы играете в юных, шальных, богатых
 и скользите по глобусу во избежание стресса,
 мы рублями звеним у кофейного автомата
 и надеемся, что в лучшем случае выйдет эспрессо.
 у меня есть ничто.

он не знает основы танго,
 не читает газет и не ест овощей на гриле.
 он ко мне возвращается проклятым бумерангом,
 улыбается, мол, пока ещё не убили.

он поёт поп-баллады, где реквием в эпилоге,
 и чёрт знает, вообще из какого он сделан теста,
 и, пока меня любят двурукие и двуногие,
 я осознанно выбираю пустое место.

ведь его отсутствие лучше любых присутствий,
 даже тех, от которых тянет теплом и светом.

он и сам не заметил, наверное, как стал сутью
 моих утренних просыпаний под «без билета».

у меня есть ничто.

и пока я пишу об этом

на диване в гостиной, он варит на кухне гречку

и танцует у шкафчиков смазанным силуэтом.

у меня есть ничто.

и в ничто моём

прячется

ничто.

Храмы Камбоджи

я не видел храмов камбоджи, разложившихся кирпичами по
 золотому песку, прилипающему

к подушечкам пальцев

загорелых ног с тату полумесяца

чуть выше линии ступней.

я не видел разливов венеции,

мостов, перекинутых через

изумрудные воды, кишащие
лодками дико влюблённых
скитальцев,
мостов, перекинутых через
слезливые воды италии,
как руки твои, ползущие по плечам
и встречающиеся на затылке.
я не видел пейзажей прованса,
я не пил бархатистых вин
из бокалов размером с ракушку
со средиземного моря
и вообще
вин, дорожке цветастого пойла
по акции в «красном и белом».
я не видел острова бора-бора
ни на фото,
ни на дешёвых календарях,
не нырял за кораллами или
беспокойными стаями
молчаливых и серебристых
рыб.
я не видел крыш копенгагена,
старых, пустынных, хрустящих
под чёрными башмаками,
и так же не видел стокгольма
и крыш,
по которым бродили карлсон
и малыш,
и возможно одна из реинкарнаций
тебя.
я не видел каньонов америки,
рыжих, как кучка лисиц,
развалившихся в холоде леса,
острых и рваных, как край
любовной записки, подброшенной
в карман твоего рюкзака.
я не видел египетских пирамид,
водопадов поющей бразилии,

ледяной пещеры в аляске
и норвежских глубоких озёр,
но
я видел, как ты семенила до кухни
в моей растянутой майке,
в высоких зелёных носках,
спущенных наполовину.
я видел, как ты, изгибаясь
на белом матрасе, зевая,
заходила в соц.сети
и лайкала, лайкала, лайкала
фотографии левых девиц,
говоря, что они все титаник,
а ты деревянная шлюпка,
но на шлюпке бы этой
я точно добрался б до берега,
а титаник, увы, затонул
после айсберга поцелуя.
и я видел, как ты оставляла
следы красной помады
на моей шее, на хрупких боках,
на белых манжетах рубашек.
я видел, как ты улыбалась
сквозь призму зеркального объектива
нашей общей знакомой с розовой чёлкой,
как ты по ночам просыпалась
и носом холодным в ямку между
ключиц утыкалась, дышала неровно.
я видел твои костяшки в муке и тесте,
твой подбородок в клубничном сиропе,
стекающем вниз по шее,
бёдра твои, мелькающие в лимонной
щели между стеной и дверью,
ведущими в нашу спальню.
я видел тебя от макушки до розовых
пяткок,
от бордовых ногтей до мягкого языка,
от мурашек и до синяков на коленках.

и, когда в безымянном баре
 за липкой, дешёвой и дряхлой стойкой
 меня спросили, как много я видел
 красот нашей матушки между
 кислотной венерой и огненным марсом,
 я ответил, что после встречи с одной особой,
 исколесил полпланеты, не покидая
 съёмной однушки в районе без фонарей.

Хуже вытоптанной любви

хуже вытоптанной любви –
 её давящая стагнация.
 смерть приходит ко мне, говорит,
 поправляет косу обаятельно.
 хуже тёмного зала, где я
 обрастаю салатовой плесенью,
 только свет, что ползёт, как змея,
 и смеётся залиvistо, весело.
 хуже розг по прогнутой спине,
 неизбежности быть стреноженным
 лишь свобода во мне
 и на мне,
 распластавшаяся по коже.
 хуже утра с тобой вдвоём,
 угнетённого безразличием,
 только голый дверной проём
 и в проёме тебя неналичие.

Даниил СОКОЛОВ

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Город – узник в морозных оковах.
Не гремит эта цепь, не звенит.
И по наледи неба знакомой
Солнце брошено в прорубь – зенит.
Лёд сомкнулся. В озябнувшем храме
Нас лишили тепла навсегда.
Страшно, милая, стали мы сами
Из такого же хрупкого льда.
Помнишь горны? Всё смолкло от страха,
В тишину крикунов упекли,
Опасаясь, что станет нам плахой,
Кем-то громко оброненный клич.
Нет, не станет он падать на тело,
Он на тонкость души обронён.
Кто нас, милая, хрупкими сделал
Там под крепкой ледовой бронёй?
Не сдавайся, недолго осталось,
Верю: в этой больной пустоте
Наши души, презревши усталость,
Улетят из растаявших тел...

Смежи утомлённые веки.
Хорошего, крепкого сна!
Вновь полнятся водами реки
И во поле бродит весна.
В свободном весеннем укладе,
Где радостно ливни слезят,
Нельзя, чтобы руки не гладил,
Чтоб не было рядом – нельзя!
Приснятся кошмары иначе,

Проснёшься, а в мире – гроза...
И грустью нальются щенячей
Твои голубые глаза.
Но я не уйду от постели:
Я здесь, я покой твой храню,
Чтоб крепла в проснувшемся теле
Любовь к восходящему дню...

Я сойду в вечерний морок,
Принесу заблудшим душам
Солнце голыми руками.
Обитателям каморок
Станет стыдно, станет душно
Как в плену тюремных камер.
Обжигайтесь, но летите,
Несравненной птичьей лаской
Обнимайте небо звонко!
И серебряные нити
Золотой нальются краской,
Золотой как смех ребёнка.
И тогда осядут стены,
Превратятся в тучи пыли
И по миру разнесутся.
Вспомнят дети Ойкумены,
Что когда-то тенью были,
И беспечно засмеются...
И падёт вечерний морок.
В мире правящего света
На фотонном троне сяду.
Над руинами каморок
Только лето, лето, лето!
Открываться будет взгляду.

Уйди. Оставь мне Финский залив.
 Грязный сырой песок.
 Оставь свинец, что залит
 В пульсирующий висок.
 Так вышло:
 Ты – идол,
 Я – ка-на-то-хо-дец.
 Убью тебя! Но не смей поднимать тревогу.
 Настанет ночь. И под солнцем, ампутированным по хорде,
 Замерзающий Заратустра прижмётся к Богу,
 По-матерински тёплому боку...

Тебе, я знаю, будет сниться
 Рассветный Токио в пыли,
 И солнце вывяжет на спицах
 Дремотный порт и корабли.
 Сон будет длиться, длиться, длиться.
 Проснувшись, будет нелегко
 Забыть обветренные лица
 Японских смуглых моряков.
 Ты выйдешь в день безбожно хмурый
 С улыбкой гейши на губах.
 Вдали фабричная труба
 Как в небо брошенный окурок.
 И смерть мечты у горла комом,
 И всё, что было – только сон...
 И ветер душит незнакомо
 Рассвета огненной косой...

Рассветом, как кровью, набухли
 Окон белки.
 Покинь же спокойную бухту,
 В море беги.
 Скользни из объятий напевом –
 Нотой морской,
 Стань мне невысказанной первой

Нежной тоской.
 Я отпущу тебя в море.
 Море – заря
 Хлынет сквозь окна и смоем
 Все якоря...
 Жёлтой струящейся шалью
 Стан обовьётся легко.
 Всех очарованных далью
 Кличет рассветный Садко...

Они молились там, где мгла.
 Их страх был слеп, невинна робость.
 Лишь ты одна принять могла
 Во мне разросшую пропасть.
 Сегодня вспомнить нелегко
 Под небом сдавленно морозным,
 Как на обломках маяков
 Ты свет выпрашивала слёзно!
 Но шла на ощупь, как могла.
 Прости! Я счастье сделал битвой...
 Они молились там, где мгла,
 А ты сама была молитвой...

Идущий от стены к стене,
 Я каждой мысли вторил с болью.
 Любовь пришла, пришла ко мне,
 В меха закутана собольи.
 Я ждал её, но дней не счесть,
 Я ждал страдающей и нищей.
 Она как Игорева месть
 Пришла, смеясь над пепелищем.
 Её ладони – жар горнил,
 Глаза – монгольское преданье.
 И всё тепло, что я хранил,
 Она взяла бесстыдной данью...

Ушла и не дала опомниться,
 И опустел бетонный терем.
 Моя изящная паломница
 Ушла в сомкнувшуюся темень.
 А я не знал, какими тропами...
 Каких святынь она хотела?!
 Она ушла – как сладкий опиум
 Из болью сдавленного тела.
 Её уход молчаньем выставив,
 Я повторял в своём углу
 Фонарных проповедей истины:
 «Прости сбегающих во мглу...»

Когда изменят тени, и у нас
 Исчезнет категория двулчья,
 Я буду прикасаться к векам глаз,
 Забыв своё бесплотное и птичье!
 Я буду целовать тебя взахлёб,
 Неумолимо, выверено, слепо...
 Я буду целовать твой белый лоб –
 Туманами подёрнутое небо.
 Там крикнет зверь, раздень её, раздень,
 Но голос – сыпь охотниковой дробы.
 Я просто сбросил собственную тень,
 И по миру иду змееподобен.
 О, новых кож никто не отменял:
 Ершалаим зажжёт огни Женевы!
 О милая, послушавшись меня,
 Ты повторишься
 в каждом шаге Евы...

Смежи утомленные веки.
 Хорошего, крепкого сна!
 Вновь полнятся водами реки
 И во поле бродит весна.

В свободном весеннем укладе,
 Где радостно ливни слезят,
 Нельзя, чтобы руки не гладил,
 Чтоб не было рядом – нельзя!
 Приснятся кошмары иначе,
 Проснёшься, а в мире – гроза...
 И грустью нальются щенячей
 Твои голубые глаза.
 Но я не уйду от постели:
 Я здесь, я покой твой храню,
 Чтоб крепла в проснувшемся теле
 Любовь к восходящему дню...

Калерия СОКОЛОВА

Член Союза писателей Санкт-Петербурга

Хакер, послушайте: инициалы –
 Те, что шепчу ежемиллисекундно,
 Словно под воду идущее судно, –
 Это пароль мой, ни много, ни мало.

Хакер, вы только напрасно не тратьте
 Время на почту – её я отдам вам
 Вместе с исчерканным мной килограммом
 Самой своей сокровенной тетради.

Я не прошу, чтоб кричали вы рядом
 Мне, утопающей: «Душу задрайте!»
 Хакер, я вечно мечтала о брате,
 Будьте же, хакер, мне названным братом:

Я потеряла свой разум, свой якорь
 В сердце хозяина инициалов;
 Сердце, чтоб якорем тем не терзалось,
 Вскрыть неужели не сможете, хакер?

И час последний был уже назначен,
 И скука грызла.
 Откуда нежность в имени невзрачном
 И столько смысла?

Откуда «Я найду тебя повсюду,
 Ты только свистни»?
 Желанье рук и губ твоих откуда,
 Желанье жизни?

Когда случилась эта перемена –
 Со мной, с тобой ли?
 Ты был мне безразличен – и мгновенно –
 Люблю до боли.

Весна на Тамбасова

Я всегда ощущала весну на Тамбасова.
 Дом-корабль отгораживал сад южной палубой.
 Я могла бы черёмухой школьниц забрасывать,
 А была бы зерном – в эту землю упала бы.

Или в чайную розу нечаянно впутавшись,
 Вылетала бы, пчёлиха, с ужасом в лоджии
 И в лодыжки студенток шарахаясь будущих,
 И они бы смеялись, от солнца оглохшие.

Ослеплённые щебетом юные женщины,
 Хохоча, оступались в щебёнку обочины.
 Деловитые дамы, заслушавшись Сенчиной,
 Забывали на время свою озабоченность.

Даже Лера, старуха, обычно несносная,
 Не делила людей ни по взглядам, ни классово,
 Позабыла она, сколько лет, сколько вёсен ей,
 Померла бы, да жалко – весна на Тамбасова.

Что мне в улицах этих и в этих убогих дворах
В Дровяном переулке, в зелёных клочках – на Марата,
В непарадности арок глухих, в беспризорности птах,
В неподвижности стрелок разбившегося циферблата?!

Что мне в этих огромных колоннах и колоколах,
Что мне в тусклых крестах над Никольским собором,
и что мне –
Что мне здесь, где три века бессильны Христос и Аллах
Пред проклятьем чухонским и пред наводнением в Коломне?

Я всегда уезжала, всегда
В поезда, как в объятия, бросалась.
Говорила: любовь – лабуда,
Принимала её за отсталость.

Только ветер цеплял мой подол,
Лишь дождю подставляла я губы,
Было поле – мой дом и мой стол,
Только лютики были мне любы.

Я всегда уезжала одна,
Обходя провожающих жалость.
В первый раз так рука холодна,
Ретивое притихло и сжалось.

И впервые мне хата мала
И досадна весенняя завязь:
Вот и я – наконец! – поняла
Каково провожать, оставаясь.

Мне приснились сегодня стихи:
Я их слушала, сидя на камне
У приладожской хмурой ольхи –
Кто-то шёпотом их диктовал мне.

И ложились, крутятся и юля,
 Как песок, что волною намыло,
 Строки, звуки, лады.
 Только я,
 Недостойная, всё позабыла!

Смятение капель, сплетение веток,
 Распластанный лист и расплющенный жёлудь,
 И гравий опять ручейками расколот,
 А парк и прозрачен, и влажен, и редок.

Простая печаль по простуженным травам,
 Бесцветная, светлая грусть без аврала,
 Забытый когда-то, один среди бала,
 Насупленно-скромный Ораниенбаум.

Глаза твои – не Ладога, а Нево.
 Не да, а нет. Не мёд, не чай, а лёд.
 Раскаясь за рыбацкий свой налёт,
 Я выпутать уже не чаю невод.

Он вмёрз до марта. Дома, верно, ждут
 Меня и чай, и мёд. Ветра навывлет
 Не бьют там. Ломок лёд – любой осилит,
 И рыбой – заудись! – запружен пруд.

Но клюнув на бездонность мерзлоты,
 Обречена в глазах твоих разбиться,
 Я жажду всё же ладожской воды,
 Чтоб в ней коль не поплыть, так утопиться.

Нож с тобой – и мой срок подытожен.
 Два десятка едва
 Отстучали – явился Рогожин.
 Но зачем, я не зва...

Нет, звала. Оттого обомлела:

Что за взор, что за стать!

Захотела надменное тело

Расклевать, растерзать.

И подумала: кто из нас Авель? –

Под глиссандо и трель.

И смычком, словно скальпелем, Кнайфель

Резал виолончель.

И с тех пор, хоть и гордо, и статно,

Но летим под уклон,

В преисподню. Уже непонятно –

Кто Н.Ф., кто Парфён.

Нож с тобой. Думал, я без кинжала?

Мы друг друга съедим,

Мы – одно. Идиотов немало,

Но Рогожин один.

Потому и сдаюсь, замирая,

Предвкушая захват.

Мышкин милый, не нужно мне рая.

Соглашаюсь на ад.

Привет, неудачник! Ну что, без меня – какво?

Ты думал, отмщение женщины – слёзы и хрип?

Но я же не женщина, сам называл – существо,

Я вестник удачи, довольно злопамятный тип.

И ты не мужчина, мужчины не прячут глаза

И не предают – не про чувства я, чувства – балет.

Какая теперь, неудачник, твоя полоса?

Рыхла, чернозёмна, черна – что же озимей нет?

Хотел оттолкнуться от шеи моей – и вперёд?

Но разве не видишь – о, как чернозёмен ты, червь! –

Иудины петли предателям Парка прядёт

И рвать не торопится к горлу бегущую вервь.

Муха

*...И ничего не стоит
убить тебя, но, как историк,
смерть для которого скучней, чем мука,
я медлю, муха.*

И. Бродский, «Муха»

I

Похолодало. Больше не порхаем —
Поодиночке смотрим вслед пороше.
И стёкла сотрясаются трамваем,
И лоб мой тоже,

Для охлаждения прислонённый к стёклам, —
Вибрирует. Трамвай опять оранжев
И весел в вечере декабрьском, блёклом,
Как раньше. Раньше —

И корень сладок был. Да плод стал горек.
В последний раз послушай, хоть вполуха:
Зачем ты медлишь — ты же не историк?
И я — не муха.

II

Пока я пела, разошлись в полтона
Моя с твоей гармонии, и фальшь
Наружу проступила. Полусонно
Не вальс, не марш,

А дикий диссонанс на forte тянем,
А форточка закрыта. Два стекла
Мешают звукам. По сердцу не Скрябин,
А кошь скребла

Как будто. Кабы вырваться отсюда —
И окна нараспашку и сердца!
От горла пробирает, как простуда, —
И до крестца,

До пяток наше пение дурное.
И стережёт меня, как Цербер, жуть:

До первых мух, когда окно откроют, —
Не продержусь.

Ничтожна ночь. А день ещё ничтожной.
Скорей, чем думаю, Харон хромой
Однажды призадержит на таможне —
На тамошней — меня, за ропот мой.

Скорей, чем думаю, остынут пальцы.
И плоть, которую, как золотой сосуд,
Сюда несли в дырявом одеяльце,
Обратно — в душевной урне понесут.

Исчезнем мы, исчезнут лес и камни,
Дымок костра и волн упрямых лбы.
Так почему нельзя любить тебя мне,
Секунды отнимая у судьбы?

Я сказала: люблю. Каждый стал сам не свой,
Был мурашками радости горд.
Не сердись, я не знаю, с которой волной
Мой привет приплывёт в дальний порт.

Я спросила: где ты? Словно шумный салют,
Раздавалось: «Я здесь, возле ног».
Не сердись, я не знаю, который верблюд
Мой вопрос доведёт на восток.

Я кричала на запад, шептала на юг,
В гонг звонила, взводила курок.
Все мои козероги столпились вокруг.
Где ты, без вести мой Козерог?

Где ты — в трюме, в палатке, в теплушке, в арбе?
Кто целует твой шрам ножевой?
Не сердись. Мне в ответ на вопрос о тебе
Так мечтается слышать: живой.

Ох уж эта цыганская кровь –
 Взбеленился в ней бес бездорожья!
 Сколько праведность ни славословь,
 Сладострастье свободы – дороже.

В степь – как в бездну. Без цели. Без звёзд.
 В жизнь – как в ночь. Бесшабашно и бойко.
 Средь костров, и копыт, и колёс
 Отыщи меня в таборе, Лойко.

Только больше не больно от слов
 Колких, ласковым взглядам не рада –
 Как усталость любовь поборов,
 Дышит вольно строптивая Рада.

И не сладостен наигрыш твой,
 И твоё равнодушие не ранит.
 Не страдай. Не стражай. Ни строфой
 Не стремись удержать, ни дарами.

Не остудят, не остепенят
 Норов мой ни мольбы, ни расплата.
 Нет, никто из нас не виноват –
 Кровь прабабки кругом виновата.

Я решила жить здесь долго, до ста,
 Досыта, покуда свет не свержен.
 Надо только с верой, надо просто
 Поперегибать себя, как стержень,
 Если заедает. Без изъяна
 Только надо, без пустого звона,
 Слушаясь Йоганна Себастьяна,
 Надо мудро, надо полифонно.

Если же сорвусь я, как срывался
 Мяч с руки – не стоит, други, скорби,
 И молитв, и марша, даже вальса,
 И стоять не стоит, спины сгорбя.

И не стоит плакать, если – плаха,
Вздых пусть будет лёгок, светел, сдержан.
Лишь со мной засыпьте фуги Баха,
Жёлтый мяч и шариковый стержень.

Ради этого трактора страдного, смрадного кузова,
Ради жизни кукушки – ни слёз, ни гнезда, ни кола, –
Я тебя с твоей зауемью хмурой на выжжено-русого
Паренька променяю – на лето: была не была!

Мне близка его грубая радость, развратная жилистость,
Загорелость локтей, разлохмаченность жёстких чупров.
Даже если мы с ним никогда в один воз не ложились, то
Вовсе это не «сторге», – не знает он выпренных слов.

И не ведает, что вытворяет, потворствуя Дьяволу –
Вороному, с бубновой отметиной – карточный туз.
Подожди, я допью эту юность, я в лете доплаваю,
До-летаю, до-бегаю, до-увлекусь, до-резвлюсь.

А потом всё равно заскучаю по антиутопиям,
Перейму все твои антипатии, взгляд украду,
Буду жаждать кусить твоих губ упоительный опиум,
Буду глупость бояться сморозить
в январском саду.

И в глухую интеллектуальную зиму я так и не
Уясню, чем пленил меня пахарь, и как довелось
Мне страдать по нему, даже красться порой буераками.
Мимолётности летние канули в Лету.
Авось...

Оно вернулось! Ласточкой высокой
Курлыкнуло, рассыпалось горошком,
Ощерилось зубастою осокой,
Пчелой взобралось по цветным обложкам.

Оно вернулось! Крышею замшелой
Взнеслось, и распласталось лягушонком,
И ароматом кожи загорелой
Не даст покоя бабочкам-подёнкам.

Оно вернулось! Детство воротилось!
Как май, как жимолость, как горстка земляники.
Оно вернулось! и в груди забилося,
И побежало, сбросив черевички.

Забыла, как надписывать конверты.
Забыла, сколько лет тому назад
Строчила письма. С нетерпением Герды
Ждала ответа. Десять раз подряд
Неровным почерком изложенные мысли
Заучивала. А теперь в Сети
Пересеклись, зафрендились, зависли,
И не узнать, не тронуть, не найти
Т о г о тебя вот в этих – словно в гипсе –
Строках-калеках: суть неглубока,
И буквы ровны, и не дрогнет пиксель
Там, где запнувшись, дрогнула б рука.

Я знаю, сколько ты дорог прошёл
И сколько тысяч шпал пересчитал,
И знаю, как весной осинник жёлт,
И как заманчив летом сеновал.

Я знаю, как осенний ломок лёд,
Как твёрд январский у скита сугроб,
И как приветлив в рюмочной народ,
Хотя и хлещет горькую взахлёб.

Я знаю, как кружится вороньё
Над кладбищем, где ты оплакал мать.
Но только сердце никогда твоё
Мне не познать.

Памяти учителя

Он первый объяснил мне суть гармоний,
Хоть и чудной его казалась школа.
Он нёс ко мне свой смех неугомонный,
И кипу нот, и запах корвалола.

Он был учитель, а хотел быть другом,
Но я тогда не ведала отличий,
Я не любила этот профиль птичий,
Я не пыталась причаститься звуком.

А он прощал прогулы и проделки,
Играл на флейте и дарил мне флоксы,
И бредил всё порогами Вуоксы,
Прислушиваясь к пульсу волн на Стрелке.

Мы как-то выступали с ним на Невском:
Паясничали, с музыкой шутили,
И хохотали купола и шпили.
А нынче мне и посмеяться не с кем.

И он теперь богат одним оболлом,
И в Лосево давно остыли угли,
И горько слушать «Похороны куклы»,
И больно, если пахнет корвалолом.

Я думала, крылья – это не больно, это
Не тянет к земле, не придавливает позвонки.
Ждёт грешника ад и Чацкого ждёт – карета,
Вот только поэта, по Филдингу, взять не с руки
Ни Богу, ни чёрту. Волен, покоен, да ведь
Бескрылым – счастливее, легче, они лишены
Запечий тяжёлых – и тяжесть не в том, что давят,
А в том, что неясно: кому и зачем нужны.

С ливнем венчалась ночная морось,
Липу порыв ограбил.
Кто ещё выучил азбуку Морзе
Длинных балтийских капель?

Поздний прохожий, откинь болонью,
Силы не трать напрасно –
Ветер, порывист и зол спросонья,
Точит на крышах лясы.

Где-то внизу с долговязой пихты
Хвоя, крутясь, слетает.
В стрёкоте стёкол, знаю, не спишь ты,
Рифмы летают стаей.

Ты их в будильнике ищешь, в морсе,
В вазе и в звоне ложек.
Выучи, выучи азбуку Морзе –
Может быть, дождь поможет!

Замывается круг.
Замедляется шаг.
Защищается друг.
Отбивается враг.
И репризы плывут
Незнакомых сонат
На единственный суд
В тот единственный сад.

Больше точек, чем слов.
Больше пауз, чем нот.
Больше нет городов.
И ненужных забот.
И зовёт не набат,
Подгоняет не кнут
В тот единственный сад
На единственный суд.

Парашютистке

Они боготворили омут карий,
Хоть в нём отнюдь не бог гостил, но бес.
А ты была упряма по-икарьи,
Хотела по-меркурьи пасть с небес.

В порывах ветра чудилось как будто:
«Строптивая, родителей не гробь,
Лишь пёрышки – обрывки парашюта –
Останутся на горе им, на скорбь».

Лишь пёрышки остались от всесилья,
От мнимой независимости птах.
А ты сгорела, опалила крылья,
По-ласточьи чивикнув в проводах.

Они теперь рыдают по-дедалии,
Они не знают, что тебе видней,
Как нимбом радуга очертит дали,
Паля над теми, кто погиб под ней.

Эпилог

Я сказала: люблю. Каждый стал сам не свой,
Был мурашками радости горд.
Не сердись, я не знаю, с которой волной
Мой привет приплывёт в дальний порт.

Я спросила: где ты? Словно шумный салют,
Раздавалось: «Я здесь, возле ног».
Не сердись, я не знаю, который верблюд
Мой вопрос доведёт на восток.

Я кричала на запад, шептала на юг,
В гонг звонила, взводила курок.
Все мои козероги столпились вокруг.
Где ты, без вести мой Козерог?

Где ты – в трюме, в палатке, в теплушке, в арбе?
Кто целует твой шрам ножевой?
Не сердись. Мне в ответ на вопрос о тебе
Так мечтается слышать: живой.

Я знаю, меня поджидает расплата
за все нелюбви,
за ваши: побудь, позвони, позови,
за то, что крылата

была предвкушением чувства, преддверьем –
не дальше дверей,
и разочаровывалась тем скорей,
чем с большим доверьем

в глаза мне глядели в беспечности танца.
Не всех обману:
расплата настанет – и лишь одному
навек отдамся.
Последний желанный, возьмёшь ли такую
в свой сумрачный сон?
Мне есть, что сказать тебе, милый Харон.
Мой номер? Диктую...

Работа Марины Ясыченко

Анастасия СОЛАРЁВА

*Студентка Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора*

Александра III

Куратор ЛИТО ЛЭТИ

Слишком романтично

Слишком гладко, слишком тонко
Ты рисуешь на стекле.
На оконной подоконке
Нету рядом места мне.

Слишком смазанное завтра
Поджидает нас двоих.
Я не вижу, ты – давно,
Ветер в городе не стих.

От балкона до скамейки
Свистом донесёт ко мне
Облачка дыханья лёгких,
Чтоб легко было и мне.

Чтобы не стоять беспутно,
Повернуться и уйти.
Мне не сложно, мне как будто
Просто незачем спешить.

Слишком мало жизни хрупкой,
Чтоб стереть печали след.
Слишком поздно, слишком глупо,
Обернуться? Лучше нет.

Я люблю тебя, солнце...

Я люблю тебя, солнце,
Твоё летнее платье.
В нём так просто согреться,
С ним так сложно расстаться...

Я люблю тебя, солнце,
Ты мне даришь надежду –
Собираешь с осколков
Путь невидимый прежде.

Проясняешь утраты,
 Прогоняешь обиды.
 Жизнь на солнце богата,
 Жаль, не каждый увидит.

Памяти...

В тот день небо было волшебным.
 Я была в Питере.
 Снимок за снимком. Пусть неумело!
 Небо было волшебным.
 В тот день я была в Питере.

Двадцать первое. Вечер.
 Социальная сеть.
 Время выходить...
 Но вот один пост. Одна трагичная весть.

«С прискорбием мы вынуждены сообщить...» –
 Металлические строки.
 Время выходить.
 Но что это значит? Шутка?
 Холодный пот. Не может быть.

Проверить.
 Проверить.
 Проверить.

Загрузка страниц.
 Минута. Минута.
 Поверить?
 ПОВЕРИТЬ?!

...Не верю.
 Вечер двадцать второго.
 Не верю.
 Человека нет.
 И никогда не будет другого.

Не верю.
 Пусть слёзы.
 Пусть дождь за окном.

Пусть видео, репортажи...
Идите к чёрту! Пошли все вон!!
Пусть будет шуткой.
Пусть всё будет сном.
Не верю.

Как?! Врасплох, пощёчиной.
За что? Бессмысленно.
Я так долго мечтала...
Бессмысленно. Всё бессмысленно.

.....

Мой кумир ушёл.
Навсегда.
В волшебное небо.
Пока я была где-то там же,
В Питере.

Ну вас... и рифму туда же...

Нет, серьёзно.
Как думать могли, что я промолчу?
Это, знаете ли, задеть не словом,
Это всё стихи. Я ведь про вас пишу.

Вам иллюзию рифмы оставить
Или сможете гнев уловить и без?
Что ж, вот – авансом могу поправить.
Вот вам мой персональный ликбез.

Хотя, ну вас. И рифму туда же.
Всем – подай – да подай глубины
И чистейшей музыки арфы...
Я б подала. Но вы же глухи.

Вам ни дружбы, ни сердца не надо.
Только денежку. В души – свинца.
Чтобы видеть чужую радость,
Когда слёзы бегут без конца.

Что вам жизни чужих, одичавших?
Вам подать руки своей лень.

Вы – семейство Сердец Запиравших,
Вы – трухлявый, червивый пенёк.

Не могу я в лицо сказать другу,
Как гниёт он порой изнутри.
Да какая и я – подруга,
Когда стоном рвётся: «Молчи!»?

Что мне те натяжные улыбки?
Что мне вы? С гримом все хороши.
Что мне я, чей по жизни путь зыбкий?
Все – одно.
Лишь стихи от души.

За тобой...

По молодой траве
И незрелым кустам,
По неспящей весне,
По крутым берегам,

По еловым следам
И по мелким прудам,
По цветущим лесам
И речным небесам,

По руинам камней,
По забытой тропе
Под прищурями змей,
И по ранней заре,

Под ладонью тепла
Из лучей надо мной,
Улыбаясь ветрам,
Я бегу за тобой.

Мрак

Я стану твоей тайной,
Что бережно хранят в пыли.
Я потеряюсь там случайно,
А ты меня забудешь вмиг.

Я отыщу тебя сквозь вечность,
 Поверю сказке наяву,
 А ты растопчешь сквозь беспечность,
 Доверив грёзы топи дну.

Я захлебнусь разочарованием
 И никогда не буду жить.
 Ты усмехнёшься. Не поверишь,
 Оставишь душу в небе стыть.

Я не напишу тебе дурного

Я не напишу тебе дурного.
 Не могу. Тридцать раз начинала – и зря.
 Я люблю тебя вот такого.
 Никакого.
 Вот, в чём магия.

Тебя нет. Вот, в чём тайная,
 Непокорная истина.
 Нет ни в ком. Нет ни линии!
 Или загнутой, иль прерывистой, –
 Это грустно и... не мило мне.

Это злит. Это злит и форсирует
 Мысли, будто в осенний шторм,
 Где с ветрами волны балуют играми,
 Пока снится кому-то девятый сон.

И зубами, зубами до скрежета,
 Я собьюсь, но не стану в пути.
 Будь мой путь косой и прерывистый,
 Но он мой. Есть – куда мне идти.

Константин СОРОКИН

*Студент Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

Расскажите, какими ветрами
Дышит вольная степь на заре,
Мне поведайте осени пламя
И весенние сны в тишине.
И мечты о закатах прощальных,
Об улыбках скажите чуть-чуть
О фиалках шепните печальных
И о ёлочках что-нибудь.
Расскажите о солнце, о реках,
Что приснилось вам в прошлый раз.
О затерянных дальних кометах
И о том, что сейчас вокруг вас.
О волшебном безоблачном счастье,
О снежинке летящей в ладонь
И немного тепла в день ненастья.
Может статься, что стал я другой,
Ведь в словах нет ни капли волненья,
И быть может, что строчка пуста,
Если только опять на мгновенье
Не засветит в душе красота.
Верно, я на земле лишь мечтатель,
Может, главных мне слов не сказать.
Как Есенин, я жил только кстати,
Не нашёл я в душе благодать...

Может, кто-то мне скажет. Может, кто-то шепнет
Где же юность моя? Где мечты и любовь?
Может, где-то они за ошибками все?
За безволием, трусостью, близкими мне,
Может, скрылись они на морской глубине?
Или просто в наивном и красочном сне?
Может, не было их? Или я не заметил

Позабыл, позабросил. Или просто не встретил.
Может, рядом они, ну а я их не вижу.
Близорукая память забила под крышу.
Я забыл о прекрасном, забыл я улыбки.
И что можно быть добрым хорошим и близким.
Напишу я слова, ну а что будет дальше?
Как всегда. Ничего кроме грязи и фальши.

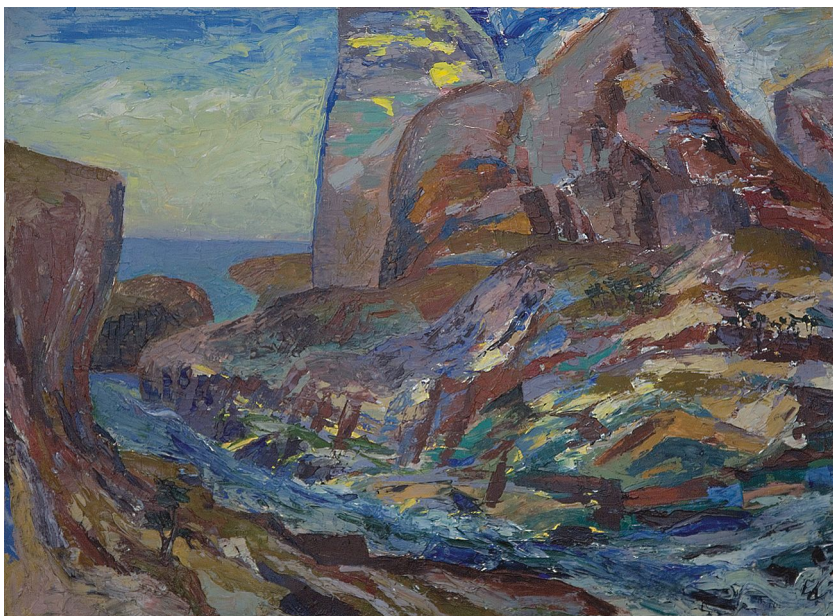
Звёзды над Невским –
Пустые улыбки.
Как хочу я забыть
Про былые ошибки.
Как хочу всё сначала
С пожара рассвета.
Гулкий холод канала
Будет тихим ответом.
Серый ветер гудит
В проводах над асфальтом.
Туча в небе болит,
В небе грозном, косматом,
И молчит мостовая,
Медный всадник уставший.
Если снова начать,
Был бы я настоящим.
Петроградка так нежно
Обняла полутьмою
И Васильевский снежный
Замечтался с Невою.
Влажный воздух с залива
В лёгких тяжко застрял,
И фонарь так тоскливо
У ларька догорал.

Юлия СПАССКАЯ

*Выпускница Санкт-Петербургского Государственного
Электротехнического университета Императора
Александра III*

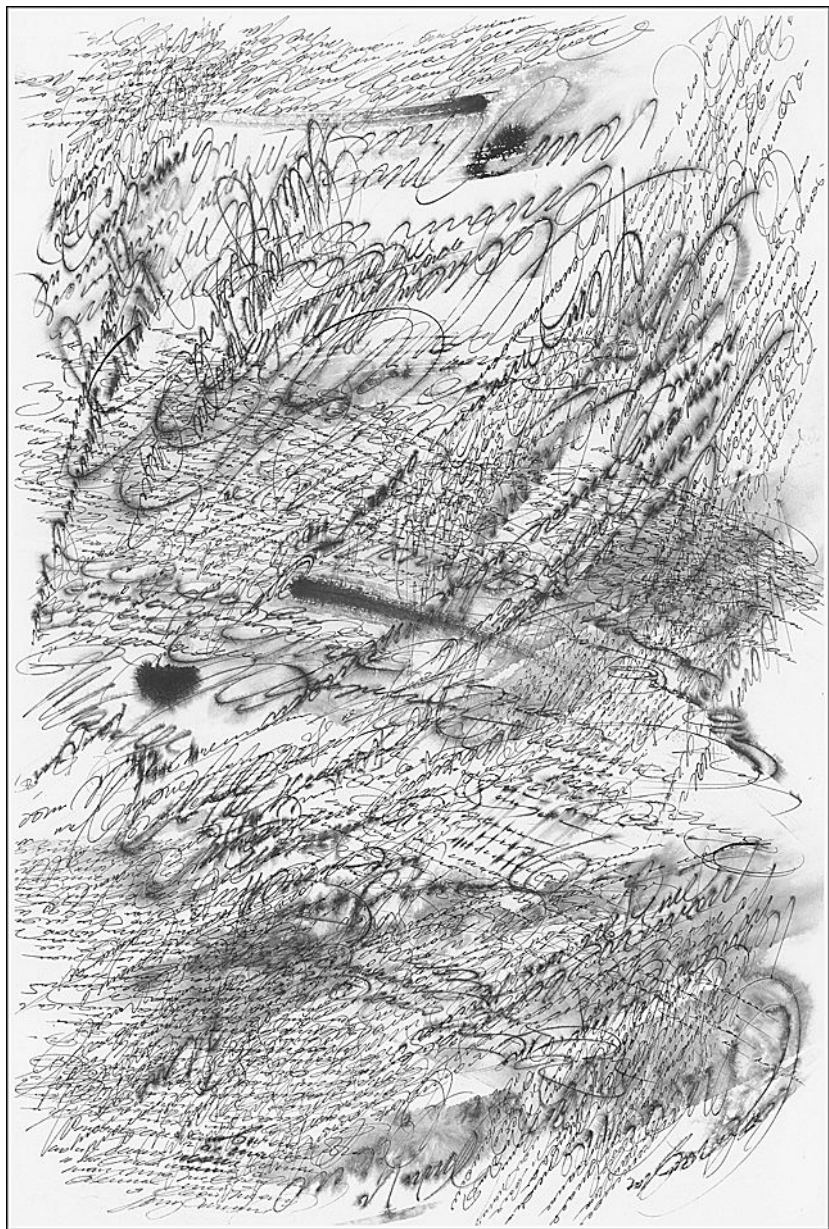
Летом терраса вся порастёт травой,
и виноградных улиток ломких – стада, стада...
прошлое – это упрямо стоять горой
и думать – вода,
это инерция стирок, супов и сна,
суточное вращенье, стоянье на,
призрачна голова, и о ней ни-ни,
там живёт время, в ушах от него фонит,
слышится неизречённое, гасит звук
огненным треском, как в печке – дрова, дрова,
и книги, что так увлечённо скупала с рук,
с ними и зимовать.

Всюду погода: мы прячемся в парковый грот –
детство наощупь – занозит наивные пальцы,
грозный небесный ломается водопровод,
и остаёмся мы – ленинградские неандертальцы.
Ватное тело, простуда, дыхание рот в рот:
о занавеску порезаться: температура,
осень в запястьях плывёт, это бред, это брод:
тоненький плот: вот качается он. И халтура –
это синее платье твоё, и вязание – в штиль,
и слова с буквы «я»: эти яблоки, Янус и ясность...
Но звезда, что во лбу, светит ровно: и вьётся фитиль,
и в ладонь упирается город, больной и прекрасный.
И уже атакует проспекты простая трава,
светофоры молчат и молчат, разговор телефонный –
отвечаешь мне: здравствуй, как звать тебя, звать тебя, звать,
говорю тебе: здравствуй, не помню, не помню, не помню.

Сергей Симкин. «Абстракция»

Сергей Симкин. «Десять тысяч мостов, ведущих в неизвестность»

Катя Зарх. «Неотправленные письма» 1

Κατα Ζαρχ. «Неотправленные письма» 2

Александр Масленников

Александр Масленников

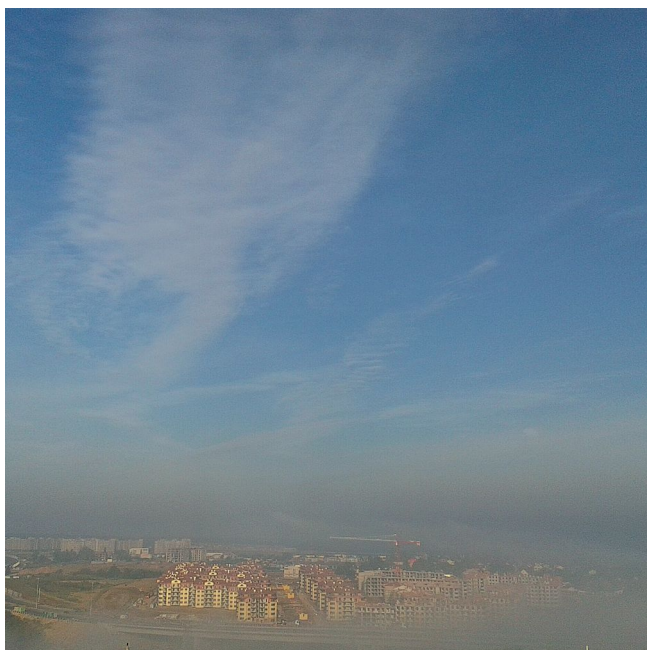
Николай Крячков

Ольга Головки

Ольга Головки

Ольга Головки

Между живой и мёртвой природой –
 слово и олово, лес и свист,
 женщина, что хороша и бесплодна,
 дерево, с неба льющее – вниз.
 Всё она мёрзнет, а свитер колет
 гибким мохером, голубизной,
 вечер, разбитый на восемь коек,
 входит в больничный гортанный зной
 и пристаёт с кипятком, вопросом,
 профилем тусклым на потолке,
 женщина: девочка-переросток,
 изобретающая лесопед,
 можно смотреть и смотреть в затылок,
 слово – спасительная нужда:
 как ослепительное «остыла»,
 как ненасытное «навсегда».

Мы надевали длинные, в пол, мосты,
 шли зарабатывать деньги нытьём да катаньем,
 ставили на запястьях себе кресты,
 чтоб не забыть ни убогого, ни распятого,
 ни Поварской нашей бледной, где столько слов,
 что запинаясь за воздух в своём – наглаженном,
 и всё смотрели куда-то поверх голов –
 в самое важное.
 Чай – это чашки, которые ходят вслед
 за беспокойством рук, и легко целуются;
 воздух, который терпкий от сигарет,
 и человек, сквозь которого эта улица
 тянется, мокнет, незримо идёт к воде.
 Мы с тобой длимся вместе – в её вращении...
 Не говори ничего: говорить – к беде,
 к невозвращению.

Земля скрипично выгибается,
 становится змеёй и кормом,
 бездонные по ней скитаются
 глаза и люди — для проформы,
 возьми стакан, дождись без ржавчины
 и дай попить ему, как будто
 стоит июль бетонный, жарящий,
 а он прозрачен и укутан,
 в оранжевой жилетке смуглого,
 орущего на паровозы,
 тот был расхристан и обуглен,
 а этот синеглаз и розов.
 и нет в тебе ни дна, ни прошлого,
 ни пришлового какого слова,
 земля протрётся и искрошится,
 чтоб из тебя родиться снова.

Лотовой жене достанется больше волшебного пирога,
 Лоту останется больше волшебного фонаря,
 — выйди, выйди, милая, что стала не дорога,
 и удивись тому, что о нём говорят.
 Лотовой жене вздумается смотреть назад.
 Лоту придётся выдумать, что впереди брод.
 — выйди, выйди, милая, не открывай глаза,
 медленной левой клади пятак себе в рот.
 Лотовой жене станут врать: пропускной режим,
 Лоту насыплут в ладони моря вместо воды.
 — выйди, выйди, милая, спать его уложи,
 хрупкого — как стекло и острого — как кадык.

Мы совершенно одинаковы:
 у нас у каждого — своё,
 смотри, вот мы по-жабьи квакаем,
 а вот по-птичьи не поём,

нам всё лукавые фонарики
 व्यюна, возрастающего в дом,
 где в каждой ломкой щёлке старенькой
 висит плафончик, пахнет льдом –
 и думаю, кому достанется,
 ведь я последняя, как ты.
 о, как противно станем стариться,
 как не любить цветы,
 и чудно плакать над провинцией –
 наговорить – вперёд
 на триста лет, сидеть, дымиться нам
 от сигарет,
 и мирно мотыльков вытаскивать
 из вечных луж
 в жизнь трепетную и прекрасную:
 живую глушь –
 в коротком лете безнаказанном,
 шафранном дне,
 в котором умирать заказано
 тебе и мне.

пой, механик прожжённого поля и талой воды,
 пой живой звукоряд и неси темноту и бутылку,
 а потом говори, умирай, уходи от беды,
 и спускайся в усталую грязь, и гляди в Монастырку.
 и вдыхай очевидность, лицом упираясь в листву,
 мост над куполом бежев и бережен, но беспощаден,
 не несут тебя ноги, механик, ложись на траву,
 говори ей о нервах открытых твоих и распахнутом аде,
 о живых, недотканных ещё мертвецах и тэпэ,
 чьих-то певчих глазищах и книжной заученной полке,
 Налитое предзимнее утро пойдёт по тропе
 и поймает тебя, и приколет к полёту иголкой.
 так клокочет в тебе огневая, и толстая смерть,
 облакаясь в тебя скарабеем, улиткой, медведкой,
 говорит: пой, механик, о всех дураках, как тут можно не петь,
 и ложится на всё и под ней прогибается ветка.

Не проси у времени ничего,
 пой о нём, открывай беспокойный рот,
 вспоминай, что хранили из рода в род,
 жили, верность его браня...
 Видишь рыбу, летающую над огнём,
 и крылатых купцов, продающих сукно,
 и дыру, где сейчас помещалось окно...
 видишь воздух внутри меня.
 Выживай обманом, в тоску трубя,
 выбирай подруг веселей себя,
 наблюдай, как тебя изнутри дробят
 то дороги, то скрипачи.
 щёлкни, что не видно за словом долг,
 отнеси тот снимок в казенный дом,
 где судьба сама говорит с трудом,
 и дышать меня научи.
 О себя не думая, проживи
 этот день, замешанный на крови,
 и за тусклым чаем грызи ревит,
 воздух в комнате сторожи.
 Стань железом, звени по ночам в руках,
 пой о смерти в пойманных рыбаках,
 о летающих рыбах, об их клыках,
 а пока что дыши, дыши.

Вера СТЕПАНОВА

Участник семинара им. Г.С. Гампер

Себе с рожденья не принадлежу,
 принадлежу тому, о чём пишу.
 О, тайная забота и отрада!
 Я утром синим подниматься рада.
 Ещё метла асфальта не скребла,
 ещё трава от инея бела...

И робость перед чистою страницей
сродни вот этой рани смуглолицей.

Сафо, Марина, Анна, Белла –
о, эти имена и очи!
Внемлю поэзии и ночи,
любви и муке без предела.

И доле опыта не внемлю,
и режусь в кровь, нага и боса.
И – как они – в сырую землю.
И – как они – люблю без спроса.

«Ты кто, прабабка?»
И в ответ: «Я – ты.
Я – нрава твоего бездонный омут,
волна волос твоих. Из темноты –
рождения зов. Меня твой голос помнит.
Я – в повороте тонкого лица,
в печали взора, в шёпоте опасном
и в поступи с высокого крыльца,
и в гневе, и коротком, и напрасном.
А помнишь, ты отчаянно звала
мою решимость? Принимай в награду.
Она узду условностей рвала
и мнимых правил рушила ограду.
Мой грех в тебе, родимое пятно
всего, что через край, вразнос, без толку.
Мой дар – с тобой. Открой в зарю окно,
Откинь упрямо смоляную челку.
Коль твой черёд – и день, и год, и жизнь –
люби, стихи слагай и помни, помни...
И за прабабку в храме помолись,
и все заветы кровные исполни».

...я грамотей и стихотворец, я Пушкин...

А.С. Пушкин «Моя родословная»

Стремительный в сердечном предпочтенье
и бешенством взрывающийся вдруг,
с молодых ногтей помешанный на чтении,
уединённых размышлений друг.
Запальчиво изобличал измену
свободолюбию, дерзил своим царям
и в горькой полноте постигнул цену
кнута судьбы, как греческий Приам.
О, эта «помесь обезьяны с тигром»,
божественный пиит, вертлявый бес,
так рано приохотившийся к играм
Эрота, и повеса из повес.
Зла бедности, неправедных гонений
хлебнувший досыта до гробовой доски,
поэт национальный, русский гений,
певец любви и мученик тоски —
мой Пушкин.

31 августа 1941 года

Погост в Елабуге до срока.

Марина —

слово и судьба.

Так несказанно одинока

молвы смиренная раба.

Ступает быстро, тронет колко,

крапивой рифмы обожжёт.

А в кривотолках много ль толка? —

она и в разум не возьмёт.

А в сорок девять —

день кровавый.

Из тетивы стрелою ввысь!

И все напевы, и забавы,

и тайны все оборвались.

«Капричос» Франсиско Гойи

Отважиться не возвратиться –
к безумию жадно припасть.
Нелепо раззявлена, тщится,
визжит сатанинская пасть.
И жалит, и мучит всезнанием
её вековечный замес,
угодливо гасит сознание,
заводит в причудливый лес
отказа, отмены отличий –
иных запредельных затей,
под стоны и клёкоты птичьи,
где каждый –
ничей.

...царскосельскую одурь прячу в ящик пустой.

Анна Ахматова

Царскосельская сонная одурь
в аромате венчанья веков,
отголоски державинской оды,
чудо солнечных пушкинских строф.

И навечно в заветных потёмках
растворившейся в прошлом игры
возлежащая в линиях ломких
Египтянка парижской поры.

И Монмартра безвестнейший гений,
дом художника, розы вразброс,
и беды подступающей тени,
и судьбы безответный вопрос.

Абиссинии дальние дали,
Гумилёва надмирный простор
и потомки, что в дар восприяли
всех поэм твоих вещей укор.

Предвечное правит душою,
 пока не забыто.
 А мы, заблуждаясь,
 с насущным её повенчали,
 загнали в силки
 ненасытно жующего быта.
 Отчизна души –
 в запредельности светлой печали.
 А если поругано,
 предано, изгнано небо, –
 в коросте душа
 и в звериной сваливающейся шерсти,
 горбатится в суетных поисках
 зрелищ и хлеба,
 на Зов не откликнувшись,
 гибнет в тоске и безвестье.

Что мне ваши грехи?
 И своими мордована, бита.
 А сперва упивалась грехами,
 была хоть куда.
 Мелкий бес между глаз
 мимоходом оттиснул копыто,
 и таскаю клеймо.
 Не стереться ему никогда.
 А явилась на свет
 для какого-то важного дела.
 Мне его отыскать бы
 и душу живую вернуть.
 Вопреки и назло
 прорву времени я одолела.
 По-людски бы теперь,
 да смеётся бесовская суть.
 Оседлавши грехи,
 понукаю бесстыдно горласто.
 Ржут коняги, оскалили морды

и в бездну несут.
 Замерла на краю
 и, нахраписта, зла и глазаста,
 предъявила клеймо
 как повестку на праведный суд.

Не виновата юная трава,
 что, старую победно попирая,
 повылезла на солнышко, едва
 суглинок разморило у сарая.

Ещё сугроб за домом леденел,
 но жаром полдня и его прибило,
 и натиск половодья одолел
 назойливые снежные белила.

Весенние разруха и разор
 в хозяйстве леса, паводок на пашне...
 Ворвался ветер, и его напор
 под корень свёл воды и солнца шашни,
 потом нырнул в июньский травостой
 и захлебнулся. Красота и сила
 цветения была такой простой,
 что восхвалений вовсе не просила.

Тайфун во Владивостоке

Хлестало всласть, гремело и неслось.
 Разверзлись хляби. Ливня нетерпенье —
 двумя-тремя мазками вкривь и вкось —
 рождало облик светопреставленья.

День одичавший бился и стонал.
 В нём бредило и, изнывая, пело,
 и молнии стремительный кинжал
 вонзал огонь в истерзанное тело.

То август отвоёвывал права,
 но шквал, умело усмиряя лето,

сметая стать деревьев на дрова,
власть сентября вводил ещё с рассвета.

И он ворвался, свежестью омыт,
в листе по пояс, солнышко в петлице!
Волна ломала вековой гранит,
вползала осень рыжею тигрицей.

В ознобе стылом мой Владивосток
по всем законам выходил из драмы
и, для начала, чистый лоскуток
взял и протёр стекло небесной рамы.

И ожил. А тайфуна злая мощь,
ворча громами, убралась с рассветом.
Обиженно с утра поплакал дождь,
и стало вдруг полно тепла и света.

Немного сумрака
подмешено в рассвет,
на зимних иглах
воздух так настоен,
дневной разбег
медлительно спокоен.
Ночь уползла,
но утра нет и нет.
Шуршат и шепчутся
привычные шаги,
торопится
мой город на работу.
Мажорную
подхватываю ноту
и в день вхожу...
Не сбиться бы с ноги.

Лист кленовый пятипалый
планером парит.

Сюртучок багряно-алый,
 молодецкий вид.
 Вдруг – на миг – надел блестящий
 блик-комбинезон
 лист-солист, танцор, скользящий
 на цветной газон.
 Там, шурша от нетерпенья,
 тьма собратьев ждёт,
 и объятья завершенья
 отберут полёт.
 «Я в душе ещё весенний!» –
 взвился и пропал,
 и умчался на осенний
 и последний бал.

Умчались песни лета...
 Сентябрю
 кивают астры острыми лучами.
 Я осени о бренном говорю...
 Красавица дородными плечами
 лишь повела.
 А взор её далёк,
 стол урожайный и богат, и весел.
 И ярмарок приветный говорок
 зовёт отведасть яблок, мёда, песен.
 Деньки-то рады: «Осень на дворе!» –
 красавица, кормилица и сваха.
 И ловко так сидит на сентябре
 багряная кленовая рубаха.

Вечер звал золотым окоёмом,
 зной дышал, словно пламя в печи.
 Ветви сада за маминым домом
 нас укрыли. «Молчи же! Молчи!»
 Я сама отворяла застёжки
 и сама одаряла: «Бери!»

Мирно в доме чернели окошки,
мы венчались до тихой зари.
И окутаны росной прохладой,
лоскутами ненужных одежд,
по тропе соглядатель-сада
повлеклись в ополчение невежд,
слепо в тайную тяжесть влюблённых
и наученных ей угождать,
дикой силой навек опалённых –
только б жизнь продолжала рожать.
Что мы ей? Лишь подпорка и малость,
лёт на вылет –

как мячик в игре.

Только, боже мой, как же дышалось,
что творилось на этой заре...

Я уйду в задумчивость заката,
на простор немисливых дорог...
И ни в чём уже не виновата,
отрешусь от гула дней и строк.

Обретая скрытое за далью,
назову нездешним из имён.
И омочит светлою печалью
мир – что за пределами наречён.

Нету в нём ни минусов, ни плюсов,
нет раздвоя, боли, нищеты,
Равно Тихий Свете Иисусов
озаряет души и цветы.

Все – милы и все послушны Богу,
все верны без выгод и наград.
Вот и вышла в дальнюю дорогу,
и никто ни в чём не виноват.

По морям, по волнам гульбищ,
по разрухам людских стойбищ,

проживало разрыв-время,
жатву жало наших побоищ.

А они себе лютовали,
раззадоривая нас глупых,
а они себе гулевали
да рассматривали нас в лупы.

«А людишки-то всё мелки,
падки, бедные, на разборки,
карму крутят с запалом белки,
судьбы взваливая на закорки.

Тащат, красные от натуги,
слыша краем о вышнем свете.
Только зряшны, пусты потуги,
никогда не прозреют эти.

Вразумляют их – нерадивых,
только гонят они пророков,
что рисуют дивные дивы,
знают облики крайних сроков.

Нерадивым бы мир рушить
да планету душисть смрадом,
окаянные свои души
заселяя земным адом».

Терять стихов черновики
легко и сладко,
и не оставив ни строки,
уйти украдкой.
Пусть не узнает тень мою
соседка ива,
а я пою себе, пою
без перерыва.
Исчезну враз за горизонт
изустной речи.

Усилий лёгкий парафраз
измыслит встречи.

Прорвётся многозвучье тем
как ниоткуда.
И разминусь с небытием –
случится чудо.

Мы знали друг друга, но лишь любопытством влекомы,
общались всегда на бегу, второпях, кое-как.
Потом подружились и в статусе добрых знакомых
вникали по-свойски в событий и дел кавардак.

Природно-бесхитростный и безалаберный малый
легко расставался и камнем на дно уходил,
а мне до зарезу общения с ним не хватало –
он был несказанно по-разному поводу мил.

Но сгинул, ушёл невозвратно и необъяснимо.
Сказали, что умер по-пьянке, никем не отпет.
И память о нём, так случилось, лишь мною хранима.
Нелепым юродивым был потаённый поэт.

И чувствовать и передать изощрённо глубоко
умел как никто, но таился и словно берёт,
и ждал напряжённо какого-то вешего срока,
и всё, что писал, прочитав, лихорадочно жёг.

Понять невозможно причин: от кого он таился,
на что безоглядно, победно растрачивал дни.
Нелепо и страшно, и так навсегда удалился,
не видел, не знал, не обрёл ни друзей, ни родни.

Стихия творенья его постепенно сжирала,
вонзались в сознание терновые иглы венца.
Был счастлив и мучился. Острого зрения жало
и знания соль изнурили его до конца.

Я по-своему мир разложу:
и пойму и увижу такое!
Воскрешу бездыханность полей,
успокою асфальтовый ад.

Мне бы к чудищу в гости –
кромешное диво морское
расспросить о душе.
Тоже, может быть, мается гад?
Проползу, пролечу
и проникну во щели земные,
и, безмолвной чем пыль,
припадая на вытертость шин,
заарканю пространства,
и станем мы напрочь родные,
и взойду на утёс,
что измаялся бедный, один.
Мир в потерях погряз,
одурманенный квази-прогрессом,
но Земля размахнётся
и смеет негодное в прах,
а на вырост оставит,
с мудрейшим своим интересом,
только зори и воздух,
что лесом и морем пропах.
Вот тогда из пространства,
что стало навеки родимым,
зацеплюсь хромосомой
за высохший яловый мох,
наделю разуменьем
и сделаю неотменимым.
Всё пойдёт по спирали.
Её и задумывал Бог.

Содержание

ОДНА СТОЛИЦА	3
Георгий АДАМОВИЧ	
«Что там было? Ширь закатов блёклых...»	4
Юлия АЛЕКСЕЕВА	
Питер	4
Полина АНИСИМОВА	
«Я сразу влюбляюсь в город, где я живу...»	5
Ксения АНТОНОВА	
Мой город	6
Евфросиния АЩЕУЛОВА	
Город дождей – Петербург	6
Елизавета БЕЛЯНИНА	
Город	7
Дарья БЕРТОВА	
Мой Петербург	8
Ангелина ВАСИЛЬЕВА	
Белая ночь	8
Анастасия ГАНДЗЮК	
«Этот город – дом скитальцев, одиночек и кутил...»	9
Екатерина ГУСЕВА	
Мой Петербург	10
Роман с Петербургом	10
1. «А я шла не спеша по Невскому...»	10
2. «Ему было чуть-чуть за триста...»	11
3. «Ты улыбаешься мне на фото...»	11
4. «Ты думаешь, что я тебя забыла...»	12
5. «Возможно, я уеду в Питер...»	13
6. «Поёжились львы на гранитных плитах...»	13
Матвей ДЯГИЛЕВ	
Петербург	14
Зов	14
Дарья ЕВТЮХИНА	
Город-сказка	15
Алексей ЗАБОРСКИЙ	
Город	15
Екатерина ЗАРХ	
В северном городе	16

Александр КОРОЛЁВ	
Голодай	16
Коломна	17
Пётр III	18
Павел	18
Ксения ЛАВРЕНТЬЕВА	
Антигород	19
Илья ЛАПИН	
«Как славны были, давний друг, те майские недели!...»	20
Наталья МОЛОТКОВА	
Мой Петербург	21
Владимир НАБОКОВ	
Годовщина	21
Лиана ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ	
Гимн Академии художеств	23
Великому городу к 300-летию	23
Георгий ПЕТРЕНКО	
Питер	24
Антон ПОГРЕБНЯК	
«Пётр Первый – не иначе как русский Фауст...»	25
Деклатим	
Про меня и Петербург	25
I. «Научи меня жить. Научи меня жить...»	25
II. «Привет, Питер...»	26
III. «Знаешь, мне сегодня сказали...»	27
Ксения СЕВАСТЬЯНОВА	
«от ветра холодно дышать...»	28
«находить его в чьих-то лицах...»	29
Калерия СОКОЛОВА	
«Прозрачен наш осенний Петергоф...»	30
Вера СТЕПАНОВА	
«Дни любовью и болью пестрели...»	30
«Все ветры разом в Питер ворвались...»	31
«Что ж сатанеть от безысходной яви...»	31
«Петербургу нынче не до сна...»	32
«Мой Петербург, дари неспешные рассветы...»	32
«Зимы не случилось...»	33
«Под скрипку старинную...»	34
«Летний сад... Там амфоры и урны...»	35

Елена СУББОТЕНКО	
Моему Ленинграду	35
Елена ШАПКА	
Питер	36
Максим ШВЕЦ	
«Пётр Третий – притворщик и пьяница...»	36
«Я пройду по проспекту, зайду по пути в магазин...»	37
Елена ШИПИНА	
Приди, зима, в Санкт-Петербург!	38
Рождественская погода в Петербурге	38
АНТОЛОГИЯ	39
Мария АНЕЗАГХ	
Прощание Эвридики	40
Ольга АНИКЕЕВА	
Понт Эвксинский	41
Крымская ночь	41
Ангелина ВАСИЛЬЕВА	
Стикс	42
Николай НЕРОНОВ	
Гелиады	42
Одиссей	43
Сократ	43
Сталкер	44
Демид РАБЧЕВСКИЙ	
Афродита	44
Троянские мотивы	46
Наталья СИВОХИНА	
Миф об Эдипе	47
Светлана ХРОМИЧЕВА	
Мойры	47
О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ	49
Никита МОКЕЕВ	
Вячеслав Иванов – переводчик Микеланжело	50
КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И СЕРЕНАДЫ	55
Алексей КОРОЛЁВ	
Колыбельные и серенады	56

СТИХИ.РУ... НО...	79
Игорь АКСЁНОВ	
Сонет. «Иной счастлив под звёздами вполне...»	80
Сонет. «Сентябрь уж наступил. Вновь отряхает...»	80
«Уж странных я поэм не сочиняю...»	81
«Мысль, прежде ртутным шариком дрожавшая...»	81
«Там, где должна быть телебашня...»	81
«Район у метро...»	81
Декаданс	82
«Снежок...»	82
«Я работаю...»	82
«С годами...»	82
Дневниковое	82
Юлия АЛЕКСЕЕВА	
Чайные гномы	82
Дождливый ноябрь	83
Тебе	83
Денис АНДРЕЕВ	
«Так просто игнорировать симптомы...»	84
Елизавета АНДРИАНОВА	
«От любви ли бьётся сердце...»	84
Апельсин	85
«Улыбка как средство защиты...»	86
«Холодная грусть февраля...»	86
«Капли мне лицо целуют...»	86
«Ласточки взбесились...»	87
«Решил играть чужую роль...»	87
«Лица похожие...»	87
«Кто-то курит сигареты...»	88
«Я уток кормлю...»	88
«Последние свободные цветы...»	88
«Ты брал мою душу...»	89
Мария АНЕЗАГХ	
Разговор	89
За советом	90
Ольга АНИКЕЕВА	
Ноябрьский сплин	91
Ожидание	91
Мир изменился. А ещё вчера	91
Осенняя пиромания	92

Плѣс обновлённый	92
Туман	93
«Пара перчаток и веер закрытый...»	93
Полина АНИСИМОВА	
«Та часть меня...»	94
«А вы бы мне прекратили читать морали...»	95
«Срываясь за рамки страниц, мой книжный герой...»	96
«Есть города, которые нас убивают...»	97
«Здесь нет ни красивой истории, ни яркой обѣтки...»	97
«Послушай меня. Я, дышащая дымом...»	98
Константин АНСИМОВ	
Напишите шедевр о любви	99
Мѣд	99
Эфирное	99
Тамплиер	100
Ксения АНТОНОВА	
Медвежья песня	100
Незнакомец	101
Голая правда	101
Я детѣныш	102
Ольга АТАМАНОВА	
Рихард Зорге. Разговор со смертью	103
Евфросиния АЩЕУЛОВА	
Ностальгия	104
«Опять под окнами сирень...»	104
«Здравствуй, здравствуй, родная околица...»	105
«Вращаются частицы хрусталя...»	105
Белый вальс	106
Пусть придѣт тишина... ..	106
Неопределѣнность	106
Когда рождаются стихи... ..	107
Картине М. Врубеля «Сирень»	108
С.А. Есенину	108
Елизавета БАБИЦКАЯ	
«Я сама себя боюсь. Действия, поступки...»	109
«Мне б сейчас подняться в горы, нужно сдвинуть небосвод...»	109
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Монолог. (Вместо письма)	110
Монолог	111
«Солнце лучших дней не уходит за горизонт...»	112

«Чтобы душа жила – обязательно нужен ангел...»	112
«Настроены сны и скрипки...»	113
«Мир тесен, как вода на киселе...»	114
Ответ	114
«Новое кладбище стало за несколько лет старым...»	115
Провидица	116
«Мы остались на корабле...»	117
«Когда дрогнет сердце от дыхания океана...»	118
Верлибр прибрежной зоны	118
«Милая, милая, заплутавшая стрекоза!...»	119
Надежда БАРАНОВА	
«Мне снятся белые подсолнухи...»	119
Отъезд	120
Автобус	120
Лето	120
Листья	121
Небо	121
Елизавета БЕЛЯНИНА	
«По тем же улицам, вдоль тех же серых стен...»	121
Дарья БЕРТОВА	
Ночь раскрашена чёрным углём	122
Прямые в параллельных плоскостях	122
Разрывает тишину рёв мотора	123
Так больно, что хочется сжаться в точку	123
Осколки	124
Моя квартира	124
Дорога на работу	124
Когда так больно, что нужны слова	124
Твои прикосновенья смыты в душе	125
Люди из стали	125
Сколько следов на снегу	126
Теория систем	126
Путь	126
Андрей БЕРТЫШ	
Одинокий волк	127
Прекрасна ты	127
Silentium	128
Да иду я. Иду	128
Проводил	129
Ответ Галичу	129

Здравствуй, Мандельштам	130
Турчанка 2	131
И печаль моих домашних	132
Опять Мандельштаму	132
Маргарита БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ	
Мои сны	133
Глядя в небо	134
1. Гало	134
2. След самолёта	134
Благодарность	135
Татьяна БОГИНА	
«В каждой великой музыке спрятан Бах...»	136
Анна БОХАНОВА	
«Надо учиться терять, не жалея себя, забывая...»	136
Елена БОХОЕВА	
Утро	137
«Приятно мять оттаявшую твердь...»	137
Анна БРУССЕР	
«Я скучаю обычно по тем...»	138
Ксения БУРЖСКАЯ	
«Октябрь...»	138
«Во Франции говорят...»	139
«у каждой женщины должно быть опасное чёрное платье...»	139
«Имя твоё впечаталось в губы...»	140
«Вечера в театральных пабах...»	140
«что в твоих руках такое, чего нет в других...»	141
«а любовь оказалась не опухоль, но киста...»	142
Татьяна ВАЛЕНКО	
«Половина творений моих никуда не годится...»	142
«Расскажи, разве счастье бывает больше?...»	143
Ветер	143
«Ты молчишь, я считаю такты...»	144
Счастье	145
Свитер	145
Вечер	145
Руслан ВАЛИЕВ	
«Молчанье. Ночь. Скамейка в парке...»	146
«Уже холодный, знойный вечер...»	147
Ангелина ВАСИЛЬЕВА	
Азраил	148

Мухи	148
«На балкон в предрассветном тумане...»	149
«Памяти сэра Терри Пратчетта...»	150
«Не можешь увидеть, услышать. И не осязать...»	151
Послесмертие	152
Я уснул	152
Окна	153
Рагнарёк. Астард во тьме!	154
«Синяки у меня под глазами размером с Америку...»	155
Персеиды	156
Королева снежная	157
Злата ВОЙНОВА	
Старик	158
Палач	159
Море	159
Реалист	159
Анна ВОСТОКОВА	
Светлая	160
Лёгок	160
Сухой остаток	161
«Всюду носить с собой буквы твоего имени...»	162
«Минул год. Отчего не десять?»	162
Анастасия ГАНДЗЮК	
«Поднимайся ко мне, в эту полную тайн высоту.»	163
«Расскажи мне, мой друг, про волшебные чёрные дыры,»	163
Анжелика ГРИГОРЬЕВА	
Маме	164
Родителям. Мне подарили крылья	164
Родителям. Какое счастье, глаза в глаза	165
Просто	165
Дедушке	165
Папе	166
«Я поворачиваю назад...»	166
«Мне никогда не станут «не нужны»...»	167
Екатерина ГУСЕВА	
«Я вообще-то не очень злопамятна...»	168
«Так печально сидеть за накрытым столом...»	168
Иван ДМИТРИЕВ	
Где-то в горах	169
«Восемь. Асфальт, раскалённый днём...»	169

Постскрипtum	170
Воспоминание	171
Молчание	171
Ты далеко, но здесь	171
Exul	172
«Как в море солёном насквозь да без пресной воды...»	173
«Ты хотела быть морем...»	173
Забывтый	174
«Ночью за городом холодней...»	174
Солнце	175
«Ежели дерево пустит корни...»	175
Вечер	175
Провинциальное	176
«Подошёл к обрыву. Стою...»	177
«из России с поклоном, но словно бы ниоткуда...»	177
Матвей ДЯГИЛЕВ	
Московские стансы	178
I. «Москва, мне с тобой по пути...»	178
II. «Читаю свой путь под углом...»	178
III. «Когда ты вернёшься в Москву...»	179
«Я Рождества не жду, ни спутников, ни встречаемых...»	179
«Ночь, и я не вымолвлю ни слова...»	180
«Вот и всё. Никому...»	180
«На холодной равнине, в пустыне, нигде...»	181
«По встревоженным дорогам...»	181
Кажется... ..	182
«Заживём, дорогая...»	183
«Надеюсь, что ты счастлива теперь...»	183
Дарья ЕВТЮХИНА	
Про труд, пруд и рыбака	184
«Вот тебе – раз, моя девочка, вот тебе – два...»	184
Нагота	185
«Всё, что было на вырост, стало совсем узко...»	186
Дуальность	186
Вселенная человека	187
Ева	188
Марина ЕВТЮХИНА	
«Вросшее в палец...»	189
«Сгущение мысли. Тромб в памяти. Амнезия...»	189
«Светает...»	189

«Дом напротив моего окна...»	189
«Память стала со временем дальноркой как зрение...»	189
«От перемен погоды крыжовник стал слаще винограда...»	189
«Мы с дочкой излишне строги друг к другу...»	189
«Нравится носить одежду из ткани в горошек...»	189
«Как собака в стойке застываю перед явлением стиха...»	189
Екатерина ЗАРХ	
Художник	190
«окно опять покажет осень...»	190
Татьяна ЗАХАРЧЕНКО	
«Как спят ночные города...»	191
«В первом абзаце какой-то старинной повести...»	191
«Снится, будто я могу тебе написать...»	192
Наталья ЗУБАРЕВА-ХРАМОВА	
Памяти Галины Гампер	193
День тишины	194
Юрий ИВЛЕВ	
Мореplаватель	195
«Весенним днём иду я по аллее...»	197
Ольга ИГНАТЬЕВА	
«И быть мне Текстом...»	199
«В холода всё становится намного проще...»	199
«А нужные слова часто приходят...»	200
«Не доросли...»	200
«Просто нас всегда учили таинственно молчать...»	200
«Идёт дождь. Идёт третий день...»	200
«Великий герой...»	201
«Нить Ариадны гниёт на глазах...»	201
«Он был моей Тенью...»	201
«Я сегодня не с Вами...»	202
Олег ИЛЬИН	
«Под конец ноября в Петербург возвратилась метель...»	202
«Детонируя дантовым адом...»	203
Евгений КАЗАРЦЕВ	
Верлибры	203
1. «Зачем ты снова идёшь скитаться?...»	203
2. «Берлин! Бери меня снова!..»	204
3. «Новый Амстердам! Где ты теперь?...»	204
4. «Поезда на вокзале...»	205
5. «С птичьего полёта этот город...»	206

Евгений КАПУСТИН

Маленький романс	207
Сизиф	207
Coliseum	208
Бойцу спецназа	209
Указ царя зверей. (басня)	209
Легенда об астрономе и небесном белом городе	210
I. «В той стране, где небо ясно...»	210
II. «Астроном однажды ночью...»	211
III. «Астроном сидел неделю...»	212
IV. «А однажды тихой ночью...»	212
V. «Астроном страдал и плакал...»	213
Восточное предание. Царская щедрость	214
I. «Шёл бедняк своей дорогой...»	214
II. «В том саду благоуханном...»	215
III. «Царь поднялся, и, шатаясь...»	215

Артур КАРИМОВ

Петербургская легенда	216
-----------------------------	-----

Елена КАЧАРОВСКАЯ

Галине Гампер	218
Кстати о скво	218
Кстати о свиданиях	219
«Вы говорите: «Жанры»...»	219
Про лося	220
Лицемерик о пифосе и пафосе	221
Кое-что о коммуналах	221
Богадельня	222
Кстати о полиглотах	223

Алиса КЛИО

«Твоя рука протянется ко мне...»	223
«В Инете жизнь кипит – кочуют смайлики стадами...»	224
Дракон в золотой шубе	224
Путешествие за край	225
I. «Там, вдалеке, за синей стеною леса...»	225
II. «Если пойдёшь тропинкой к осеннему бору...»	226
III. «К дому направишься в сумерках, по тропинке...»	227
«Чудеса появляются редко...»	227
Красота на все времена	228
I. «Лёжа часами в чужой остывающей ванне...»	228
II. «Это довольно непросто – быть элементом декора...»	229

Послание	230
«Я ветреную ткань тумана...»	231
Игра	232
Григорий КНЯЗЕВ	
«На кладбищах, заняв пеньки...»	233
«Только черёмуха отцвела...»	233
«Под фонарями – искры дождевые...»	234
«Люблю я краски акварельные...»	234
Абсанс	235
«Нынче разве что снег этой ночью не выпал!...»	236
«Песня грусти разлилась по свету...»	236
«Какой тяжёлый ветер поднимается!...»	237
«Я вышел на балкон – парит...»	237
«Я жив, пока есть дело у меня...»	238
Лидия КОКОРИНА	
Реасе	239
Когда в апреле снег... ..	239
«Как будто не осталось слёз...»	240
Юлия КОЛТЫШЕВА	
«Похоже, правда такова...»	241
«За стаей вдаль летящих слов...»	241
«А знаешь, мы ведь могли...»	242
«Бывает так, что лишь мгновенье...»	243
Ты –	244
«Так часто случается видеть...»	244
«Так часто случается видеть...»	245
Александр КОРОЛЁВ	
«Теперь здесь зима и сугробы...»	246
«Под знаком злобы и разлада...»	246
Ночь	247
«В последний миг отпрянуть от огня...»	248
«Над сопками закат едва румянится...»	248
«Как трудно вымолвить: – Уйди!...»	249
«Последний лист срывается с дерев...»	249
Алексей КОРОЛЁВ	
Сказитель Олег	250
Екатерина КРЫЛОВА	
«как можно не слушать, как ты поёшь...»	252
«золотые косы её распущены...»	252
«Noney, Noney...»	253

«чем наполнены твои ночи?...»	255
«в школе я плакала, когда получала тройки...»	255
«Бог забыл про тебя. Смирись и ложись в кровать...»	256
«море дарит только цунами...»	256
«от господина N мне приходят письма...»	256
«знаешь, я не хочу без тебя любить море...»	258
«Я не вечна...»	258
«Забиты окна в домах...»	259
«Твоё имя смотрелось бы на небе осени...»	259
Мария КУДРЯВЦЕВА	
Баба Яга	260
Фирс	260
О себе	261
Сон	261
Валерия КУКА	
«Скорости нет, нет и дыхания...»	262
«Пускай я буду один, как слон в посудной лавке...»	263
«Люблю любимой быть любовью...»	263
Юлия КУМБАШЕВА	
«Такая осень – трудно различить...»	263
«Чтобы быть ближе – нам нужно держаться дальше...»	264
«Выйди из комнаты и соверши ошибку...»	265
«Он не был принцем или драконом, она – принцессой...»	266
Лабиринт Мёнина. (Из Макса Фрая)	267
«Мы больше ничего не будем ждать...»	268
«Жизнь неслась впереди в лёгком танце: обманка, приманка...»	269
«Вот и опять густой медовый август...»	269
«Здравствуй, Друг! Я пишу тебе – знаешь? – из Рима...»	270
Ксения ЛАВРЕНТЬЕВА	
«Купанье Красного Коня...»	271
«Меж роковой ошибкой и простой...»	272
Методика	272
На грани двух тысячелетий	273
Поезд	273
Прощание с музеем в пос. Сиверский	274
Электричка	274
Татьяна ЛАПИНА	
У берегов Английского пруда	275
Как я провёл лето	275
Репино	276

Декабри	276
Соло	277
Картина	277
Синий вечер	278
Мария ЛЕОНТЬЕВА	
Я открыл океан	278
Цель	279
Предчувствую	279
Наш боцман	280
Ропщут призраки в Ропше	281
Говорили горы	281
Сергей ЛЕХИН	
«Ты меня ещё не забыла?...»	282
«Любимая, ты от меня далеко...»	283
«Душа прострелена навывлет...»	283
Елена ЛИТВИНЦЕВА	
«Ноутбук горячий на колене...»	284
Лумиваара	284
«Когда б имел ты волновые свойства, дядя...»	285
«Весёлый день от напряжения устал...»	285
«Ты в зыбком небе держишь руль в руках...»	286
«Эйнштейн не описал такое тяготенье...»	286
«Элементарная частица...»	287
«И было всюду торжество...»	287
Евгения ЛОГВИНОВА	
«буря такая, что легче повеситься...»	288
«просто давай допустим, что это так...»	288
«дым сигаретный, разбитые стёкла...»	289
«Здравствуй, моя любимая истеричка...»	289
«купи билет на ушедший поезд...»	290
«Я к тебе никогда не вернусь...»	290
«Сердце сломано, сбито, растерзано...»	291
«Я как Анна Каренина с поездом...»	291
Екатерина МАЛАКЕЙ	
«Просто ты шотландка, а я твой виски...»	291
«Хандра хватает за горло и стискивает виски...»	292
«Зачем ты случилось, прошедшее счастье...»	292
«Не люди...»	293
«Я вас любила. Я любила. Что ж с того?...»	294
Мандельштаму	294

Александра МАНЦЕВОДА	
«Грядут ко мне воспоминанья...»	295
София МАРИШИНА	
Хэмингуэю	299
«Что есть истина? Глупость? А впрочем, об этом ли речь?...»	300
«В привкусе Бёлля мерещится Кафка...»	300
Буриданова ослица	301
Парки	301
«Небо упало на тёплую спину...»	302
Эдип	302
«Пожелай мне удачи назавтра...»	303
Антон МЕШКОВ-ПРИПЬЯНСКИЙ	
«Я творю поэзию богом забытых мест...»	304
Август	304
«Я больше не приписываю вам...»	305
«Я думаю всё же, любовь одна...»	305
Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ	
«Ни это ли счастье? Люблю Вас, да только...»	306
«Спиной к рассвету, путь или черта...»	306
«Не жалейте меня, я как прежде бесстрашна...»	307
Время сожжения	307
Иерусалим	308
Мольер	308
«Ты улыбнёшься, но я тебя вновь не замечу...»	309
«Голос города тише и глуше...»	309
Полу-зимнее	310
Сделка	310
«Мне холодно от вашего дыхания...»	311
Екатерина МИТИНА	
«Как хочу целовать нет, не щёки...»	312
Эликсир молодости	312
Единорог	313
Параллельные	314
Сердце	314
Скатерть	315
Шостакович	315
«I love you!»	315
Алина МИТРОФАНОВА	
Родному городу	316
Страхи старых дев	316

Когда закончится война	317
Наполеону	318
Суэта	319
«Пока ты ещё не развратница...»	319
Когда умирают боги	320
Бюргерское счастье	321
«Уйти в леса и шерстью обрасти...»	322
Роскошная леди в сером	322
Наталья МОЛОТКОВА	
Зовите все меня – Наталя	323
Я это ярко чувствую в Крыму	324
Ёжики	325
Владимир МОРОЗОВ	
Современное	325
Я зашёл на твой сайт	326
Монте-Карло	326
Ветер, играя листвою	327
Не доверяй ты душу никому... ..	327
Созвездие любви	328
Екатерина НЕЗВАНКИНА	
Бессонное	329
На севере Африки	330
В память о глазах	330
Синий дом	331
Глина	333
О словах	333
Дама в капюшоне	334
Николай НЕРОНОВ	
«Мне кажется, что я сошёл с ума...»	335
«Больше никаких любовных писем...»	335
«Он курил в Эрмитаже у старых икон...»	336
«Ах, вот, какая же ты хитрая...»	336
«Тяжёлый день, второй, туманный, лунный...»	337
Equum et коров	338
Камнеглазка	339
«Если душу Господь не избавил...»	339
«Чем лучше твой изысканный закон...»	339
Бумеранг	34
«Ты можешь быть, а можешь и не быть...»	340
«То, что я здесь и сейчас, и целую тебя...»	341

Памяти Жени	341
«Фокусник! Ведь я тебя замучу...»	342
«Если повезёт – хвала судьбе...»	342
«Если не ускорять события специально, то...»	343
Юлия НОСОВА	
«Я подчинилась жуткой хворости...»	343
«От забвенья сорвётся с привязи...»	344
У лета на краю	344
Андрей НОЯБРЬ	
Из цикла «Прощание с Бахом»	345
«Скитаясь с Бахом на помойке...»	345
«Мы с Бахом убивали время...»	346
«Однажды у Баха сломалось крыло...»	347
«Вот так случилось – Дед Мороз потерян...»	348
«У Баха кончилось бухло...»	349
«А ночь вчера тёплой была...»	349
Лиана ОСТАПЧУК-ПЕТРОВСКАЯ	
Бессмертный полк	351
Поросёнок лог	351
Перекаты	351
Мои берега	351
Смятение	352
Братьям	352
Весна	353
Павел ПАНЧУРИН	
Сербам	354
Георгий ПЕТРЕНКО	
«Пришла в короткой куртке, в платочке...»	355
«Ты и набат мой, и благовест...»	355
«Мы стоим усталые у межи...»	356
Божьи свечи	356»
«Листал твой учебник, смотрел безразлично...»	357
«Июнь. Летит клочками пух...»	358
«Земля обесцветилась, погружаясь в траур...»	358
«Если закрыть глаза, то кажется, мы на юге...»	358
Весенний порыв	359
Читателям	359
«Медленно...»	360
«Я не знал, что весна будет белой...»	360
Размышления по дороге в Изборск	361

«Простившись у ночных такси с ребятами...»	362
«Поле объяло теплом бурьяновым...»	362
Осеннее самовнушение	362
Ода губам	363
«В гуле поезда...»	363
Антон ПОГРЕБНЯК	
Окно в Европу	364
Нина ПОСТНИКОВА	
Россия-матушка	366
1. «Обвислые уши собачьей поры...»	366
2. «Россия-матушка, течёт, течёт вода...»	367
«Он играл на трубе...»	367
«Эти милые лани – на корм тиграм...»	367
«Во что превратимся – в траву или камень?...»	368
«Обмани рыбку голодную на крючке...»	368
«И сколько дней и сколько воскресений...»	368
«Крым наш, или закон, что дышло...»	368
«Хорошая зверь волчица...»	369
«Лишь поседели, но ещё не выпали...»	369
«Не какой-нибудь художник...»	369
«Тоскует душа, как опавшие листья...»	370
«...Апрель – предчувствие весны...»	370
«Или жизнь моя во сне...»	370
«И уснуть, как будто сгинуть...»	371
«Всё кружит, кружит дорога...»	371
«Дождь внутри и дождь снаружи...»	371
«Свет мой, Ангел, где же Небо?...»	372
Максим ПЬЯНКОВ	
Май	372
Сентябрь	373
Январь	373
Демид РАБЧЕВСКИЙ	
«Я уйду, и на пружине дверь...»	374
«Любые сомненья, душевные муки...»	375
«По клавишам окон и крыш черепице...»	375
«Отзвенели тонкие бокалы...»	376
«А жизнь пульсирует не так...»	376
«Когда себя на улице пустой...»	377
«Разбиты стёкла грустного заката...»	377
«Мы будем с тобою гулять до рассвета...»	378

«Полупустой троллейбус. Поздно. Вечер...»	378
«Попав на рельсы, надо понимать...»	379
«Я нёс тебе розы заката...»	380
Утро	380
Песня о русской истории	381
Жук	383
«Я заложник печальных нот...»	383
«Мокрым утром в лучах золотого рассвета...»	384
«Давайте у клезмеров будем учиться...»	384
«Хочется разбиться о скалы...»	385
Деклатим	
«а самолёты не падают...»	386
Него	387
Холст	390
Граф-6. Память	390
Допрос	391
«Запах зимы...»	394
Небо затянуто тучами	395
«о таком уродстве не пишут – плюют стихами...»	395
«Я иду за победой...»	396
«с каждым фингалом мир становится всё приятней...»	397
«Черта...»	398
«это просто ноябрь. многоточие невозврата...»	399
Юлия САВЧЕНКО	
Красная ваниль	399
«погибая, от мысли вдохновляющей...»	400
Да	401
Душа	402
Не ты	403
Анонимно	404
Никита САФИРОВ	
«Под покровом зимней ночи...»	405
«Снег, метель, пурга и вьюга...»	406
«Мы циничными стали все...»	406
«В универе учиться прикольно...»	407
Ксения СЕВАСТЬЯНОВА	
«куда ни посмотри – кругом костёр...»	408
«первая правдивая строка...»	408
«[ты – лучший образ у писателя-фантаста...»	409
«(...мне так забавно...»	410

«а ветер шуршит по страницам из книг...»	410
«расскажи мне о том...»	411
«я приду к тебе с приветом...»	413
«я пишу стихи, ты знаешь...»	413
«ожидая весну...»	415
«в этом городе носят под куртками чёрные души...»	415
«сыро стынут проспекты...»	416
Татьяна СЕМЁНОВА	
«Здесь всё – стихи. Витает Гений места...»	416
«Фонари горят в посёлке...»	417
Надежда СВИРИДОВА	
«Я схожу с ума, отдавая себя без остатка...»	417
«И вроде уже не чужие...»	418
«Даже страшно смотреть тебе вслед...»	418
«Моя вера неверная брошена в воду...»	419
«И если однажды мы не проснёмся...»	419
«Между нами пропасть, над ней понимания прах...»	420
«И снова твой взгляд и грустная улыбка...»	420
«Просил простить, но нет тебе прощенья...»	421
Николай СЕРГЕЕВ	
Волхвы Невы	421
«Живите по рельсам, легко и спокойно...»	422
«Листья приклеены к чёрным аллеям...»	422
«Луки смеются над небом...»	423
«Писать через боль»?...»	423
«Собираясь отплыть куда-то...»	424
«Там, где цветёт чертополох...»	424
«Трамвай, занесённый ветром...»	425
«Ты видишь в зеркале Эдгара По...»	426
«Ходим чёрные и чистые...»	426
«Я уехал бы отсюда, уехал бы...»	427
Наталия СИВОХИНА	
«Не верилось, но под кожу вросло судьбой...»	427
«В кафе полутемно...»	428
«Тысячу лет считая себя скалой...»	428
«Так тает снег, летя во мрак двора...»	429
«Столько лет тебе, что хотя бы...»	430
«Вот я и следом рыжая собака...»	430
«Два рельса, ведущие никуда...»	430
Марфа	431

Про войну	431
«Отзывай сватов, Фатима-ханым...»	432
«В городе детства, где каждый из нас одинок...»	432
«Воздвиженка. Ломали старый дом...»	433
«Под вечер замирала суета...»	434
«Здесь имярек лежит на тёплых досках...»	434
«Сползая по вьюнкам зелёным...»	434
Посёлок	435
«Дети на даче глупую развели...»	435
«Нарисуй пейзаж, а выходит мир...»	436
«И когда рассеется, было нахлынув, мрак...»	437
«А дворик как дворик – вот лунный диск, да облака стёртый мел...» ..	437
Бредовое рыбье	437
Ижора	438
«Потому что однажды захочешь совсем онеметь...»	438
«Когда не жалко больше никого...»	439
Алексей СИЛИНСКИЙ	
«В её движенье каждом – нежность...»	439
«На потном стекле кривое сердечко...»	439
Про кофе	440
Светофор	440
София СНЕГИРЁВА	
«расскажи, что ты помнишь апрель в девяносто четвёртом...»	441
Без возможности	442
Если уйдёшь на фронт	443
Картина	444
Очень простое стихотворение	445
Про ад	446
Про рай	446
С уважением и любовью	447
Три слова	449
У меня есть	449
Храмы Камбоджи	450
Хуже вытоптанной любви	453
Даниил СОКОЛОВ	
«Город – узник в морозных оковах...»	454
«Смежи утомлённые веки...»	454
«Я сойду в вечерний морок...»	455
«Уйди. Оставь мне Финский залив...»	456
«Тебе, я знаю, будет сниться...»	456

«Рассветом, как кровью, набухли...»	456
«Они молились там, где мгла...»	457
«Идущий от стены к стене...»	457
«Ушла и не дала опомниться...»	458
«Когда изменят тени, и у нас...»	458
«Смежи утомленные веки...»	458
Калерия СОКОЛОВА	
«Хакер, послушайте: инициалы...»	459
«И час последний был уже назначен...»	460
Весна на Тамбасова	460
«Что мне в улицах этих и в этих убогих дворах...»	461
«Я всегда уезжала, всегда...»	461
«Мне приснились сегодня стихи...»	461
«Смятение капель, сплетение веток...»	462
«Глаза твои – не Ладога, а Нево...»	462
«Нож с тобой – и мой срок подытожен...»	462
«Привет, неудачник! Ну что, без меня – каково?...»	463
Муха	464
I. «Похолодало. Больше не порхаем...»	464
II. «Пока я пела, разошлись в полтона...»	464
«Ничтожна ночь. А день ещё ничтожней...»	465
«Я сказала: люблю. Каждый стал сам не свой...»	465
«Ох уж эта цыганская кровь...»	466
«Я решила жить здесь долго, до ста...»	466
«Ради этого трактора страдного, смрадного кузова...»	467
«Оно вернулось! Ласточкой высокой...»	467
«Я знаю, сколько ты дорог прошёл...»	468
Памяти учителя	469
«Я думала, крылья – это не больно, это...»	469
«С ливнем венчалась ночная морось...»	470
«Замыкается круг...»	470
Парашютистке	471
Эпилог	471
«Я знаю, меня поджидает расплата...»	472
Анастасия СОЛАРЁВА	
Слишком романтично	473
Я люблю тебя, солнце... ..	473
Памяти... ..	474
Ну вас... и рифму туда же... ..	475
За тобой... ..	476

Мрак	476
«Я не напишу тебе дурного...»	477
Константин СОРОКИН	
«Расскажите, какими ветрами...»	478
«Может, кто-то мне скажет. Может, кто-то шепнет...»	478
«Звёзды над Невским...»	479
Юлия СПАССКАЯ	
«Летом терраса вся порастёт травой...»	480
«Всюду погода: мы прячемся в парковый грот...»	480
«Между живой и мёртвой природой...»	489
«Мы надевали длинные, в пол, мосты...»	489
«Земля скрипично выгибается...»	490
«Лотовой жене достанется больше волшебного пирога...»	490
«Мы совершенно одинаковы...»	490
«пой, механик прожжённого поля и талой воды...»	491
«Не проси у времени ничего...»	492
Вера СТЕПАНОВА	
«Себе с рожденья не принадлежу...»	492
«Сафо, Марина, Анна, Белла...»	493
«Ты кто, прабабка?...»	493
«Стремительный в сердечном предпочтенье...»	494
31 августа 1941 года	494
«Капричос» Франсиско Гойи	495
«Царскосельская сонная одурь...»	495
«Тихонько шепнули хроники...»	496
«В стихах нафантазировать рассвет...»	496
«Предвечное правит душою...»	497
«Что мне ваши грехи?...»	497
«Не виновата юная трава...»	498
Тайфун во Владивостоке	498
«Немного сумрака...»	499
«Лист кленовый пятипалый...»	499
«Умчались песни лета...»	500
«Вечер звал золотым окоёмом...»	500
«Я уйду в задумчивость заката...»	501
«По морям, по волнам гульбищ...»	501
«Терять стихов черновики...»	502
«Мы знали друг друга, но лишь любопытством влекомы...»	503
«Я по-своему мир разложу...»	503

Книга издана на средства спонсоров

Подписано в печать 21.09.2019. Формат 60х88 1/16

Печать офсетная. Усл.- печ. л. 31. Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел/факс (812) 766 05 66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru